Агния Барто

Найти человека

25

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1970

Р 2
Б 26

«Найти человека» — первая книга прозы известного поэта Агнии Барто, которая больше пяти лет ведет радиопоиски детей и родных, разлученных войной.

Агния Барто рассказывает о новом, найденном ею, принципе поисков и о том, как в них участвуют тысячи советских людей.

Необычна судьба этой книги: первое издание вызвало бесчисленные читательские отклики, и некоторые из них так неожиданно изменили сюжеты отдельных историй, что автору пришлось дописывать их продолжение, продиктованное самой жизнью.

Своеобразен и характер книжки: «Истории в письмах» чередуются с дневниковыми записями, повествование о мужестве и испытаниях нашего народа, подлинные человеческие документы сменяются размышлениями писателя, его жизненными наблюдениями.

Художник В. В. Медведев

7-3-2
72-70

АГНИЯ БАРТО

•

НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА

«Мою пятилетнюю дочку немцы убили на моих глазах... Сын Толя Ферапонтов был отправлен в детский приемник. Архивы не сохранились, следы сына исчезли.

А. С. Ферапонтова»

«Во время эвакуации мой сын девяти лет Петр Хитреня отстал от поезда. На правой руке нет указательного пальца, оторван снарядом.

О. П. Хитреня»

«Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь — Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя, выжжен номер 77325.

Королева»

«Ночью подводы с нашими детьми поехали, мы их не догнали. С тех пор ищу Фаню и Борю Дубинштейн.

Итта Бессарабова»

«У меня теплится надежда, что мои Коля и Валерик где-нибудь выросли среди хороших людей... Помогите разыскать сыновей.

А. Р. Перевозкина»

«Я, испанская политэмигрантка и мать, прошу помочь найти дочку, потерянную в дни блокады Ленинграда.

Ниевес Гарсиа»

ВМЕСТО НАЧАЛА

В моей комнате столпотворение голосов и звуков, переплетение языков и наречий. Восток и запад перебивают друг друга. Это я верчу колесико транзистора, и вместе с колесиком звучит и вращается вся планета. На всех волнах малые и большие страны наперебой сообщают человечеству о великом и о ничтожном. Верчу колесико транзистора и, пробившись через футбол, через хор мальчиков, через сводку погоды, слышу: «Американские самолеты разбомбили в городе Лонгкхань школу. Сразу же погибло более ста ребят».

Опять гибнут дети, опять разрушаются семьи. А у нас матери еще не перестали оплакивать погибших в Великую Отечественную войну. И не перестали искать детей, потерянных во время фашистских налетов, пожаров, спешной эвакуации.

Неустанно, годами, многие родители и дети ищут друг друга. И часто находят. Есть люди, которые в государственных организациях по призванию и по долж-

ности — прекрасная должность! — соединяют семьи, разлученные войной. Они отыскали и возвратили родителям тысячи и тысячи детей. И продолжают искать.

Но для официального розыска нужны точные данные. А как быть, если ребенок потерялся маленьким, совсем маленьким, и не мог сказать, где и когда родился, не знал, как зовут его отца и мать? Таких детей, испуганных, растерянных, приводили в детские приемники, и часто они даже фамилию свою не могли назвать. Им давали новые фамилии, а иногда и имена, врач определял их возраст.

Многие из них так и выросли, не зная, кто они, откуда. Примириться с этим они не хотят и в течение многих лет тщетно пытаются искать родных.

Еще труднее матери примириться с мыслью, что она никогда не найдет своего ребенка. Но как же найти его, давно уже ставшего взрослым, если фамилия его изменена? Как найти? Иногда невозможно. Иногда трудно. Но пытаться надо снова и снова.

...Еще один поворот колесика, звучат позывные «Маяка», и я слышу записанный на пленку свой голос — веду передачу «Найти человека».

Из дневника поисков.

«...Почему-то я рассчитываю на сочувствие людей»,— пишет Нина Литвинова, разыскивающая своего брата Владимира.

Не ведая того, она раскрыла самую суть нашей передачи. На действенном сочувствии к чужому горю и держатся все наши поиски.

«Жить для себя». Мы привыкли считать это выражение эгоистическим, не украшающим человека.

Но вот письмо пенсионерки: «Я уже давно не работаю. Конечно, помогаю дочери, у нее дети, двое... Ждем третьего. Все же у меня остается время жить для себя, и я хочу принять хоть какое-то участие в величайшем деле поисков. Если найдете возможным, поручите мне что-либо».

В старое выражение вложен новый смысл. Видно, для многих «жить для себя» значит — жить для других.

Каждый раз, когда я говорю по радио: возьмите карандаши и запишите имена и фамилии людей, которых мы ищем,— и произношу эти имена, я надеюсь: а вдруг кто-то услышал знакомое имя и сейчас, в эту минуту, уже рождается чья-то радость!

Не всегда все просто. Мать искала сына двадцать четыре года. Сын нашелся. И вот пишет: «Не для передачи. Лично для вас. Я вам признáюсь, что у меня на душе нет ничего сыновнего. Вырастило меня государство, выучили детский дом и школа. Специальность я получил хорошую. И все без родных. Материнской ласки никогда не знал, поэтому у меня такое ощущение, словно приехала к нам совсем посторонняя женщина...»

Обидно мне стало и за мать, и за сына, и за наши напрасные поиски. Ну, что поделаешь... Не раз ведь мне говорили: «А вы уверены, что все эти встречи после долгой разлуки обязательно делают людей счастливыми?» Я считала, что обязательно... Но, видно, бывает и не так.

И вдруг через две недели сын опять пишет: «Не верьте моему первому письму. Сейчас я все время думаю о матери. От глубины души большое вам спасибо, что вы помогли разыскать мою дорогую маму».

Так что все-таки моя взяла!

Школьница пишет:

«Хочу вам помогать искать, кто потерялся. Но у меня имеется вопрос: разрешают ли этим заниматься, если двойка в четверти?»

Попробуй-ка ей ответить и честно и педагогично!

Еще труднее ответить на другое детское письмо:

«А если у меня нет никакого отца, вы можете его найти?»

Наверное, всю жизнь буду помнить имя: Артем Михайлович Козлов — наш первый найденный, по первой передаче.

Он позвонил мне домой из Кривого Рога:

— Не произошла ли ошибка? Товарищи уверяют, что вами было названо мое имя по радио... Мои родители умерли. Не понимаю, кто меня разыскивает?

— Сестра. У вас есть сестра в Усть-Каменогорске. Она вас ищет вот уже двадцать лет. Отца вашего звали Михаил? А маму — Евгения?

Ошибки не было. Все сошлось.

Первая удача — в январе 1965 года — я думаю, никогда не забудется.

Разговор с Клавдией Илларионовной Рукиной закончился совсем неожиданно. Я послала ей телеграмму с просьбой позвонить мне, она живет под Москвой. Сообщила ей по телефону, что ее сестра Зинаида найдена, жива, здорова.

Клавдия Илларионовна долго не могла справиться с волнением, все повторяла:

— Я из автомата говорю, из автомата...

Плакала в трубку, не находила нужных слов. А потом вдруг спросила озабоченно:

— А что же, у нее фамилия-то прежняя? Почему Зина замуж не вышла?

Вот на этот вопрос я ответить не могла.

Десятилетия прошли, а люди не забывают своих близких. И не только сыновей, дочерей, родителей,— ищут и глухонемую старую тетку, и племянника, с детства прикованного к постели. Ищут, не страшась обременительных забот.

Может быть, потому письма, полные скорби, все же оставляют и светлое чувство в душе.

ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Ниевес Гарсиа
Евпатория

«...Я, Ниевес Гарсиа, испанская политэмигрантка и мать, обращаюсь к вам, прошу помочь найти дочку, потерянную в дни блокады Ленинграда.

Во время одной из бомбежек я оказалась под развалинами моего дома, находящегося по адресу:

ул. Красная, 33. Оттуда меня вытащили раненой и отвезли в больницу. Моя четырехлетняя дочь находилась с соседкой в бомбоубежище... Когда я вышла из больницы, мне сообщили о том, что девочку отправили на эвакопункт по адресу: 4-я Советская. Я пошла по этому адресу, мне ответили, что девочки там нет. Все мои попытки найти ее до настоящего времени оказались напрасными. Мои знакомые сообщили мне, что в одной из Ленинградских газет 1949 г. говорилось о девочке-сиротке, известной всем в школе под именем «испанка». В последнее время я почти потеряла надежду найти ее, но сегодня узнала о том, что вы помогаете многим в поисках, и в моем сердце снова возникла надежда найти свою любимую дочку. Ее зовут Тереза Васильевна Рыбакова, дочь Василия Рыбакова и Ниевес Гарсиа. Она родилась в 1939 году в Ленинграде.

...Я уверена, что вы поможете мне».

Я прочла письмо Ниевес Гарсиа и хотела на конверте, как всегда, написать: «На очередь». Но передо мной встала Испания, которую я увидела в 1937 году. Окровавленная и совершающая чудеса храбрости. Передо мной встала Испания и та женщина, та рыдающая женщина, которую я никогда не забываю. Проездом мы оказались в одном из безлюдных городков высоко над морем (мы — это советские писатели, делегаты антифашистского конгресса). На узких улочках, идущих уступами к морю, прямо на земле, сидели древние старухи и гадали на картах, скоро ли кончится война. К нам подошла молодая женщина, худая, босоногая, в черном

изношенном платье и черной шали. Жестами она пыталась рассказать нам о чем-то, достала из-за пазухи фотографию маленького смеющегося мальчугана и прикрыла его голову ладонью. Мы не понимали, мы хотели рассмотреть лицо мальчика, но женщина опять закрыла детское лицо.

— Она объясняет, что ее сыну фашистским снарядом снесло голову,— сказал Михаил Кольцов.

Испанка подняла руку, показала свой палец. Один палец. Это означало, что она осталась совсем одна. И вдруг она вытерла слезы, крикнула: «Вива Испания!..» У нее осталась Испания...

С той минуты, как я увидела испанских матерей, их глаза, в которых горело горе, увидела на балконах и окнах городка, похожего на средневековый, развешанные испанками красные юбки, красные шали вместо красных полотнищ, которых у них не было, увидела в окопах под Мадридом молодых бойцов, идущих в бой почти безоружными, с поднятыми кулаками,— Испания стала для меня навсегда кровно дорогой.

И вот из этой Испании приехала Ниевес Гарсиа.

Я пометила на конверте: «Срочно, в передачу».

Сразу же после передачи пошли отклики, письма самых разных людей. Одни горячо интересовались судьбой маленькой Терезы, другие предлагали свою помощь в поисках. Третьи уже включились в них: каждый, кто когда-либо знал какую-нибудь Терезу, спешил сообщить ее биографию.

Пришло письмо от девушки по имени Алла, непосредственное, даже наивное:

«Я воспитывалась в детском доме. О себе ничего не помню, знаю только, что маленькой жила в Ленинграде. Именно из Ленинграда меня эвакуировали с другими детьми. Но все говорят, что я очень-очень похожа на испанку. Я, правда, очень похожа. Не я ли дочь испанской политэмигрантки? Мне почему-то кажется, что я обязательно ее дочь...»

О письме Аллы я все же сообщила Ниевес Гарсиа. И вот какой пришел ответ:

«...Получила ваше письмо и фотокарточку незнакомой девушки. Узнать в ней мою дочь не могу. Не в силах, потому что помню ее очень маленькой, с темно-голубыми глазами, темно-русыми кудряшками и курносеньким носом... Мне кажется, что ребенок в четыре года твердо помнит свое имя...»

Итак, пока неудача! По сдержанному тону письма чувствовалось, что мать ни на секунду не поверила, что Алла, «очень-очень похожая на испанку»,— ее дочь. Да к тому же оказалось, что Тереза Рыбакова как раз на испанку и не похожа: курносенькая, с темно-голубыми глазами.

А письма продолжали идти. И вскоре появилась еще одна ниточка, за которую, как мне показалось, можно было ухватиться.

«...Услышала ваше обращение в «Маяке» и вспомнила, что у Пришвина попадалось мне это имя — Мария-Тереза Рыбакова. Привожу цитату из «Весны света»:

«...Каждую группу, как ягнят, пасет отдельная воспитательница и следит, как бы не отбилась от стада

какая-нибудь овечка. Своим зорким глазом бабушка заметила одну такую, совсем маленькую, и скоро узнала: это Мария-Тереза Рыбакова. Имя этой девочки содержит всю историю ее жизни. Во время испанских событий прибыла вместе с испанскими детьми мать Терезы. Она здесь вышла замуж за комсомольца Рыбакова, погибла вместе с мужем своим в Ленинграде и оставила после себя крохотное существо Марию-Терезу...»

Если девочка найдется, прошу сообщить мне, пожалуйста.

М. Старкова, Москва»

Ничего уже нельзя спросить у Михаила Михайловича Пришвина, с которым мы столько лет жили в одном доме. Может быть, он припомнил бы подробности, не вошедшие в его «Весну света».

След, указанный Пришвиным, вел в детдом на Ботике, на берегу Плещеева озера, около Переяславля-Залесского. Я решила обратиться по радио к бывшим воспитателям этого детского дома,— может быть, комунибудь известна судьба девочки. Я уже записала свое обращение на пленку, но тут пришло письмо, какого я никак не ждала!

«Уважаемые товарищи из «Маяка»!

...Вы передавали, что испанка Ниевес Гарсиа разыскивает свою дочь. Так вот, я вам сообщаю, что дочь и отец живы и здоровы. Дочь Мария-Тереза Васильевна Рыбакова, по мужу Степанова, проживает в городе

Алма-Ате... А я, то есть отец, проживаю: Ленинград, центр, Красная улица, 33. Убедительно прошу сообщить мне адрес Ниевес Гарсиа.

Рыбаков»

Нет, поверить было немыслимо! И отец Терезы оказался жив! И живет даже по тому самому адресу, в том самом доме, из-под обломков которого вытащили израненную Ниевес. Подумать только: мать не сомневалась, что отец девочки погиб на фронте, отец был уверен, что мать погибла во время бомбежки, и оба они искали дочь, а та была в детском доме и считалась круглой сиротой.

К моему чувству радости, что поиски завершаются успешно, стало постепенно присоединяться опасение... Прошло столько лет... Быть может, у каждого из них — у Ниевес Гарсиа и у Василия Рыбакова — за эти годы появилась новая семья. Не разбередит ли их встреча все былое? Я ведь знала уже, что семнадцатилетняя Ниевес на пароходе, идущем из Испании, познакомилась с молодым моряком, и что, как в романе со счастливым концом, они поженились, у них родилась дочка. Беды начались позднее... Но сколько я ни думала о возможных осложнениях, я не сомневалась, что чувство матери, нашедшей свою дочь после двадцати двух лет тщетных поисков, сильнее всего.

Тереза найдена! Чтобы как можно скорее сообщить об этом Ниевес Гарсиа, я заказала срочный разговор с Евпаторией. Дежурная телефонистка (Оля Горская) устало ответила:

— Ниевес Гарсиа? Такого абонента у нас нет.

— Как же нам быть? Вы понимаете, только что нашлась ее дочь, которую она разыскивала двадцать два года.

Куда девалась официальность телефонистки и вся ее усталость!

— Сейчас я за ней сама сбегаю... Передам дежурство девочкам. Говорите скорей адрес.

Не прошло и часа, как я услышала голос Ниевес:

— Жива! Жива! Найдена? И Василий жив?

Голос прерывался, слышно было, как она плачет, как ее успокаивает Оля...

И пошли телеграммы и письма.

Из Евпатории, от Ниевес:

«...От дочери я получила телеграмму: «Да, это я Рыбакова, Мария-Тереза Васильевна». Как только придет от нее письмо, сразу же вам обо всем сообщу. На переговорах я очень была взволнована и, уж простите меня, забыла, какого числа вы будете передавать по «Маяку».

Из Алма-Аты:

«...Вчера получила телеграмму от матери. Большое спасибо. Тереза Степанова».

И потом снова письмо Ниевес:

«...Получила письмо от дочки и Василия Рыбакова, из которых я узнала, что Тереза находилась в детском доме в Ботиках... Тереза с 1945 года живет с отцом и приемной матерью. Окончила десять классов с серебряной медалью, потом окончила политехнический техникум. Вышла замуж и вместе с мужем и его родителями уехала в Алма-Ату. У нее дочь Лида, ей четыре месяца. Тереза учится в Политехническом институте на втором

курсе, муж — в Физкультурном институте. Теперь у меня две Терезы, мою младшую дочь тоже так зовут, ей восемнадцать лет, она окончила педучилище. Завтра Мария-Тереза вызывает меня на переговорную. Я очень вас прошу передать большое материнское спасибо жене Василия за все то, что она сделала для Терезы...»

Надо ли добавлять, что мать и дочь встретились?

Из дневника поисков.

Читаю письма. В одних есть более или менее точные данные, а в других только детские воспоминания. Но ребенок наблюдателен, он видит остро, точно и запоминает увиденное часто на всю жизнь. Пришла мне в голову такая мысль: не может ли детская память помочь в поисках? Не могут ли родители узнать своего взрослого сына или дочь по их детским воспоминаниям?

ЧТО ПОМНЯТ ДЕТИ

«Бабушкин дом стоял на горе́, и когда спустишься с горы, перед тобой дорога. Там были посажены фруктовые сады прямо на берегу реки. Как сейчас вижу крышу родного дома. Одна сторона крыши крыта красной черепицей, вторая — каким-то другим материалом.

М. Гунжин»

«Мы с братом поменьше, кажется, его звали Сережа, катались на калитке сада, она была скрипучая, и мы считали, что наша калитка с музыкой.

Василий Семенов»

«На дворе нашего кирпичного дома торчала врытая в землю какая-то рельсина, которая так и маячила

перед глазами... Была у меня страсть к сахару, за которым я часто лазил в шкаф. Сестра Лида, брат (Евгений или Геннадий) наказывали меня, и я не унимаясь ревел.

Федотов А. П.»

«Была у нас собака Джульбарс. Когда я с мамой выходил в сарай за дровами, я давал Джульбарсу в зубы одно полено, и он нес его в дом. Для меня это было огромное удовольствие...

Б. Гульков»

«У нас в доме, под стеклом на столе, были фотокарточки. Я влез на стул, отодвинул стекло, достал фотокарточки и выколол всем глаза на них, что мне за это было, не помню...

Овсянников Л. П.»

«Отец пришел прощаться, я спряталась под стол, но меня оттуда извлекли. Отец был одет в голубую гимнастерку с самолетами... огромный кулек яблок (красных, больших) он принес мне... Ехали на грузовике, я крепко держала в руках игрушку, корову.

Зинаида Ритикова»

«Я очень любила музыку. Младшая сестра Гульфа сделала мне мандолину — на щепку натянула резинку и действительно была как мандолина.

Тасима Маргарян»

«Мне доставляло удовольствие играть чернильницами где-то в полуподвальном помещении. И очень

много там было книг... Наверно, это был склад школьных принадлежностей.

А. В. Потапов»

«У нас над кроватью висел большой ковер, на котором были вытканы страшные рожи, и я их очень боялся.

С. И. Воропаев»

«Однажды я воткнула иголку в матрац. Мы с сестрой распороли весь матрац, высыпали солому и стали искать иголку.

Колесникова»

«Была очень непослушная. Один раз падала в колодец. Между бровями у меня шрам — клюнул петух. Очень любила спать с кошкой.

В. Смирнова»

«Отец работал каменщиком. Когда он меня целовал, то колол усами. У нас в доме жила морская свинка. Однажды ночью отец ловил ее сачком.

В. С. Загайдачный»

«Помню бабушку в очках. Часто припоминаю высокое крыльцо, с которого падала, козу, которая меня бодала.

Т. В. Шлыкова»

«Сестра Шура носила меня на плечах к тете Груше. С ней мы ходили купаться. Она хорошо плавала, а меня посадит на камни и просит, чтобы я руками ловил рыбу.

С. С. Климов»

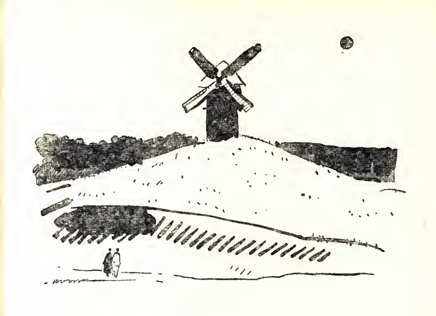
«Мы пошли с мамой в лес по малину и встретили медведя, а когда я убегала, то потеряла новую туфлю.

Л. А. Амстиславская»

«В нашем дворе лежали большие бобины ниток. Дом был каменный, одноэтажный. Жило в нем много семей. Помню фруктовый сад. После уборки урожая яблоки, вишни, абрикосы поровну делили между всеми жителями дома.

Берзин И. И.»

Многие дети навсегда запомнили и то страшное, что потрясло их воображение, ворвалось в их жизнь и навсегда осталось для них символом фашизма и войны. Думаю, что по воспоминаниям, иногда трагическим, иногда забавным, близкие люди должны узнать друг друга. Надо обязательно проверить.

ВТОРАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Е. П. Колесника

Новая Каховка

«...Остался я один очень рано. Вот что я помню из своей жизни: деревня, в которой мы жили, называлась, кажется, Ивановкой. Она стояла на берегу широкой реки. Примерно в двухстах метрах находился наш дом.

За деревней, на возвышенности, стоял ветряк, даже помню к нему дорогу. Помню старую, высокую, пышную шелковицу и колючий кустарник, на котором росли фрукты как груши.

Имена, которые помню: Варя, Петр, Вера, Галя. Варей, кажется, звали маму. Вера, по-видимому, моя сестра. Жила она с нами. Галя вместе с нами не жила. Я часто ходил к ним домой, шелковица у них была, а не у нас. Спал я на лежанке... Однажды я очутился на станции, до станции шел целый день. Пришел, уже было темно. Я вошел в огромный зал, там стояли столики. Было холодно, у меня мерзли ноги, так как я был босой. Сел на поезд и куда-то поехал.

Вскоре оказался в детском доме, кажется в Киеве. Там заболел и долго лежал в больнице, потом меня отправили в другой детский дом. Потом еще один детский дом... Закончил семь классов, вступил в комсомол... Потом работа — кузнецом. Сейчас мне уже двадцать пять лет. Я учусь в Сельхозинституте в городе Новая Каховка. Служил в рядах Советской Армии, до этого закончил специальное ремесленное училище в г. Керчь.

...Почему-то верится, что где-то есть мама, сестры, которые так же, как и я, ждут и, наверное, верят, что дождутся...»

Своего имени Колесник не назвал, поставил только инициалы на конверте — Е. П.

Из письма Лидии Кулик
Керчь

«...В конце апреля я слушала ваше выступление по «Маяку». Записать успела несколько фамилий, но

в связи с уборкой в квартире запись сунула куда-то и никак не могла вспомнить, только сейчас случайно нашла и, несмотря на позднее время, спешу написать вам.

К вам обращался Колесник... помнит, что село называлось Ивановка на берегу большой реки,— я знаю и была в Ивановке во время войны, это очень красивое село на берегу Днепра, недалеко от г. Запорожье. Там очень много росло диких груш, яблок, а шелковица не считалась садовой ягодой, ее мог каждый рвать, так как она росла по улицам. Есть еще одна Ивановка, Харьковской области... От души желаю всем встретиться со своими родными...»

Короткое, в полторы страницы, письмо Лидии Кулик мне очень понравилось. В нем виден характер славной женщины. Она старательно записала фамилии, явно желая помочь поискам. «Сунула куда-то» запись во время уборки, и, хотя нашла ее только через три недели, ее добрый порыв не угас, она тут же села писать в «Маяк», «несмотря на позднее время».

Из письма Николая Николевича Стоматъева

Днепропетровская область

«...Вчера вы передали, что Колесник, имя не полностью, ищет родителей. По приметам мы, возможно, и будем его родителями. Он помнит Ивановку, и на горе стояла мельница, и возле была шелковица, ему

запомнилось это место. Он был в детском доме в Никополе, и он, наверно, сказал тогда фамилию «Колесник». Это фамилия его матери, она работала в Ивановке на ремонте комбайнов, где стояла мельница, и была шелковица, и они с сестрой приходили к матери и кушали шелковицу. Я разыскивал сына по всем детским домам, но по фамилии Стоматьев Виктор Николаевич, рождения 1940 года, и нигде его не оказалось. Мы уже перестали искать и вдруг слышим по радио...»

Все кончилось прекрасно. Е. П. Колесник на самом деле оказался Виктором Николаевичем Стоматьевым. Может быть, он запомнил фамилию матери потому, что часто приходил к ней на работу, где ее могли называть по фамилии. Но не меньшую роль сыграла запомнившаяся ему Ивановка, ветряк на горе, пышная шелковица. Так четко сохранила память ребенка впечатления раннего детства, что родители узнали его...

Из дневника поисков.

Беспризорных во время войны не было. А они могли бы быть... Но детские дома будто раздвинули свои стены. И сотни тысяч детей, оставшихся без семьи, выжили, выросли, выучились. Великое дело!..

Но важно и другое — какими стали дети, выросшие без отцов? Ведь мало иметь знания, профессию — надо еще иметь душу.

Сейчас они уже взрослые, бывшие воспитанники детских домов. Жизнь очень многих хорошо устроена: работа, своя молодая семья, дети. Казалось бы, потребность заботиться о близких удовлетворена. А они просят:

«Помогите найти мою мать, она теперь, наверно, старая, не нужна ли ей моя помощь?»

«Помогите найти мою бабушку Настю (отчества не знаю), если она еще жива, сейчас ей годов семьдесят. Была бы ей не лишней моя помощь».

«...Живем хорошо, но не хватает радости оттого, что не знаю, жив ли мой отец и кто он. А может, моя помощь ему нужна?»

«Когда я рос, мне помогало государство. Но сейчас, когда мне двадцать семь лет, хотелось бы знать родных. Кто они? Может быть, им нужна моя помощь?»

Слова «не нужна ли моя помощь» так часто встре-

чаются, что иногда мне приходится в передаче убирать их из писем, чтобы они не звучали однообразно. А ведь, по существу, это однообразие прекрасно.

В одно из писем, адресованных мне, вложен рубль, очевидно, на почтовые расходы.

Единственный расход, который мне по этому письму предстоит,— пересылка рубля обратно.

Много лет назад в одном доме я оказалась за столом рядом с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Была я тогда очень молода и на Немировича-Данченко смотрела как на бога. Бог оказался суеверным. Он настойчиво просил хозяйку дома, чтобы за стол посадили ее маленькую дочку, которой пора было идти спать.

— Вы очень любите детей? — почтительно спросила я.

— Люблю детей, но не в том дело...

— А в чем?

— Посчитайте,— нас же за столом тринадцать!

Владимир Иванович до того красноречиво и убежденно доказывал мне на примерах, будто тринадцатое число несчастливое, что я почти поверила,— во всяком случае, предубеждение к числу «тринадцать» у меня осталось.

И вот, через много лет, дурная примета была начисто опровергнута. Однажды именно тринадцатого числа пришло сообщение о том, что сразу у нескольких человек нашлись родные. И тут мы решили — пусть отныне

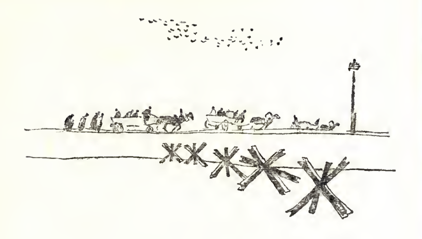
передача «Найти человека» звучит по тринадцатым числам, раз оно такое для нас счастливое.

Офицер А. А. Мелкумян — вот главное действующее лицо в одном из недавних поисков. К нему, как секретарю парторганизации воинской части, обратился солдат Василий Бесфамильный, просил помочь найти брата. Мелкумян проявил самое деятельное участие, взял на себя всю переписку, все уточнения, хлопоты. Куда он только не обращался! Так ищут родного брата, а не чужого... По справедливости, ему первому я сообщила, что брат Василия найден.

Невероятно, но пришло письмо от Анны Карениной:

«Я, Каренина Анна Аркадьевна, была найдена в Харькове, воспитывалась в детском доме, работаю токарем...»

Видимо, какой-то не в меру рьяный любитель литературы дал девочке полное имя героини романа Толстого.

ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Виты Полищук

Днепродзержинск

«...Большое горе принесла война и мне. Я потеряла родного отца, мать, меньшую сестру и брата. По паспорту я числюсь 1939 года рождения, это так в детском доме установили врачи. Но точно я так и не знаю, сколько мне лет и где я родилась и жила. Но я хорошо знаю, что настоящее мое имя Бэла. Отца звали Александром (отчества я не знаю), мать Ириной, сестру Ал-

лой. Самое трудное для розыска родных то, что я не знаю, в каком городе жила... Запомнился мне отец в галифе... Резко в памяти осталось то, что перед войной мать находилась в роддоме и родила братика. Я его так и не видела, но разговору о нем в квартире было очень много. Потом мы все собрались было проведать маму в роддоме, но так и не пошли. Моментально все в доме зашумели, засуетились, тетя Рая (она, наверно, была маме или папе сестра) собирала вещи и сильно плакала. Мы с сестрой тоже плакали. Ей тогда было примерно три-четыре года, она была меньше меня. Тетя Рая посадила нас на подводу с лошадьми. Там сидели одни дети, а сзади шли женщины. Мы ехали очень долго. На ночлег останавливались в каких-то хатах. А потом опять ехали. Не помню, при каких обстоятельствах тетя Рая исчезла. Мы с сестрой оказались в одной из комнат барачного дома. Сестра Алла стала болеть, и одна женщина забрала ее в другую комнату этого же барака... Она сказала мне, что Алла будет ее дочерью. Они куда-то уехали с ней, и с тех пор я сестру больше не видела. Потом я оказалась на каком-то вокзале, была там долго, там я и спала. Ко мне подошла женщина в военной форме — это была Носенко М. В. Она увезла меня к себе домой. У нее был сын Славик и бабушка. У нее была еще дочь Вита, но она умерла. И когда я стала жить у них, они стали все звать меня Витой. Это имя я ношу и сейчас. Потом они сдали меня в детский дом... Они меня часто приходили проведывать. Потом они уехали... Мне сейчас двадцать пять лет, я работаю сварщицей на строительстве Днепродзержинской гидроэлектростанции... Я часто задумываюсь, что не может быть, чтоб все погибли, ведь кто-то

есть живой? Особенно мне хочется встретиться с моей сестрой Аллой, я бы ее узнала, она похожа на меня. Вернее, мы с ней похожи на отца...

Хочется верить в радостное будущее...

С комсомольским приветом к вам
Полищук Виктория Александровна—
это моя послебрачная фамилия».

Из письма Аллы Егоровны Воробьевой

Днепропетровск

«...Была передача, что одна молодая женщина ищет свою сестру, потерянную во время Великой Отечественной войны... Передачу слушал мой муж, но не всю,—что зовут сестру Аллой и что во время войны остались мы с тетей, то ли с сестрой отца, то ли матери. Многое относится ко мне. Меня зовут Алла Воробьева (фамилия по мужу). Своей родной фамилии я не знаю, год рождения пишу 1939-й. Все, конечно, сейчас во мне не свое, только знаю, что меня все время звали Аллой... Лица папы и мамы помню смутно, но точно знаю, что у меня была родная сестра. В памяти осталось имя Бэла. Помню, как была сильная бомбежка, а нас посадили на длинные гарбы и куда-то везли, но уже и тогда люди, сидевшие рядом с нами, говорили про нас «бедные дети». Разумеется, папы и мамы у нас уже не было. Мы остались с родной теткой, не помню, как ее зовут. И с ней мы попали в Германию, каким образом, не знаю. Здесь мы жили в длинных бараках,

спали на деревянных двухэтажных кроватях, голодали. И здесь в Германии находилась чужая нам женщина, Касилюченко Таисия Дмитриевна. И она часто просила, чтобы моя тетка отдала меня ей. И вот настал день Победы. После этого людей в бараках становилось все меньше и меньше, люди отправлялись на Родину. Отправилась и моя тетка с сестрой, а меня оставили той женщине, Таисии Дмитриевне Касилюченко. И с ней я приехала в Днепропетровск... Прожила я с ней до пятого класса, а потом уже директор школы помог мне уйти в детский дом...

Теперь я квалифицированная швея, имею семью: мужа и трехлетнюю дочь Светлану. Ваша передача очень взволновала меня...»

Из второго письма

А. Е. Воробьевой

«...Никогда я не ожидала для себя таких радостных дней. Я уже даже было примирилась с тем, что у меня нет никого родных, хотя чувствовала, что где-то кто-нибудь остался жив. Когда я получила от вас телеграмму, то сомневалась, что это моя сестра, потому что хорошо знала, что мою сестру звали не Витой, а Бэлой. Но все же на следующее утро я поехала в Днепродзержинск, от меня электричкой сорок пять минут езды. Ехала без всякого волнения, просто думала: познакомлюсь с женщиной с похожей на мою судьбой! Но когда я приехала, дома ее не было, соседи сказали, что она на работе, а ее девочка недалеко в детсадике... В са-

дике меня спросили: «Вы не Витина сестра?» Я ответила, что мою сестру звали не Витой. «А она не Вита, а Бэла»,— сказала сразу сотрудница детского сада.

Тут уж не могло быть никаких сомнений. Я поняла, что я точно попала на след своей сестры, и стала тревожно ждать ее появления. Я не могу вам описать нашей встречи. Мы узнали друг друга. Долго плакали, а потом стали вспоминать наше совместное детство. Вита удивилась, как я могла помнить столько, ведь я была меньше ее. Я не помнила имен мамы и папы, но все, что окружало нас, я сестре рассказала. Нет никаких сомнений, что это моя сестра. Мы очень похожи. Мы росли с сестрой порознь, но взгляд, голос, улыбка, даже как мы разводим руками — все одинаковое. Об этом говорили все, кто видел нас вместе... Я очень счастлива, я сейчас нахожусь не знаю в каком для меня новом мире... Мои родственники по мужу и я приглашаем вас к нам в гости...

С горячим приветом к вам

Алла Воробьева».

Из второго письма Виты (Бэлы)

«...Я кричала, плакала, смеялась от радости... Мне хотелось рассказать всему миру о том, что вы разыскали мою сестру Аллу. Ведь не прошло еще и месяца, как я написала вам письмо, и вы передали по радио все, что я в нем изложила. После этого ко мне шли мои знакомые, товарищи по работе. Они от всей души желали мне разыскать хоть кого-нибудь из родных.

И вот первого июня, в праздничный День защиты детей, ко мне приехала с вашей телеграммой в руках моя родная сестра Алла. Эту дату мы теперь будем отмечать ежегодно.

Когда мне позвонили на работу, я была прямо сама не своя. А сестру пригласили до моего прихода в комнату врача. Там было очень много сотрудников сада, все уже с ней разговаривали, расспрашивали. А потом я явилась.

Мы бросились друг к другу и минуть семь, обнявшись, плакали криком. Плакали все, кто видел эту встречу. Потом у нас пошли воспоминания. Я не могла поверить, что моя сестра так быстро нашлась и так близко жила возле меня, сорок минут езды поездом... Мне кажется, что это просто сон! В этот же день мы поехали к ней домой в Днепропетровск. Родня ее мужа приняла меня очень хорошо. Все со слезами радовались за нас обеих, и раздавались слова: «Как они похожи». Мы всю ночь с ней не спали, все вспоминали. Я вам писала о бараках, но я, хотя и старше ее, не знала, что это была Германия.

Алла спрашивает: «Как же тебя теперь называть?»

А я говорю: «Называй так, как мама назвала».

Она зовет меня Бэлой. И в Днепропетровске все так зовут, а в Днепродзержинске для всех я Вита.

Это письмо мы пишем сообща, вместе. Обязательно вместе сфотографируемся и вышлем вам фото».

Радостна и удивительна встреча двух сестер. Радостна потому, что после такой долгой разлуки сестры нашли друг друга. Удивительна потому, что они друг

друга нашли без всяких точных данных: «Своей родной фамилии я не знаю ...все, конечно, сейчас во мне не свое...» (Алла). «Точно я так и не знаю, сколько мне лет и где я родилась и жила» (Бэла). Что же все-таки привело к встрече сестер? То, что сверялись не анкетные данные, которых на этот раз не было, а только детские воспоминания. Они-то снова нам и помогли.

Из дневника поисков.

Пришла домой — меня ждет женщина лет шестидесяти. Прилетела из Челябинска. Услышала передачу и решила лететь в Москву не откладывая.

И что же оказывается? Со своей старшей сестрой, которую она хочет найти, они расстались... в 1910 году.

— Но мы же ищем людей, разлученных войной,— стараюсь разъяснить я.

Женщина плачет.

— А сколько лет было бы сейчас вашей сестре?

Женщина стала высчитывать, напрягая память. Сосчитала наконец: сестре сейчас восемьдесят восемь лет.

— Вот я всегда так: сначала лечу, потом думаю. Вы уж меня извините.

Один пожилой скептик спросил меня недоверчиво:

— Неужели столько людей не могут жить без своих родственников? Я, например, вполне могу без них обойтись.

— У вас их много? — поинтересовалась я.

— Вполне достаточно. Три сестры, два брата, четыре племянника.

— Значит, если бы кто-то из ваших сестер, братьев или племянников потерялся в дни войны, вы не стали бы никого из них разыскивать?

Тут скептик пожал плечами:

— Не знаю... Пожалуй, если бы потерялся, тогда другое дело.

В том-то и дело, что другое дело.

Предлагают свою помощь дети.

«...Когда я вырасту, обязательно буду искать потерявшихся людей. Если мне это не удастся, то я сделаю что-нибудь тоже очень хорошее.

Тамара Олейникова»

«...Мне очень хотелось бы помочь разыскать какого-нибудь человека. Ведь это такая радость...

Таня Забой»

«...Поручите мне, я весь город перерою.

Наташа Басманная»

«Дорогая тетенька, люди, которых вы называли, у нас не проживают, а то бы я их обязательно нашла.

Валя Чуркина»

— Кто участвует в поисках?

Если бы такой вопрос задали мне дети, я бы ответила:

— Нас много. «Мы длинной вереницей идем за Синей Птицей...» Но ведет нас не Фея Свет, нас ведет «Маяк», и идем мы не под музыку, а под его позывные. Впереди идет вместо феи Берилюны целый отдел писем Радиокомитета и его помощники — добровольцы всех возрастов, от студентов до пенсионеров. И потом нас не тринадцать, как в сказке о Синей Птице, нас — тысячи. Идут, взявшись за руки, редакторы, операторы, идут главные участники поисков — радиослушатели.

«Мы длинной вереницей идем за Синей Птицей...» Но найти ее не всегда удается.

Так сказала бы я детям.

Пишу очередную передачу. Как ее построить? Ведь у меня в руках одни только письма... Некоторые из них дают повод для большого общественного разговора: о вере и верности, об усыновленных детях. Иногда встречается повод поговорить о чем-то веселом, и я охотно пользуюсь им. Невозможно все время рассказывать только о трудных судьбах, о наследии войны. Надо дать слушателям и улыбнуться. Но стоит лишь отвлечься от основной темы, сокращается время для главного — для рассказа о самих поисках.

Документальность — о ней в последние годы много спорят. Допустим ли авторский домысел? Может ли писатель, работая над документальным материалом, дополнить его, довообразить? И где границы такого домысла?

Заботили и меня эти споры, когда я начала писать о живых людях и о том, как сложились когда-то и меняются теперь их судьбы. Мне нужно было решить для себя — имею ли я право на домысел и в какой мере.

Сначала мне показалось заманчивым свободное обращение с письмами. Если мало жизненных подробностей, почему бы их не домыслить? Ведь рассказанное станет более впечатляющим, литературно обогатится. Но вскоре я поняла, что тут скрыта большая опасность. Расширяя границы домысла, можно лишить жизненную историю самого драгоценного — подлинности. Меня пугало, что подлинность пострадает, так же как страдает иногда от слишком вольного обращения даже система Станиславского.

В одной моей пьесе, которая репетировалась в Ленинградском ТЮЗе, посыльный приносит в квартиру железнодорожный билет. По секрету от всех заказал билет обиженный дедушка. Артист, исполнявший роль посыльного, почему-то врывался в переднюю и, запыхавшись, выпаливал:

— Билетик заказывали?

Не давая партнерам сыграть нужную сцену растерянности, он всовывал билет в руки едва успевшего появиться деда и, пробормотав на ходу: «Нижняя полка, место 21», сломя голову уносился за кулисы.

— Почему он так торопится, комкает всю сцену? — недоумевала я.

Актер охотно разъяснил:

— Тороплюсь я потому, что посыльный сам сегодня уезжает в отпуск, и, значит, я очень спешу. Опаздываю

на вокзал, у меня буквально считанные минуты до поезда, я еще должен успеть попасть домой.

— Но, позвольте, в пьесе ничего подобного нет,— изумилась я.

— Ну и что же?.. Я домыслил свою роль по системе Станиславского. Имею я право на домысел?!

В моем решении строго придерживаться документальности, позволять себе только размышление над судьбами людей немалую роль сыграл тот «домысливший» актер.

НЕИЗВЕСТНЫЕ, НЕПОМНЯЩИЕ

Никто ничего об этой девочке не знал. В детском доме сохранилась единственная запись:

«Неизвестная Нелли. Отец на фронте, мать неизвестна».

Потому и фамилию девочке дали Неизвестная. Тогда ей было четыре года, а теперь она взрослая и хочет знать — откуда она, чья? А ведь она даже имени матери не помнит. «...Кажется, маму звали Надя...»

Все воспоминания Нелли смутны и отрывочны, но четко отпечаталось в детской памяти:

«...Ночь, гул самолетов... Помню женщину, на одной руке у нее грудной ребенок, в другой тяжелый мешок с вещами... Мы бежим куда-то, продираясь в толпе, я держусь за ее юбку, а рядом со мной бегут два мальчика, одного из них, кажется, зовут Роман».

Можно ли по этим признакам узнать Нелли? Гул самолетов, бегущая толпа,— увы, это почти типичная картина тех лет. Но женщина с грудным ребенком и два мальчика — одного из них, кажется, зовут Роман — эти воспоминания уже принадлежат только Нелли, только ей. Ей и тем, кто были с ней рядом. Но разве не может случиться, что как раз та женщина или те мальчики, уже ставшие теперь взрослыми, услышат передачу? Тогда они смогут узнать Нелли.

Надежды было мало, но я подумала, что вся история Нелли займет в передаче несколько минут. Надо попытаться.

И как ни удивительно, этих нескольких минут оказалось достаточно, чтобы изменить всю судьбу Неиз-

вестной. Передачу услышали ее родители, и через несколько часов пришла от них телеграмма из Феодосии: «Нелли наша дочь. Семья Ферштер».

Все же нужно было подтверждение, и я тут же послала в Феодосию фотографию маленькой Нелли, которую она вложила в одно из своих писем. И когда не-

делю спустя пришла вторая телеграмма: «Я в Феодосии у родных», — все сомнения отпали.

Позднее я узнала, как Нелли потерялась. Со станции, под страшной бомбежкой, отправлялся последний железнодорожный состав с эвакуированными. Мать с грудным ребенком и двумя мальчиками,— одного из них действительно звали Роман,— еле втиснувшись в вагон, вдруг увидела, что нет ее дочки. Остаться искать ее значило рисковать остальными тремя детьми: фашисты были уже на окраине города.

И вот через двадцать три года Нелли узнала, что ее фамилия Ферштер, что маму зовут Ада, а не Надя, и даже Нелли зовут не Нелли, а Мэри. Значит, и то немногое, что она знала о себе, было неверным. Единственно, что было точным, — ее детское воспоминание о страшной ночи.

Еще недавно мне казалось: ну как найти ребенка, если имя и фамилия его изменены?! Невозможно!.. Теперь, после случая с Нелли, мне уже стало легче решать задачи со многими неизвестными. А их и в самом деле было много: Неизвестные, Бесфамильные, Непомнящие...

Судьба Нелли обнадежила их, и они стали присылать свои воспоминания.

Студентка Нина Неизвестная тоже ничего о себе не знала. Имя, отчество, фамилию ей дали в детском доме. В памяти остались, по ее словам, только мелочи.

...Вот маленькая Нина фотографируется возле деревянного дома, а около дома лежат дрова. Потом вспоминается ей землянка, мать кормит Нину сухарями и холодным молоком... Однажды бабушка пекла пряники, а Нина с мамой пошли за водой. Возвратившись, увидели пожар...

И после передачи Дарья Григорьевна Смирнова, та самая бабушка, которая пекла пряники, немедленно шлет Нине решительную телеграмму: «Ты моя внучка».

Так я еще больше поверила в силу детских воспоминаний. До того поверила, что в одной из передач объявила розыск родных Непомнящей, которая и впрямь ничего о себе не помнила. Она даже имени сво-

его в письме не сообщила, зная, что оно не настоящее. Ничтожно мало могла я рассказать о ней радиослушателям:

«Жили мы где-то недалеко от леса. Часто с матерью ходили за грибами. Потом мать тяжело болела, лежала в сенях... После очутилась я с какой-то женщиной на вокзале. И детский дом... Вот и все. Когда нас спрашивали, у кого как звали отца, я сказала — Григорий. И так стала Григорьевна».

Когда передача была уже записана, я чуть было не решила вырезать из пленки розыск Непомнящей, хотела заменить его другим. Еще раз прослушала запись, и что-то меня удержало. Нет, не только интуиция, ведь были все же некоторые конкретные данные: жили около леса... отца звали Григорий, мать, тяжело больная, лежала в сенях... Я не тронула запись, и как потом была рада! Прошло немного времени, и я получила письмо с Украины, от Полины Григорьевны Шпак, такое славное и самобытное по стилю, что мне хочется привести его полностью:

«Дорогая Агния Львовная! Здравствуйте... Вы 13 февраля вечером передавали по радиовещанию за Непомнящую — Григорьевну. Какая она: темно-русая или блондинка? Должна быть темно-русая. Беспокоит меня эта Григорьевна, чувствуется мне, что это наша Григорьевна. Да, мы также жили возле леса. И в детский дом я ее сдавала. Неужели мне с братьями посчастливилось найти нашу долгожданную сестричку? Хочется скорей увидаться, какая у нас будет радость, после такой долгой разлуки встретиться! Все же я наде-

юсь на вас, что вы окажете нам скорую весточку, по всему это наша Григорьевна».

Действительно, это оказалась «наша Григорьевна».

Снова удачу принесла детская память. Теперь я окончательно убедилась, что на подлинность детских воспоминаний надо полагаться, им можно верить. Только нужно всякий раз выбрать самое личное для того, чтобы близкие люди могли узнать друг друга по этим подробностям, всегда в чем-то неповторимым.

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Из старых записных книжек

В эвакопункте. В одной из комнат у стола очередь. Здесь дети, только малыши. Маленькая девочка говорит мальчику с перевязанной рукой:

— Мама с нами не приехала. Они вместе с папой потом приедут. Скоро.

А в руках у девочки справка: «Выдана колхозом «Новый путь» Лидии Петровне Олениной, пяти лет, в том, что отец ее убит, мать зверски замучена немцами, дом и все имущество сгорело».

Речь детей пестрит военными терминами, сравнениями. Ничего не поделаешь — собственный опыт.

В детский дом пришел доктор. Маленькая девочка долго и внимательно смотрела на него: у доктора круглые очки, крупный нос.

— Ты знаешь, на что твое лицо похоже? — неожиданно спрашивает девочка.

— На что? — заинтересовался доктор.

— На противогаз.

Когда семилетняя Наташа плачет, она упрямо твердит, что это из-за иголки.

— Иголка тупая, тупая иголка, вышивать не-

льзя,— повторяет девочка, всхлипывая,— я из-за иголки плачу, а не по маме...

Дети! Они тоже хотят быть мужественными.

/ —

Заметила, что в детских домах, переполненных сиротами, слово «сирота» никогда не произносится. Это как бы неписаный закон. Даже праздник придумали новый, особенный — «семейный». Теперь ежемесячно будут праздновать день рождения тех ребят, кто в этом месяце родился. Можно себе представить их восторг. Еще бы! У них, как и у «домашних» детей, теперь тоже будет день рождения.

—

Рисунки мальчиков всегда были воинственными, но сейчас в них вложен новый смысл. Вся ненависть мальчишеского сердца в картинке, где самой черной краской нарисован разбитый на куски фашистский самолет. Танки, корабли, пушки фашистов всегда на детском рисунке изображены взорванными, изуродованными.

Рисунки девочек на первый взгляд носят по-прежнему мирный характер. Тот же домик в три окна, труба с кудрявым дымом, цветы величиной с дерево. Но вглядитесь внимательно, и вы непременно обнаружите над домом, рядом с трубой и дымом, флажок Красного Креста. Это значит, что здесь разместился госпиталь, в котором работает мама.

—

Собирают лекарственные травы...

Держа в руках цветок, Маринка осведомляется:

«Тетя Шура, сколько бойцов можно вылечить на эту ромашку?»

Записи эти были сделаны во время Великой Отечественной войны и вскоре после нее. Под впечатлением увиденного я написала небольшую поэму для детей «Звенигород». У этой книжки своя история. Случилось так, что в 1954 году библиотекарша Карагандинского дома инвалидов прочитала «Звенигород» уборщице, Софье Ульяновне Гудевой, у которой восьмилетняя дочка Нина так же, как дети в поэме, потерялась во время войны. Софья Ульяновна написала мне о своей беде. В письме не было никаких просьб, только надежда, что, может быть, Нина жива и выросла в хорошем детском доме.

Я решила попытаться помочь Гудевой. Оказалось, что в Москве существует Отдел розыска управления милиции. Там мне сказали, что по поводу пропавшей девочки надо обратиться к полковнику Кожахину. Я обратилась.

Из записной книжки 1954 года

...Вот что значит условный рефлекс. Когда мне дома сказали, что меня ищет милиция, я стала мучительно припоминать, в чем же я провинилась? Потом догадалась: не звонил ли мне майор Петров или лейтенант Зеневич, которые вот уже восемь месяцев занимаются розыском Нины Гудевой.

Нина нашлась... Ей восемнадцать лет, она работает в городе Умань, на швейной фабрике.

Рассказывая мне об этом, майор Петров неожиданно предложил:

— Не хотите ли вы первой сообщить матери о том, что ее дочь найдена?

Меня тронуло такое предложение. Ведь управление милиции могло само сообщить все Гудевой — «в официальном порядке».

Из письма Софьи Ульяновны Гудевой

«...Вы не можете себе представить мое счастье и радость, когда я читала в вашей телеграмме слова: «Горячо поздравляю, ваша дочь нашлась». Сколько лет я искала своего ребенка и сколько лет я проливала слезы! Моя дочь решила переехать ко мне, получила от нее телеграмму: «Встречай, выезжаю...»

Но история на этом не закончилась. В журнале «Огонек» появилась заметка, в которой М. Поляновский довольно подробно рассказал о том, как «Звенигород» соединил мать и дочь.

Заметку прочитал комсомолец Иосиф Котвицкий, служивший в армии, в Житомире. Его заинтересовала судьба Нины, и он спрятал номер журнала на дно своего чемодана. И как это ни удивительно, после демобилизации попал он со своим чемоданом как раз в тот самый город, где Нина жила. Приехал в Караганду по комсомольской путевке, разыскал Нину. Они познакомились, подружились, а потом и поженились.

Прошло еще несколько лет, и вот в 1964 году, когда переписка наша с Гудевыми постепенно стала сходить на нет, я попала в Караганду в дни декады русской литературы в Казахстане.

Из карагандинских записей

Чудеса да и только! Нину Гудеву десять лет назад искали по всей стране и нашли. А здесь, где она живет, ее найти не могут. Адресный стол дал справку: «Не проживает», так что разыскиваю Нину вторично.

...Утром дети водили меня по городу. Показывая на осенние кустики на площади, сказали с гордостью:

— Они уже совсем скоро деревьями будут!

Глядя на новые высокие дома, объяснили:

— Таких домов у нас еще очень много будет.

В этом шахтерском городе, молодом и современном, где уже столько сделано, построено, слово «будет» очень часто звучит в устах и детей и взрослых.

Молоденькая подавальщица в столовой доверительно сообщила мне:

— У нас женщинам лучше жить, чем у вас: у нас мужчин больше, чем женщин. Еще много свадеб будет.

Помогли мне журналисты, которые всегда все знают. Они выяснили, что в Караганде два дома инвалидов, но ни в одном из них мать Нины уже не работает. Все же местные журналисты разузнали, что как-то на

вечере самодеятельности ткацко-трикотажной фабрики выступала девушка по фамилии Гудева. И вот мы подъезжаем к одному из белых коттеджиков на Коммунистической улице... Вспоминаю слова Олечки, московской первоклассницы, которая рассказывала подругам:

— Мы квартиру получили, у нас теперь так красиво, как в кино.

Гудевы тоже недавно отпраздновали новоселье, и приехавшие журналисты могли с полным правом на этот раз красочно описать в газете новенький, с иголочки, дом, небольшие уютные комнатки, празднично накрытый стол. Все «как в кино».

Только хотели мы с Софьей Ульяновной и Ниной обняться, как между нами возникла преграда — штатив с проводами и микрофоном.

— Дайте женщинам поплакать без микрофона, — пошутил Иосиф Иванович Котвицкий, муж Нины.

По-разному отнеслись к нашей встрече младшие Котвицкие — их было двое. Валерик с любопытством всех разглядывал, а Сережа стоял нахмуренный, чем-то недовольный. Оказалось, он рассчитывал почему-то, что я на мотоцикле прикачу, а я — на простом такси.

Узнала я в тот день многие подробности Нининой жизни, узнала и о том, что, когда она десять лет назад приехала в Караганду, она пролила немало слез. Несмотря на радость встречи с матерью, скучала по украинским садам, по своим подружкам.

Когда появился молодой шахтер Иосиф Котвицкий, по словам Софьи Ульяновны, «Нина повеселела, и все у нас пошло хорошо и уважительно».

Перед нашим отъездом Иосиф Иванович поставил

на стол бутылку шампанского и произнес тост: «За «Звенигород», который нашел матери дочку, а мне жену».

Но и на этом история «Звенигорода» еще не кончается. Наоборот, тут-то она и получает свое совсем неожиданное продолжение. Карагандинские журналисты, увлеченные историей семьи Гудевых — Котвицких, расписали нашу встречу, сообщили о ней в ТАСС. Вслед за этим появились заметки во многих газетах. Когда я возвратилась домой, в Москву, я нашла на своем столе семнадцать писем. Самые разные люди, чьи судьбы были похожи на судьбу Гудевых, просили меня помочь им найти детей, потерянных в годы войны.

Что было делать? Направить все эти письма в управление милиции? Но там требуются точные данные, а если их нет? Опубликовать письма в «Литературной газете»,— у нее читателей миллионы, может, кто-то отзовется? Случайно, как раз во время моих раздумий, мне позвонили из редакции «Последних известий по радио». Приближался Новый год, и писателей приглашали выступить. Тогда-то мне пришла в голову мысль: а что, если поискать по радио потерянных в войну детей?

Редакция «Последних известий» горячо поддержала эту мысль.

Запись в декабре 1964 года

С Владимиром Дмитриевичем Трегубовым[1] из «Последних известий» невозможно разговаривать. Едва

[1] В. Д. Трегубов — ныне политический обозреватель Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

начнешь ему что-то говорить, он перебивает: «Понял, понял». Только хочешь рассердиться — оказывается, он и правда все понял.

Но сегодня он не перебивал. Наоборот, заинтересованно расспрашивал. Мы старались себе представить: какой должна быть передача, сколько времени она будет длиться, по какой программе ее пустить?

ЧЕТВЕРТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Письмо Валентины Дмитриевны Яковенко из Мелитополя лежало на моем столе, когда я вернулась из Караганды после встречи с Гудевыми. Оно было в числе тех семнадцати, которые натолкнули меня на мысль о поисках по радио.

В. Д. Яковенко писала:

«Недавно в нескольких газетах я прочла о том, что вы помогли разыскать девочку, потерянную во время Великой Отечественной войны... С такой же просьбой

обращаюсь и я к вам. Вы как мать, как женщина, как советский человек поймете мое страшное горе матери, потерявшей своего ребенка двадцать три года назад. Двадцать три года, как нет со мной моей девочки, и все эти двадцать три года моя рана кровоточит. Родная! Помогите мне ее отыскать.

Пишу, при каких обстоятельствах потерялась моя дочь Буртовская Алла Апполинарьевна, рождения восьмого мая 1939 г.

Это было на второй день Отечественной войны. Из г. Барановичи я выехала вместе с мужем, прямо с места работы, а ребенка (как мне потом сообщил очевидец) вывезла соседка Петропавловская Татьяна Ивановна, дочь которой Мария Петровна выехала вместе с нами.

Всю войну и послевоенные годы до сего времени мои поиски оказывались безрезультатными. Сразу после войны, разыскав через адресный стол Бреста Петропавловскую Т. И. и не имея возможности поехать к ней (в связи с длительной болезнью), я написала ей несколько писем в Брест, но ни на одно письмо я не получила ответа от нее, письма мои тоже не возвращались. Я обратилась после этого в органы милиции Бреста, мне оттуда ответили, что Петропавловская Т. И., вызванная в милицию, сказала, что отдала мою девочку в детский дом г. Минска в сентябре 1941 года. На мои запросы из Минска сообщили, что в списках детских домов того времени моя дочь не числится. В 1952 г. я была в Бресте, чтобы лично поговорить с Петропавловской, но ее уже не оказалось в живых, а жена ее сына сказала, что ничего об Аллочке не знает...

Моей Аллочке сейчас двадцать пять лет. Жду от вас совета, помощи...»

Из второго письма Валентины Дмитриевны Яковенко

Мелитополь

«...Очень и очень жаль, что я сама лично не слышала вашего выступления по радио. Но мне сотрудники передали о вашем выступлении. Телеграмму и письмо получила сегодня, уходя на работу... Как я жалею, что сама не слышала про Аллочку...»

Розыск Аллы Буртовской был одним из первых, я чувствовала себя тогда еще совсем неуверенно и на всякий случай пересылала в Мелитополь все письма, которые стали приходить после передачи.

Из письма Аллы Самойловой

«...Коротко сообщаю о себе. В 1946 из д/дома Армавира взяли меня на воспитание, усыновили и определили год рождения 1938, имя оставили прежнее — Алла.

...Как я попала в д/дом, я не помню, но единственное, что осталось тогда в моей маленькой памяти, что привела меня в д/дом какая-то женщина, что был еще мальчик, кто он по отношению ко мне, я не знаю... В д/доме у меня была фамилия Перкова или Перков-

ская Алла... Передавали по радио, что ищут Бурковскую Аллу, может быть, это я?»

Из письма Вали Лоскутниковой

«...Я слышала, что одна мать из Белоруссии разыскивает дочку Аллочку... Я высылаю фотографию. Может быть, я похожа на кого-нибудь из тех, кого разыскивают?»

Из второго письма Вали Лоскутниковой

«...Мое письмо вы выслали Яковенко. Но неудачно! У ее Аллочки были карие глаза, а у меня какие-то неопределенные — серые, синие...»

Из письма Аллы Неизвестной

«...Посылаю две фотографии... Вы спрашиваете, есть ли у меня на лбу оспинка? Не знаю. Я хотела ее найти и нашла, но это, может, вмятина. Вот есть у меня на плечах ямочки. Может, она и вспомнит, если я ее дочь. А как мне хочется, чтобы это была она...»

Одиннадцать Аллочек, каждая в надежде, что В. Д. Яковенко ее мать, прислали свои фотографии.

Валентина Дмитриевна некоторые из них сразу же возвращала с припиской: «К сожалению, ничего общего

с моей Аллочкой», а другие оставляла у себя и продолжала переписку.

Преподавательница Ленинградского университета Г. Лисич сообщила:

«Мне хочется рассказать вам об одной «подозрительной» девушке... На отделении португальского языка филологического факультета ЛГУ учится очень славная девушка Алла Филипповна Юхимович, которая сомневается в том, что ее имя настоящее. Она не помнит своих родителей, воспитывалась в детских домах. Однажды в детстве подруга сказала Алле, что о ней приходила справляться какая-то женщина, которая, кажется, и сдала ее в детский дом... Единственным воспоминанием у Аллы (если это не обрывок какого-то сна) следующее: «Отец лежит в саду на скамейке, у него болит нога. Я его трогаю, но он не шевелится. Тогда я бегу к матери и кричу: «Мама! Папа умер».

Алла окончила педучилище, работала в начальной школе в Карелии и два года назад поступила в университет.

Никаких розысков родителей никогда не предпринимала, считая это безнадежным. Моя, очевидно наивная, версия состоит в том, что Алла может быть родом из Белоруссии и вдруг...»

Алла Юхимович, судя по фотографии, вложенной в письмо, в самом деле была похожа на Валентину Дмитриевну, снятую в том же возрасте. Но некоторое сходство с ней было и у Аллы Пичугиной и у Аллы Дубининой. У Аллы Чернинской был четкий, закругленный почерк, как у Валентины Дмитриевны. У Аллы Пятко — похожий стиль письма, та же манера выра-

жать свои мысли. Одна из Алл приходила ко мне, с детской наивностью твердила:

— Ну пусть я окажусь ее дочерью.

Пришло письмо из Снегиревки, еще от одной радиослушательницы — О. С. Зиновкиной.

«Уважаемые товарищи из «Маяка»... я хочу вам сообщить, хотя не очень уверенно, потому что я не знаю фамилии девочки и родителей, у кого она живет. Но знаю точный адрес. Пусть это не та девочка, но, может быть, ее тоже разыскивают родители и адрес поможет кому-то разыскать дочь. Есть маленькая станция Крошино, кажется семь или девять километров от Барановичей. Надо сойти на этой станции, и влево есть большое село. Там сад фруктовый, и в подсобном хозяйстве работал старик агрономом с женой, бездетные, и эти старики нашли девочку в копнах, в поле, после бомбежки. Была она одна, нигде не было трупов, девочка беленькая, с голубыми глазами, очень подвижная, трех лет. В 1946 году она пошла в школу, я ей еще возила книжки для первого класса. Старушку звали Марыля, а деда — не помню. Девочку они как любили, боготворили, сделали с нее маленькую белорусочку, она даже пела по-белорусски. Когда ее нашли, она помнила отца и меньшего братика, что бы ей ни дали, она говорила — и братику дайте... По-видимому, отец был летчик, она все говорила — папа улетел — и показывала ручонками, как ее папа летает. После этого прошло много времени. Когда я услышала насчет Барановичей, решила сообщить, может, это поможет навести на точный след».

И вот ответ В. Яковенко:

«...Последняя фотография действительно напоми-

нает мою маленькую Аллочку, но, может, это только на фото волосы кажутся густыми, пушистыми, брови тоже. Я написала преподавательнице ЛГУ письмо с просьбой прислать, если есть, фотографию Аллы Юхимович в детском возрасте.

Я с седьмого марта по восемнадцатое была в поездке. Посетила Брест, была у дочери той старушки, которая забрала Аллочку. Она нового мне ничего не сказала, только то, что ее сдали в детский дом Минска в сентябре 1941 года. Документа никакого нет, под какой фамилией — тоже не знает. Адрес и фамилию женщины, у которой жила ее мать в Минске, она якобы тоже не знает. Она поразила меня, сказав, что эту женщину, у которой ее мать жила все годы оккупации, она так и не видела. Разыскала я в Барановичах ту девочку, которую нашли в стогу сена (о которой писала О. С. Зиновкина из Снегиревки). Приемные родители сказали, что она им ясно назвала свое имя — Нина. Сейчас она медсестра, мать двух детей... В Минске была я в горкоме партии... Облоно пообещало проверить еще раз все списки детских домов 1944—1945 гг. и откуда туда дети поступили... Возможно, найду какую-либо нить... Ну, пока все»...

Так вернулись ко мне одна за другой все одиннадцать фотографий, присланных Аллочками. Но мать не успокоилась. Стала сама продолжать поиски. Вновь и вновь писала в Минск и в Брест. В конце концов выяснила, что Т. И. Петропавловская якобы сказала про Аллочку: «Девочку я не уберегла».

Начались у матери мучительные сомнения: «Как

не уберегла? Оставила где-то живую или знала, что Аллочка погибла?»

Как ни тяжело было матери, но путей к дальнейшим поискам у нас не было. Все наши возможности искать девочку исчерпались. Валентина Яковенко замолчала.

Говорят, что время притупляет боль, и можно было бы думать, что мать волей-неволей должна была примириться с печальными обстоятельствами. Но прошло три года, и вновь я увидела знакомый, четкий, закругленный почерк на конверте:

«...Выступая по «Маяку», вы говорили, что к вам обратилась женщина с просьбой помочь найти родителей ее приемной дочки. Убедительно прошу сообщить мне, что вам известно об этой девочке, нет ли чего похожего на Аллочку».

Нет, не примирилась мать со своим горем. Она все еще ищет, все еще ждет.

Из дневника поисков.

Предельная искренность — вот что роднит многие письма, которые ко мне приходят. Человек весь перед тобой, он ничего не прячет. Откуда такая душевная открытость? Иной раз я думаю, что она свойственна тем, кто вырос на людях, в детских домах. Нет, пожалуй, она идет и от другого: человек не сомневается, что его поймут, потому он так искренен.

Однажды группа московских писателей ехала в Ереван на праздник тысячелетия эпоса «Давид Сасунский». В пути Александр Александрович Фадеев вдруг говорит мне, что я должна выступить с речью на одной из станций, где наш поезд будут встречать местные жители.

— Но я же не готовилась к встрече!

— Ничего, соберешься с мыслями,— сказал Фадеев.

Всю ночь я не спала, «собиралась с мыслями».

На платформе было полно народу, с подножки вагона, волнуясь, я произнесла свою речь о «Давиде Сасунском» и о том, что во все времена народ не мог жить без поэзии.

Когда поезд тронулся, я спросила Фадеева:

— Им, кажется, понравилось? Они мне так сильно хлопали.

Ответ был неожиданным:

— Им понравилось, но по-русски они не понимают почти ни слова.

Мне стало обидно:

— Почему же ты меня не предупредил об этом?

— Потому, что ты не могла бы говорить искренне, от души, если бы не верила, что тебя понимают,— смеясь, сказал Фадеев.

Молодой лектор поделился со мной своими мучительными переживаниями. Читал он лекцию, показывал диапозитивы, свет в зале был выключен. Читал он с увлечением, размахивал указкой, как вдохновенный дирижер палочкой. И вдруг почувствовал какое-то легкое движение в темном зале: кто-то поднялся и тихо ушел. Через некоторое время в темноте ушел другой, потом третий. Молодой педагог мужественно продолжал читать лекцию, а сам со страхом думал: что, если они все уйдут? Страшная мысль пришла ему в голову: зажгут свет, а он стоит один и читает перед пустыми стульями.

— Мое положение лучше, по крайней мере я не знаю, кто меня слушает, а кто выключил приемник,— засмеялась я. Но подумала: «А ведь и в самом деле страшно: быть уверенным, что ты окружен людьми, и неожиданно обнаружить, что вокруг тебя пустота».

К счастью, столько людей стремится помочь поискам, что мне не грозят страдания молодого лектора.

Разные пути приводят человека к желанию найти родных. Иван Красильников не искал до сих пор свою мать, а сейчас горячо хочет ее найти. Привели к этому причины психологические.

«Когда я женился,— пишет он,— то по установившейся традиции должен был называть матерью мою тещу. Хотя слово «мама» для меня обычное, как все другие слова, потому что ласки матери я не испытал, но первое время я никак не мог назвать мамой мать моей жены. Я мог бы назвать ее так просто формально, но это было бы не от души. И все-таки я теперь зову ее мамой благодаря той душевности, с какой отнеслась она ко мне».

Как видно, сердечное отношение этой женщины и воскресило в памяти сына образ его собственной матери.

В радиостудии. Сегодня, когда оператор Валечка перематывала пленку нашей передачи, я вспомнила строчки поэтессы Елизаветы Стюарт о сельском киномеханике, который ходит «со свитком чужой судьбы». В руках у Валечки тоже звучащие свитки чужих судеб. Их услышат тысячи людей, невидимых друг другу. Поможет ли кто-то из них и на этот раз «размотать» хоть одну судьбу?

СЛЕДЫ В ЗЕЛЕНЫХ КОНВЕРТАХ

Жизнь иногда загадывает такие сложные загадки, так заметает следы людей, что отыскать их кажется совершенно невозможным.

Многих интересует самый процесс поиска — как нашелся тот или иной человек? Как обнаружились первые следы и распутался клубок? Бывают случаи: кто-то, услышав по радио, что его ищут родные, сам распутывает весь клубок розыска. Он запрашивает адрес родных, отдел писем Радиокомитета высылает ему этот адрес; предполагаемые родные списываются, уточняют неясные подробности их прошлого, встречаются и, убедившись, что они в самом деле родные, пишут об этом в «Маяк». В таких случаях мне только остается с радостью сообщить в передаче об их встрече.

Но нередко приходится долго идти по следам. «Следы» лежат у меня в больших зеленых конвертах. Стоит назвать чье-то имя, рассказать о судьбе, омраченной войной, как земляки, бывшие одноклассники, воспитатели детских домов, командиры воинских частей спешат сообщить любую подробность, которая может навести на след.

«Сегодня я слушал передачу, где разыскивается Родин Михаил 1938 г. рождения. Я служил с Родиным 1938 года рождения. Имя и отчество его я, к сожалению, не помню. Есть у меня и фотография, где мы сфотографировались со взводом. Она большая, но если

будет нужно, то я вышлю. Буду очень рад, если мое письмо поможет розыску.

Дорогов. Таганрог»

«...Считаю своим долгом довести до вашего сведения. Один из ваших подопечных сообщает географию местности, где он потерялся: вокзал между путей, депо за одной стороной вокзала, мост. Недалеко от депо — церковь. Эта география соответствует станции Любань, Октябрьской железной дороги. Кто знает, может быть, эти сведения помогут парню вспомнить еще что-нибудь!

С приветом М. Г. Сковородников. Ленинград»

В одной из передач я прочла письмо Владимира Субботина, который помнил, что его настоящая фамилия Дробязко. Пятьдесят радиослушателей сообщили пятьдесят адресов людей разных возрастов и профессий, носящих фамилию Дробязко. Некоторым радиослушателям горячо хотелось, чтобы Владимир Дробязко обязательно оказался сыном товарища Дробязко — Героя Советского Союза. Я соединилась по телефону с Краснодаром, где живет Герой Советского Союза, разговаривала с ним. Он с большим сочувствием меня выслушал, но выяснилось, что в его семье, к счастью, никто не был потерян. Он сказал об этом несколько смущенно, словно извинялся.

Все же один из пятидесяти присланных адресов помог найти родных Владимира Дробязко. Нашлась тетя, обыкновенная тетя, родная сестра его отца, живущая в Куйбышеве.

Искала родных Надежда Федоровна Пустовалова (фамилия не точная). Ее семья — родители, бабушка,

подростки Боря и Валентин и она, маленькая Надя,— жила в Ленинграде.

«Помню, что жили мы недалеко от самой большой бани, которая в то время находилась на углу двух улиц и называлась на букву «Б». Улица наша называлась на букву «О».

Я обратилась по радио к ленинградцам с просьбой установить, где была такая баня на букву «Б», на углу двух улиц и рядом улица на букву«О». Я не сомневалась, что кто-нибудь обязательно откликнется,— ни одна просьба помочь в поисках не остается без ответа. И все-таки я не ожидала, что люди пришлют и старые планы города, и планы улиц, нарисованные от руки, чуть ли не чертежи, и почти полный перечень ленинградских бань.

«Вы спрашивали нас, ленинградцев, о банях на углу и вблизи улицы, название которой начинается с буквы «О». Вот по плану 1939 года:

На Выборгской стороне

Финский пер., пл. Ленина. Улицы на «О» нет.

На Петроградской стороне

Лодейнопольская улица. Недалеко Ораниенбаумская улица.

На Васильевском острове

17-я линия — Финляндский пер. Улицы на «О» нет.

В Невском р-не

Московская улица. Есть Ольгинский переулок.

В Смольнинском р-не

Мытнинская ул.— 8-я Советская. Улиц на «О» нет.

Во Фрунзенском р-не

Воронежская ул. Рязанский пер. Вблизи наб. Обводного канала.

На М. Охте

Мариинская ул., Охтенский пер., М. Охтенский пр. Желаю успеха, Ленинградец»

Наиболее близким к описанию Пустоваловой был такой ответ:

«1. В г. Л-де, в Петроградском р-не, есть баня Белозерская, которая выходит на две улицы: Кронверкскую и Кропоткину ул.

2. Какая улица находится рядом с баней на букву О? Отвечаю: улица недалеко от бани есть, и называется Ординарная улица.

Ваш слушатель Лосева М. М.»

Теперь я могла спросить старых ленинградцев, которые жили на Ординарной улице, не знает ли кто-нибудь семью, в которой были родители, бабушка, подростки Боря и Валентин и маленькая Надя.

Ответа не последовало,— очевидно, никто не мог сообщить ничего утешительного. Но несомненным утешением для Надежды Федоровны было то, что люди, совсем чужие, так искренне хотели помочь, ходили, выверяли, чертили планы.

Хотя и не всегда «следы в зеленых конвертах» приводят к желанной цели, но они дороги уже тем, что это следы подлинных человеческих чувств.

А баня и улица на букву «О» все-таки свою роль сыграли.

О БАНЕ И УЛИЦЕ НА БУКВУ «О»

Прошло полгода с того дня, как розыск родных Надежды Пустоваловой я сочла неудавшимся. И вдруг история с баней возникла вновь. Пришло такое письмо:

«Обращаюсь к вам по поводу вашей передачи от 13 мая. Вы говорили, что бывшая ленинградская девочка искала родных. У меня пропала племянница в Ленинграде в 1942 году. Сестра моя ходила рыть окопы, дочка ее пропала с улицы, ее увела чужая женщина (рассказ девочки-подружки). В письме Надежды Пустоваловой говорилось, что с ними жил дядя, имя которого она не помнит, жила она на Сердобольской улице, на которой есть большая баня, и в баню племянница ходила с бабушкой. Звали мою племянницу Рая. Очень прошу сообщить адрес Надежды Пустоваловой.

Евдокимова Татьяна Григорьевна.
Витебск»

Я была в полном недоумении: почему Т. Г. Евдокимова считает, что Надежда Пустовалова — ее племянница Рая? Ничего же здесь не сходится.

У Евдокимовой: племянница «пропала с улицы, ее увела чужая женщина».

У Пустоваловой: «Вернулась мама и пошла к станции».

У Евдокимовой: «С ними жил ее дядя, имя которого она не помнит».

У Пустоваловой: «У нас в семье была бабушка, какой-то Борис и Валентин старше меня лет на пять».

У Евдокимовой: «Жили на Сердобольской улице, на которой есть большая баня».

У Пустоваловой: «Жили мы... недалеко от самой большой бани... на углу двух улиц... Улица наша называлась на букву «О».

Что же сходится? Только упоминание о бане. Название улицы тоже не совпадает. Но тут можно понять, почему в памяти девочки осталась буква «О». В слове «Сердобольская» так и слышится звук «о» (ударная гласная).

Адрес был сообщен предполагаемой тете, но у меня никакой надежды на то, что они родственники, не было.

Прошло еще целых пять месяцев. И я получила второе письмо от Татьяны Григорьевны Евдокимовой. Читаю и не верю глазам своим: «Надежда Пустовалова (бывшая) и есть моя племянница Яковлева Раиса Николаевна. В Ленинграде живет и ее мать. Наша встреча состоялась 31 декабря в Ленинграде...»

По каким же признакам они узнали друг друга? Совершенно непонятно! Не ошибка ли все-таки?

Вызвала я Витебск и, когда Татьяна Григорьевна взяла трубку, спросила ее:

— Скажите, как вы убедились, что Надежда Федоровна Пустовалова и есть ваша племянница Раиса Николаевна Яковлева?

— А как же? Она баню помнила! Мы ее на вокзале встретили и привели на Сердобольскую улицу и сказали: «Ну иди одна, найди баню, куда ты ходила с бабушкой». Она идет прямо к бане и говорит: «А почему рядом забор? Тут дом стоял». Она и мебель нашу помнила — шкаф, где стояли масло и банка с вареньем,

туда за вареньем лазила. И еще картину помнила с лебедями. Так что не сомневайтесь, она и есть наша Раечка,— успокоила меня Татьяна Григорьевна.

Вот что такое детские воспоминания! В который раз они возвращают человеку его родных!

Надежда Федоровна Пустовалова учительница. Она пишет: «...Двадцать шесть лет я жила под чужим именем и фамилией. Двадцать два года искала своих родных — и все безрезультатно. Теперь я знаю, кто моя мать, знаю, что она честно трудилась в годы войны, награждена медалью за оборону Ленинграда. Мой отец погиб в 1941 году, защищая Ленинград. Одного лишь сейчас никто не знает — как я пропала и откуда появилась Пустовалова Надежда Федоровна.

Теперь меня зовут Яковлева Раиса Николаевна. Мне очень трудно описать мою встречу с моими родными в Ленинграде 31 декабря 1967 года. Представьте себе картину! Поезд подходит к платформе. Стоят полукругом все родные и мамины сослуживцы, которые узнали, что едет Рая. Я с волнением выхожу на платформу. Теряюсь при виде множества встречающих. Кто-то произнес: «Вот она!» Кольцо встречающих сомкнулось. Кто-то сказал: «Какую ты выберешь себе маму?» Хотя я уже выбрала, продолжаю глазами осматривать всех присутствующих, и, убедившись, что ранее выбранная мной женщина и есть моя мама, я подхожу к ней. Нет! Невозможно описать эту встречу словами.

...В детстве я привыкла к тому, что нет у меня мамы. В детском доме было очень хорошо. На Новый год мы ходили на елку и в кукольный театр. Для меня тогда он казался каким-то раем... В одном из корпусов детского дома мне понравился рояль. В тихие часы я

старалась убегать к нему, очень любила слушать, когда кто-нибудь играл на рояле. Я получила в стенах этого дома все: научилась шить, вышивать, танцевать, любить музыку, играть на мандолине... Но как ни хорошо было в детском доме, и забота, и ласка, а все-таки в свободные минуты мы всегда мечтали, представляли себе своих мам... Сейчас мне просто странно, что все, что я помнила, подтвердилось, и баню эту я хорошо запомнила, и какая у нас была мебель, и как она была расставлена... Я как-то вам писала о своих мечтах... Все эти мечты сбылись. Теперь я учитель начальных классов. Теперь у меня есть родная мать и множество родственников. Теперь я мечтаю жить с мамой вместе в одном городе, заботиться о ней, ведь ее здоровье такое плохое. Мечтаю учиться дальше в педагогическом институте... Желаю столько же радости всем, кто ищет родных...

Привет вам! Рая Яковлева,
а не Пустовалова Надя»

Если Раиса Николаевна переедет в Ленинград, то, должно быть, не сможет она равнодушно проходить по Сердобольской улице, которая на букву «О».

ТРИ БЫСТРЫЕ РАДОСТИ

Удача приходит по-разному. Иногда поиск тянется томительно долго, хотя даже известны имена и фамилии тех, кого ищут. Отклики идут вяло, переписка между предполагаемыми родными длится бесконечно. И когда уже почти перестаешь ждать, почта приносит радостную весть — человек нашелся, сигналы «Маяка» сработали.

А подчас только успеешь объявить розыск — и радость к людям приходит сразу.

«...13 марта в передаче «Найти человека» я услышала, что меня разыскивает сестра. Царькова Октябрина Константиновна. Если бы вы знали, сколько радости принесло мне это сообщение! Я уже считала, что моей сестры нет в живых, прошло уже двадцать лет, как мы расстались в детском доме. Я ее разыскивала, но ответы получала — «не числится»...»

«...8 апреля ...Мы встретились... теперь мы не одиноки.

Сестры Ина и Галя Царьковы».

«...В субботу 9 октября вы говорили по радио, что Анатолий Гладкий разыскивает родного брата Виктора Григорьевича Та-

рабарова. Я, Тарабаров Виктор, потерял своего брата во время войны. Отец наш погиб, мать Анастасия Илларионовна и сестра Александра Григорьевна все живы и здоровы... Прошу, сообщите брату как можно скорей...

В. Г. Тарабаров»

«...Встретились мы с братом, а мать с сыном 27 октября. Такого радостного дня, можно сказать, не было у нас за все двадцать три года нашей жизни... Второй раз мы встретились 7 ноября, брат приехал с женой и сыном. Встречали праздник почти полной семьей, лишь среди нас не было отца...

Братья Анатолий Гладкий,
Виктор Тарабаров».

«...Прошу вас разделить мою радость. Вы передавали, что Бабок Нина Егоровна разыскизает братьев. Так вот, она моя сестра, настоящая ее фамилия Прохоренко. Я с ней спи-

сался и через месяц встретился... Вы не представляете, какая была встреча. Я вышел из вагона последним, как мы сговорились по письмам и телеграммам. Сестра прижалась к моей груди, все плакали и радовались нашей встрече».

Из дневника поисков.

Сидела на скучном собрании. Почти не слушала докладчика, вяло говорившего о культуре слова. Но когда в его речи услышала: «усилим поиски... мы до сих пор не нашли», я вздрогнула, будто он обратился ко мне с упреком, что я кого-то не разыскала. Для меня теперь слово «поиски» настолько связано с передачей «Найти человека», что я только так его и воспринимаю.

Никогда не надо терять веру в успех.

Николай Иванович Колесников искал брата, имени его не помнил. Откликнулся человек, который по всем приметам мог бы оказаться братом Николая Ивановича. Но вот в чем было препятствие — найденного тоже звали Николай Иванович Колесников. Трудно допустить, что родители дали двум сыновьям одинаковые имена. Я уже готова была отказаться от мысли, что они родные. Но выяснилось, что старшего Колесникова и в самом деле звали Николаем Ивановичем, а младшему Колесникову такое же имя и отчество случайно дали в детском доме.

После встречи два брата так и подписались под письмом:

«С приветом братья Николаи Ивановичи Колесниковы».

Некоторые считают нас волшебниками, переоценивают наши возможности. Один наивный товарищ просит обязательно найти его отца к Первому мая. И уж никак не позднее двадцать шестого, потому что это день его рождения.

Если бы все было так просто, так возможно...

Боюсь, что «Маяк» будет затоплен письмами. Они идут беспрерывно. По многим из них можно себе представить тех, кто их писал. Одни подробно, другие скупо рассказывают о своих переживаниях. Одни говорят громко, другие вполголоса. Иногда слышится не только живая интонация человека, но как бы слышен его вздох и даже виден жест. О горе и радости люди находят собственные слова, пускай и не всегда отвечающие всем правилам синтаксиса и грамматики.

«Мы бросились друг к другу и минут семь, обнявшись, плакали криком». Сказано угловато, но зато как живо и по-своему.

Вспоминаю свою няню, Наталью Борисовну Родичеву. Она дожила до глубокой старости, но речь ее не утратила живости, своеобразия. Она, конечно, говорила мне «ты», но когда разговор заходил о вещах, с ее точки зрения, деловых,— она тут же переходила на «вы». И так несколько раз в одной и той же фразе: «Я тебя жду, жду, дожидаюсь, чтобы сказать — вам звонили, обязательно вам на собрание. Да ты сперва сядь, попей чайку, а потом вы и пойдете, а то останешься не пивши, не евши».

Работая над письмами, позволяю себе только сокращения и некоторую перестановку фраз. Остерегаюсь

править стиль — вместе с шершавой фразой может исчезнуть живая интонация. Пересказывая содержание писем, больше всего опасаюсь «беллетристических» комментариев, чтобы не разбавить глубину человеческих переживаний мелкой чувствительностью.

Почерк разборчивый, аккуратный, буква к букве, сразу видно, что пишет учитель. После демобилизации он вернулся к довоенной профессии, но война не стала для него прошлым. Естественно, что его, как учителя, особенно тревожили судьбы детей, и вот сейчас, через столько лет, его обжигает страшное воспоминание:

«Я своими глазами видел под древним Смоленском два колодца, доверху наполненных трупами детишек. Мы — взрослые мужчины, солдаты армии, не скрывая слез, плакали, как женщины... Вот что принес на нашу землю солдат Гитлера. Можно ли это простить? Нет, никогда!»

Подписано письмо так:

«Учитель 49-й школы
г. Ростов н/Д. Гвардии майор запаса».

Чудно́ у меня получается! Когда пришла пора заняться собственными воспоминаниями, я занялась чужими.

ПЯТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из передачи «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА»

«...В руках у меня письмо из Белогорска, от Лидии Ивановны Топчей. Она подробно рассказывает о себе, о своей семье, о своей работе. О том, как не раз пыталась найти родных. Но все эти подробности не могут послужить нитью поисков, и потому не буду читать вам ее письмо. Ведь не в том дело, чтобы рассказать еще об одной трудной, запутанной судьбе. Наша цель —

помочь разлученным людям найти друг друга. Потому из письма Л. И. Топчей я выбрала только то немногое, что может помочь розыску.

Вот единственный факт: жила Лидия Топчая в Керчи, об этом узнала из документа, который был ей дан при выпуске из детского дома. Все остальное — отрывочные воспоминания детства. Но, может быть, они снова нас поведут по верному пути? Лидия Топчая помнит, что были у нее, кажется, две сестры, что ее мать была доярка. Помнится Лидии Ивановне, что, когда она была девочкой, пасла где-то на лужайке у дороги бабушкину козу. Имен не помнит никаких. Свою фамилию считает настоящей и по этой фамилии пыталась искать родных, но никого не нашла.

Обратите внимание, товарищи, в письме есть противоречие — в документе сказано: «Жила в Керчи». Но тогда почему все ее детские воспоминания связаны с деревней? Может быть, родилась в Керчи? Я склоняюсь к тому, что ее детство прошло все-таки в деревне. В этом убеждают и такие ее слова: «Один раз, уже взрослая, я поехала с подружкой в деревню, и мы зашли с ней на ферму к ее сестре, и мне показалось, что я это все когда-то видела в детстве, хотя здесь никогда не была».

Правда, подобное ощущение знакомо многим. Идешь, например, по чужому городу, а тебе почему-то кажется, что ты здесь когда-то был.

Итак, какими данными мы располагаем? Лидия Ивановна Топчая, по документам, жила в Керчи. По воспоминаниям — жила в деревне, пасла на лужайке у дороги бабушкину козу. Была у Лидии мать-доярка и, кажется, две сестры. Вот и все».

Из письма В. П. Топчиего

Керчь

«13 февраля было передано о том, что Лидия Ивановна Топчая разыскивает своих сестер. У меня был брат Иван Никитович Топчий, который погиб на фронте. У него было две дочери-близнецы и младшая дочь Лидия, которая была потеряна. Мать и две сестры Лидии в данный момент проживают в г. Керчи. А я от души был бы рад, если бы эта девочка оказалась моей родной племянницей...»

В Радиокомитет из газеты «Керченский рабочий»
18 февраля

«13 февраля в 19 часов 30 минут Агния Барто вела очередную передачу о розыске родных и близких, при различных обстоятельствах потерявших друг друга. Было сказано, что Лидия Ивановна Топчая разыскивает своих родных... Мать, не видевшая дочь двадцать лет, очень волнуется, ей не терпится поскорее узнать адрес и поехать к дочери. Вот она и обратилась за содействием в редакцию нашей газеты, а мы в свою очередь обращаемся к вам...»

18 февраля

Из письма матери

Керчь

«...Все данные, которые Лидия Топчая сообщала о себе в письме: то, что она в действительности пасла коз у бабушки над дорогой, то, что ее мать была дояр-

кой, и то, что у нее есть две сестры, совпадают с данными моей дочери 1940 г. рождения, которая потерялась...»

Письмо-телеграмма...

«Мамой встретились. Сердечно благодарю за то, что помогли разыскать и встретиться моей мамой...

Лидия Топчая»

Иногда события, жизненные обстоятельства складываются так, что люди годами ищут друг друга и все тщетно, а потом выясняется, что все годы они либо жили поблизости, либо даже встречались. Так, сестры Алла и Бэла всю жизнь стремились встретиться, а жили рядом, в сорока минутах езды на электричке, одна в Днепропетровске, другая в Днепродзержинске.

Инна Кузнецова долгие годы искала свою младшую сестру Розу. Обе они одно время жили в Иванове; Инна часто бывала в столовой на фабрике-кухне, встречала там девочек-учениц в белых халатиках и накрахмаленных шапочках. Но ей и в голову не приходило, что одна из учениц и есть ее Роза.

Вот так же и Лидия Ивановна Топчая (настоящая ее фамилия Топчий) жила недалеко от матери, в той же Крымской области. Однажды Лидия Ивановна даже приезжала в Керчь и, сама того не ведая, проходила мимо дома своей матери, которую так жаждала увидеть. Кто знает, может быть, именно в ту самую минуту мать вышла из дверей дома и они прошли мимо друг друга...

«Мамой встретились»... А ведь пути их чуть было не разошлись!..

Из дневника поисков.

Несколько лет назад, в Австрии, одна престарелая дама задала мне такой вопрос:

— Верно ли, что в вашей стране дело идет к отмиранию семейных устоев?

Сейчас вместо ответа я могла бы выложить перед ней груды писем с именами и фамилиями. Они свидетельствуют, что семья не только не отмирает, а как раз наоборот,— даже там, где она была разрушена войной, родители, дети, братья, сестры стремятся вновь собрать ее. Родственные чувства так живы, так сильны! Люди ищут не только близких, но и дальних, самых дальних родных. И если бы я взялась объявлять розыск всех тетей, дядей и внучатых племянников, то я бы окончательно утонула в бурном потоке родственных чувств.

Получила открытку от десятилетнего школьника Бори Ткаченко. «...Вы говорили в передаче, что одну женщину мучает совесть... Что это означает? Не можете ли дать точное определение?»

Стала я искать «точное определение». Нравственные страдания? — не слишком понятно для мальчика. Пушкинский «когтистый зверь, скребущий сердце» в данном случае тоже не подходит. Написала то, что мне показалось более понятным для современного советского мальчика: муки совести — это самокритика.

НА ПЕЧАЛЬНОЙ ВОЛНЕ

Весны еще нет, но солнце светит вовсю. Тени на снегу стали четкими и синими, отражают синеву неба. Начало марта. Всегда было так: 8 марта — это первые цикламены за стеклами цветочного магазина, это желтые ветки мимозы, привезенные с Кавказа для женщин. Мамин праздник — день, когда даже мальчишке не стыдно приласкаться к матери.

Но в нынешнем году праздник для меня окрашен печалью. Обступили меня горестные письма:

«...Мама сидела на полу убитая. Дом горел».

«...Мама была тяжело ранена и умерла. Могилу ей мы выкопали в сарае».

«...Мать лежала возле крыльца, с разбитой головой... примерзла к земле, откололи вокруг нее лед, завернули в белую материю, за домом выкопали яму, без гроба закопали».

В памяти тех, кто вырос без семьи, образ матери остается живым и прекрасным:

«Мама у меня была красивая, с длинными, толстыми косами».

«Мама у меня молодая, очень ласковая. Я однажды ударилась об дверь, и она плакала, что мне больно».

Сколько нерастраченной нежности в словах:

«Так хотелось бы иметь свою мать, чтобы за ней ухаживать и уважать ее».

«Была бы у меня мать, пусть старенькая, седенькая...»

Многие дочери начинают особенно настойчиво ис-

кать мать после того, как у них появляются собственные дети.

«Теперь у меня дочка есть, и я понимаю, как моей маме тяжело было потерять меня».

«Хотя я сама стала мамой, но мне мама все равно нужна».

С болью пишет о том, что не знал материнского тепла, и сорокалетний мужчина, просит найти мать, которой сейчас, если она жива, около семидесяти лет.

На Новодевичьем ухаживает за могилами тетя Шура, пожилая уборщица. Она так нагляделась на человеческое горе, что с первого взгляда словно измеряет его глубину:

— Ну, та вдова недолго к нам будет ходить. Слишком кричит. Откричится и успокоится.

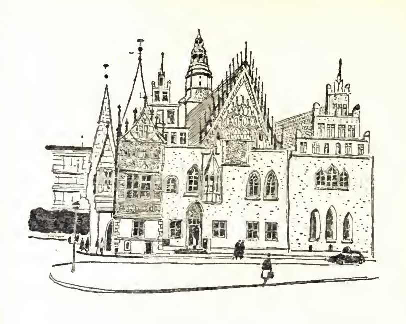
Мельком взглянув на женщину, идущую за гробом, тетя Шура сказала:

— Еще одна мать хоронит... Сегодня вторая.

— Как вы узнали, что это мать? — спросила я.

— Ну что вы? Материнское горе сразу отличишь. Оно особенное — материнское.

И я теперь, как тетя Шура, с первых слов письма узнаю, когда пишет мать. Потому что и слова у нее особенные — материнские.

ШЕСТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из передачи «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА»

«...Те, кто меня сейчас слышит, запишите, пожалуйста: к вам за помощью обращается мать, Александра Родионовна Перевозкина, и я присоединяюсь к ее материнской просьбе.

Александра Родионовна вместе с мужем и двумя маленькими сыновьями, Николаем и Валерием, жила в городе Цехановец. В 1941 году муж умер. Когда началась война, мать с мальчиками и со своей соседкой Голубевой Ксенией Петровной, у которой тоже был маленький ребенок, спешно эвакуировались. Они сели на подводу, и только выехали из города, как началась бомбежка. Они спрятались в лесу. И тут Александра Родионовна вспомнила, что оставила дома все документы. Она побежала за ними, встревоженная, а когда вернулась в лес, подводы с детьми не нашла. Она бросилась на поиски, ей помогли бойцы нашей армии, довезли ее до деревни. В сельсовете сказали, что действительно была подвода с женщиной и детьми, но куда они девались, никто не знает. Трудно передать все, что мать пережила. Она дошла до Минска, а затем по шпалам до Старобина. Потом пошла пешком в Гомель, а затем в Новозыбков, где она живет сейчас. Когда окончилась война, Красный Крест помог ей найти соседку Ксению Петровну Голубеву. Та сообщила, что семилетнего Колю оставила у гражданина Сидоровича на территории Белостокской области, в деревне Бобры или Барсуки. Годовалого Валерика она будто бы тоже оставила в одной бездетной семье, в той же деревне.

Жители деревни Бобры или Барсуки Белостокского района, я вас особенно прошу, узнайте, живет ли здесь семья Сидоровича. Расспросите старожилов о судьбе двух мальчиков — Николая и Валерия. Все, что узнаете, сообщите... «Маяк» подает сигналы — ищем Николая Перевозкина (год рождения 1933-й), Валерия Перевозкина (год рождения 1940-й)».

От Юрьевой Галины Сергеевны

Минск

Из первого письма

«...Вы говорили, что мать ищет двух сыновей – Колю и Валерия Перевожкиных... Дело в том, что Николай Иванович Перевожкин — мой сосед и сотрудник. Я знаю, что в войну он потерял родителей и воспитывался в детском доме. Он вашу передачу не слышал, и я пересказала ему все... Убедительно прошу сообщить поскорей точную фамилию мальчиков».

Из второго письма Г. С. Юрьевой

«...Благодарю вас за столь быстрый ответ и отвечаю на вашу просьбу. Вы написали, что фамилия мальчика Перевозкин, но что из Перевозкина он легко мог превратиться в Перевожкина, учитывая, что в то время он был маленьким и мог шепелявить. Вот что он помнит о себе: он — Перевожкин Николай Иванович, рождения 1935 года, десятое сентября (дата рождения сомнительна).

Помнит, как убегали на телеге с братом (кажется, младшим), матерью и какими-то женщинами, как мать их оставила, и больше он ее не видел. Потом ему кто-то говорил, что мать вернулась за документами и попала под бомбежку. Нашелся даже «очевидец», утверждающий, что видел, как в дом, в котором находилась мать, попала бомба. Поэтому Николай считал ее погибшей. Происходило это где-то в Польше. Вскоре он потерял

и брата. Потом — детский дом... В 1944 году, наконец, с группой русских детей из Польши был переслан в детский дом Гродно, где воспитывался до 1948 года... В настоящее время живет в Минске, работает в строительном училище мастером, имеет жену и семилетнюю дочку... Итак, что же совпадает из моих данных и ваших:

1.) Ехали на телеге.

2). Были два брата и мать.

3). Мать вернулась за документами.

4). Польша (у вас — Белосток).

Не слишком ли много, чтобы считать все случайным совпадением?! Впрочем, последнее слово за вами. Хочется верить, что еще одна мать найдет своего сына...»

Телеграмма. Новозыбков. Александре Перевозкиной

«Маяк» ведет розыски ваших сыновей. На всякий случай спишитесь с Перевожкиным Николаем Ивановичем. Сообщаю его адрес...»

Международное

от Виктора Рудчика

в передачу «Найти человека»

«Многоуважаемые товарищи!

В субботу девятого октября я включил по радио Москву. Как раз редакция «Найти человека» давала сигналы о загинувших во время войны. Мать, по фамилии,

кажется, Перевозова, разыскивала своих детей Валерия и Николая, пропавших где-то в Заблудовском районе, Белостокского воеводства.

Я работаю журналистом белорусского еженедельника, издаваемого в Белостоке. Искренне хотел бы помочь несчастной матери. Потому обращаюсь к вам с просьбой: напишите нам более подробно, что вам известно об обстоятельствах, которые разделили мать и детей. Дайте нам настоящий адрес матери. Мы хотели б узнать, где она жила, чем занималась, где работал ее муж, с кем дружила, кто знал мальчиков, и ряд других мелочей, которые, как сами знаете, могут быть полезными при розыске пропавших».

Международное

Белосток

от *Марии Карпович*

В Радиокомитет

«...Я очень часто слушаю по радио Москву... Услышала сигналы «Маяка» о розыске двух мальчиков, которые находились с матерью в Белостоке, остановились в лесу. Когда мать вернулась, детей не было. Мне стало жаль той матери, которая столько лет ищет детей. Я решила помочь разыскивать. И вот что я узнала.

Семья Сидоровых[1] живет в той деревне. Сам Сидоров два года тому назад помер, зато живые его жена и

[1] Автор письма ошибочно называет фамилию Сидоров вместо Сидорович, упоминавшейся в передаче.

дети. Один из мальчиков, которых вез Сидоров, живет в Белостоке, взяли его люди, которые не имеют своих детей. Кажется, будто старшего взяли монахи. Извините, в моем письме, может, будет много ошибок, когда-то была отличной ученицей, но много лет назад. Желаю той матери скорой встречи с детьми. Желаю мира всем народам, чтобы мы, матери, не плакали больше по своим близким...»

Телеграмма

из Новозыбкова

«...Мы встретились Новозыбкове спустя двадцать четыре года огромное спасибо мать сын Перевозкины»

Из письма Перевозкина Николая Ивановича

Новозыбков

«...Должен вам признаться, что, когда я узнал о том, что мать разыскивает двух сыновей Перевозкиных, я не поверил. Ведь мне сразу сказали, что якобы мать убило бомбой в доме, в котором мы жили. Оставшись со многими другими детьми, я «успокоился».

И вот все это время пишу в документах, что отец умер до войны, а мать пропала без вести. А сегодня я в Новозыбкове у родной матери. Это чудо! Конечно, сразу ни я, ни мать, мы не узнали друг друга. Вот примерно как говорит мать: «Губы, нос, глаза мои, а вот, если есть на правой стороне шеи родимое пятно, то ты мой сын». И что вы думаете, сама же снимает с меня

шарф, а с правой стороны на шее есть родимое пятно. Здесь, конечно, слезы радости хлынули из ее глаз. Ведь двадцать четыре года оплакивала она меня и брата... Я, оказывается, очень хорошо помню смерть отца, похороны, даже расположение комнат, где мы жили. Начало войны, телегу, женщину, с которой мы были... Сейчас только остается выяснить, почему я пишусь Перевожкин, а не Перевозкин, почему я родом из Бобруйска, а не из Борисова и почему я 1935 года рождения, а не 1933?..»

Международное
От Виктора Рудчика
В передачу «Найти человека»

«...Я получил ваше письмо и сразу начал разыскивать детей г. Перевозкиной А. Р.

Вот что удалось мне установить: в г. Белостоке живет парень — ему сейчас двадцать пять лет,— которого в июне или в июле 1941 года усыновила одна семья рабочих. Его назвали своей фамилией и окрестили в римско-католической церкви. Зовется он теперь Лапинский Збигнев-Валентин. Более подробно его историю расскажу вам в другом письме. Пока что прошу поверить мне на слово, что все обстоятельства показывают, что Лапинский Збигнев-Валентин будет именно младшим сыном Перевозкиной А. Р.— Валерием. Я в этом убежден. Но мое убеждение, хотя оно основано на показаниях и свидетельстве многих людей, не может быть равнозначно объективной правде. К сожалению,

не удалось мне найти каких-либо писаных документов. Их нет и быть не может. Ведь Валерий имел тогда — в 1941 году — всего один год и один месяц. Его самые ранние детские воспоминания относятся к теперешним родным — к семье Лапинских.

Я обратился за советом к знатному местному эксперту по судебной медицине — профессору Бырды. Она возглавляет кафедру и отдел судебной медицины Белостокского медицинского института. Она посоветовала мне провести исследования группы крови у этого парня и у Перевозкиной. Она пообещала сделать это лично у Лапинского Збигнева-Валентина. Но как исследовать группу крови Перевозкиной А. Р.? Может, вы могли бы в этом помочь? Профессор Бырды сказала мне, что в Советском Союзе самым знатным специалистом в этой области, по ее мнению, является доктор Бронников...»

Из письма А. Р. Перевозкиной

«Искренне благодарю вас и преклоняю свою седую голову перед вами за ваше участие в розыске моих детей Коли и Валерия. С Колей у нас самые наилучшие отношения, хотя и вырос он без меня, но он здесь, на нашей земле, и каждую минуту я могу быть с ним. А Валерий?

Бессонные ночи, всякие мысли и тревоги снова овладели мною. Много писем я написала Рудчику, он принял самое активное участие — большое ему материнское спасибо. Я всей душой верю, что найденный им Лапинский — это мой Валерий. Но мне очень хочется

увидеть своего малыша, какой он есть, да и должен ведь он знать, что отец его настоящий был коммунистом и человеком чистой и открытой души. Как мне поступить? Возможно, его можно вызвать в Москву, и я бы с Колей приехала туда к вам,— я тогда вышлю вам приглашение Валерию, а если этого сделать нельзя, то, может быть, возможно мне туда поехать с Колей? Повидать Валерия и показать ему могилу отца... Я искренне благодарна Лапинским за воспитание моего сына, но неужели они будут такими жестокими, что не разрешат человеку в двадцать пять лет повидаться с матерью? Я его у них не отбираю, пусть он живет с ними, пусть решает, как ему хочется, но повидать его я должна...»

Международное

Белосток

От Виктора Рудчика

«...Я сообщу вам факты, которые привели меня к убеждению, что Збигнев-Валентин Лапинский — это именно Валерий Иванович Перевозкин...

Конечно, первой нитью были копии писем А. Р. Перевозкиной и гражданки Марии Карпович из деревни Соболево, Белостокского воеводства, которые вы прислали мне в ноябре прошлого года. На основании этих писем я сделал информацию и напечатал ее в белорусском еженедельнике «Нива». Затем оба письма почти целиком напечатал в польской «Газете Белостоцки».

Первая откликнулась гражданка Валентина По-

пард. В 1941 году она работала учительницей в деревне Каменки, вблизи деревни Соболево.

— Помню,— говорила она,— что в начале войны в деревне Соболево, на поле одного крестьянина, кажется в клевере, нашли какое-то маленькое дитя. Оно было едва живое.

В тот же самый день ко мне в редакцию явился Владимир Луцкевич из деревни Соболево.

— Я живу по соседству с гражданином Сидоровичем. Помню, в начале войны, когда немцы напали на Советы, к Сидоровичу приехала какая-то русская женщина, врач или ветеринар. С ней было двое детей — маленькая девочка и малец лет семи-восьми. Мальчика этого она оставила у Сидоровича, а сама с девочкой куда-то уехала. Мальчика звали Коля, был темный блондин. В то же время на поле жителя деревни Соболево Антона Петровского в клевере нашли дитя, мальчика, блондина, возрастом в год-полтора. Я лично был свидетелем этого события. Было это так: после бомбежки несколько человек беседовали на взгорке возле усадьбы Петровского. Вдруг кто-то заметил, что в клевере что-то белое шевелится. Пошли посмотреть, и оказалось, что это живое дитя. «Что с ним делать?» — забеспокоился Петровский. «Бери себе... На твоем поле — твоя находка»,— сказали мы. «Ведь у меня своих шестеро»,— говорит он. «Когда хватает для шестерых, хватит и седьмому»,— толковали люди.

Петровский взял этого ребенка, его супруга обмыла его и напоила молоком. Петровскому помогали люди. Приносили молоко и хлеб. Когда Коля увидел этого ребенка, то он сказал, что это его брат. Некоторое

время дети жили в нашей деревне, потом их вместе отвезли в какой-то детский дом под Белостоком. Но немецкие власти ликвидировали этот детдом, а всех детей забрали к себе католические монашки (шаритки)».

А вот свидетельство других. Сын Сидоровича Станислав рассказывает:

«Ветврач Голубева в июне 1941 года приехала к нам в деревню Соболево на лошади. Вместе с ней было двое детей: девочка и мальчик лет семи, звали его Колей. Голубева жила у нас около двух недель. Потом сказала, что она уезжает и хочет оставить у нас мальчика. Отец мальчика, рассказывала она, помер, а мать разбомбили. Коля оставался у нас еще примерно четырнадцать дней... Потом Колю вместе с ребенком, которого нашли на поле у Петровского, отправили в сиротинец в Маювке. Не могу уверенно сказать (столько лет прошло), говорил ли Коля об этом ребенке, что он его брат. Но лично думаю, что был это брат Коли. У нас других советских детей не было».

За добавочными сведениями я обращался тоже к Ксении Петровне Голубевой. Вот выдержки из ее длинного письма:

«...Я распрягла лошадь, привязала ее за бричку, посадила под куст Валерика, дала ему поесть, просила остаться с ним Колю, но Коля побежал за мной, а Валерика мы оставили, думали, что придет кто-нибудь забирать вещи и лошадь, заберет и мальчика.

Я со своей годовалой дочерью на руках вышла в деревню Соболево; у первого дома нас встретил мужчина. Это и был Сидорович. Я рассказала, откуда я еду и что

со мной случилось в дороге, где мной оставлен ребенок и лошадь с вещами... Сидорович пригнал лошадь, бричку и часть вещей, но Валерика там не было, Сидорович мне сказал, что мальчика взяли жители этой же деревни, они бездетные, если не найдется мать, то они его усыновят. Фамилию их не помню... Я попросила Сидоровича оставить Колю у себя, так как он старше, чтобы дети знали, что они братья. Сидорович согласился...»

И, наконец, мне рассказал гражданин Иван Хшановский:

«Супруги Бронислав и Владислава Лапинские — мои хорошие знакомые и друзья. У них на протяжении десяти лет супружества не родились дети.

У меня в деревне Соболево есть родственники. От них я узнал, что у крестьянина Петровского находится русский ребенок, родители которого погибли. Рассказал это Лапинским. Они решили взять ребенка, но в деревне его уже не было. Мы поехали за ним в монашеский сиротинец в Белосток. Монашки нам отдали мальчишку. Малютку сейчас же занесли в костел, окрестили его, назвав двумя именами: Збигнев-Валентин. Наверное, думали, что русское имя Валерий по-польски произносится Валентин».

Письмо мое слишком разрастается, а вместе с тем растет количество разных ошибок относительно русского правописания... Но я должен сказать еще одно: А. Р. Перевозкина в своем письме, копию которого я получил от вас, пишет, что Валерик родился 15 мая 1940 года. В личных документах Збигнева Лапинского дата рождения точно такая — 15.V.1940 года».

Из письма Виктора Рудчика

Николаю Ивановичу Перевозкину

«...Я лично не имею никаких сомнений, что парень, который сейчас называется Лапинским Збигневом-Валентином, является именно вашим братом Валерием Перевозкиным. Но мое убеждение и свидетельство других людей еще не вполне достаточно, чтобы сразу Лапинский стал Перевозкиным. Ему это надо доказать. Когда вы, Николай Иванович, остались без родителей, вы считали себя сиротой. И, как бы ни сложилась ваша судьба, вы всегда знали, что у вас были и отец и мать. Вы знали свою фамилию и имена своих родителей. А Валерий?.. Долгое время он ничего не знал о своем происхождении. В 1944 году у Лапинских родился свой сын. Знакомые обращали внимание, что эти братья совсем не похожи друг на друга. Збигнев (извините меня, но я пока что вынужден так его называть) стал догадываться, что не является родным сыном Лапинских. Года два-три тому назад откровенно о его происхождении Збигневу рассказал один родственник Лапинских. Но информатор был тогда слишком пьян, и Збигнев ему тоже не поверил. Не сразу он поверил и мне, хотя я предоставил ему все факты, которые только удалось мне собрать... Потому я вам до этой поры не подавал адреса Валерия. Теперь могу дать. Лапинский Збигнев-Валентин является взрослым, вполне самостоятельным человеком и полноправным гражданином ПНР. Он может поступать как хочет...»

Из передачи «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА»

«...Я рада вам сообщить, что наконец-то закончились поиски сыновей Александры Родионовны Перевозкиной. Отрадно, что и на этот раз помогли отзывчивые радиослушатели.

Как вы помните, старший сын Николай был еще в прошлом году найден благодаря Галине Сергеевне Юрьевой. Теперь нашелся и младший, Валерий, с помощью польского журналиста Виктора Рудчика, который, услыхав нашу передачу о годовалом мальчике, пропавшем двадцать пять лет назад в Белостокской области, энергично взялся его искать. И нашел в Польской Народной Республике. Нитью для поисков послужило письмо польской радиослушательницы Марии Карпович. Вы можете себе представить, как горячо стремилась Александра Родионовна увидеть и младшего сына. Не так уж сложно было вызвать его из Польши на свидание с матерью. Но подумать только, в какое трудное положение попали бы мы все, если бы Збигнев-Валентин все же оказался не тем, кого мы искали. Тяжелое разочарование постигло бы прежде всего мать... Чтобы исключить всякие сомнения, я прибегла к помощи «техники» — попросила московское телевидение помочь нам. И один из журналистов, поехавших в командировку в Польшу, обратился с просьбой к польским товарищам снять Валерия на кинопленку. Довольно быстро кинопленка была прислана. И вот Александра Родионовна, приглашенная в Москву вместе с Николаем, входит в кинозал телестудии. Все взволнованы, ведь сейчас матери предстоит узнать или не узнать сына. Только она одна спокойна,

ни о чем не догадывается. Гаснет свет. На экране появляются кадры — высокий, худощавый молодой человек со своей невестой выбирает в магазине подарки. И тут в напряженной тишине раздался голос матери. Она сказала негромко и ласково:

«Ох, вот он — моя деточка!.. Кровь моя родная...»

Она сразу узнала сына, он оказался похожим и на старшего брата и на отца.

На следующий день Александра Родионовна и Николай пришли ко мне домой. Мать словно светилась счастьем, которое наконец вернулось к ней. У меня мелькнула мысль — вот живой классический образ счастливой матери, который порой ищут кинорежиссеры для своих героинь. Чудная женщина, мудрая, скромная, полная достоинства. Еще красивая в свои семьдесят пять лет. Столько горя выпало на ее долю, но она сохранила живое чувство юмора, способность молодо радоваться. С лукавством рассказала о том, как двадцать лет назад к ней сватался вдовец, и тогда она ему ответила: «Не выйду замуж, пока обоих сынов не найду».

— А теперь я такая счастливая, хоть сейчас свадьбу играй, да только не знаю, тот вдовец живой ли?

Мы расстались, и в тот же вечер Александра Родионовна с Николаем уехали вместе в Новозыбков».

Из письма Перевозкиной А. Р.

«...Слушала вас по радио, мне казалось, что я как будто была с вами рядом, и сейчас, когда я немного успокоилась, так хотелось с вами говорить и говорить.

Только теперь я пришла в себя от всего пережитого. Встречала Валерия и Виктора Максимовича Рудчика. Вокзал был переполнен людьми, я как будто в каком-то сне. Не чувствовала земли, по которой шли мои ноги. Горком партии и горисполком сделали все возможное для встречи моих детей, я очень благодарна им за такое внимание к простому человеку. Когда стал прибли-

жаться поезд, то стоявшие на площадке проводники стали показывать, где мой сын: проводник первого вагона указал на второй, проводник второго — на третий, а проводник третьего вагона поднял флажок над головой, да так и остался до остановки поезда. Толпа хлынула к поезду, и нас оттеснили. Когда Валерий сошел с поезда, то не знаю, какая сила его потянула ко мне, ведь кругом было много народу, и он никуда не пошел, а бросился на шею ко мне и сильно заплакал, только говорил «дрога мамуся». Я не могу вам передать, как дороги были эти первые слова для меня! Коля стоял

рядом, и Валерий, взглянув на него, обнял, расцеловал, а сам только и говорил «дроги мой брат», это была встреча горя и радости всей семьи... Домой приехали вместе, и за все три недели пребывания он от меня не отошел ни на минуту. Ему так понравилось здесь, что он с неохотой уезжал. Сходство его с отцом поразительно и в характере и в поведении. Брат мой родной и он настолько похожи, что никакая экспертиза не нужна. Настолько мы все счастливы, что я теперь согласна жить хоть два века, только чтобы видеть сыновей...»

Из дневника поисков.

У нас дома давно существует термин: «незнакомые гости». Так назвали себя однажды ребята, придя ко мне домой: «Здрасте, мы ваши «незнакомые гости».

Теперь это выражение относится не только к детям. Александра Родионовна Перевозкина, которой мы нашли двух сыновей, Инна Кузнецова и ее мать, встретившиеся через двадцать пять лет благодаря передаче «Найти человека», и многие-многие другие — вот кто теперь мои «незнакомые гости». Они приходят взволнованные, еще не привыкшие к своему счастью. Матери обычно так смотрят на своих найденных взрослых детей, словно боятся, как бы те опять не исчезли.

Как-то кинохроника решила снять такую встречу у меня дома. Оператор установил камеру, все подготовил в большой комнате, где он собирался запечатлеть волнующий момент.

Но волнующий момент произошел как раз не в большой комнате, а в маленькой передней, у самой двери. Слезы радости, объятья, горячее выражение чувств, к огорчению оператора, в кадр-то и не попали!

«Очень, очень прошу, если можно, помогите Ксении Александровне Никитиной. Всю ее большую семью разрушила проклятая война. Муж и дочь погибли под Ленинградом, в битве с фашистами. Ксения Александровна, беременная, бежала из Шлиссельбурга с тремя

мальчиками, сыновьями. Когда она добралась до станции Жихаревка, началась бомбежка. Мать потеряла сознание. А пришла в себя — детей уже не было. Ей сказали, что их эвакуировали в Кировскую область. Мать поехала в Киров, там узнала, что эшелон отправлен в Ярославль. Она поехала в Ярославль. Но увы, и там детей не было. А потом болезнь, роды и смерть последнего ребенка... Сейчас Ксения Александровна живет в нашем городе со своим страданием и горем неутешным».

Прислала мне это письмо не сама Никитина, а совсем другая женщина, прикованная к постели,— Евдокия Васильевна Ярыгина. Она тоже пострадала во время войны, но не замкнулась в своих горестях. Ее волнует чужая судьба.

Замечательное совпадение! В один день пришло в Радиокомитет два письма. Одно от Кириллова Виктора Ивановича. Он ищет младшую сестру, эвакуированную из Ленинграда с детским домом. Второе письмо от Людмилы Ивановны Кирилловой. Она пишет: «В памяти моей сохранилось имя мальчика «Витя». Какое отношение он имеет ко мне, не знаю».

Не надо было долго думать, чтобы понять,— сошлись письма брата и сестры, которые ищут друг друга. Если бы почаще были такие совпадения! Пока это единственный случай!

Елизавета Титова просила найти ее сестру Марину. Очень скоро пришел отклик от Марины Титовой, из Свердловской области. Елизавета обрадовалась; предпо-

лагаемые сестры стали переписываться, собирались встретиться.

Но тут пришел второй отклик, от Марины Кротовой, урожденной Титовой, утверждавшей, что она и есть «Лизочкина сестра». Лиза была озадачена, однако стала переписываться и с ней. Но раньше, чем что-либо выяснилось, пришло письмо из Крыма, еще от одной Марины Титовой.

Переписка с Маринами все расширялась, но когда я позвонила Лизе в Харьков, чтобы выяснить, какая же Марина оказалась ее сестрой, она ответила со вздохом:

— Ни одна из них мне не сестра. Такое уж у меня счастье...

«Лизочкино счастье» — была такая детская книжка. Вспомнила я о ней после разговора с Лизой Титовой. В детстве мне очень хотелось получить эту книжку, но когда мне ее подарили, она принесла мне одно горе.

Приближался день моего рождения, и знакомые спрашивали мою мать:

— Подскажите, что подарить вашей дочке?

Мама, как и все в таких случаях, отвечала:

— Спасибо, ничего не надо дарить.— И добавляла: — Ну, если только «Лизочкино счастье» — она мечтает об этой книге.

И в день, когда мне исполнилось семь лет, почти все гости принесли мне в подарок «Лизочкино счастье». Первой книжке я очень обрадовалась, второй — меньше, потом растерялась, а получив пятую, расплакалась.

ГЮГО: «ВОЙНУ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ»

Был теплый парижский октябрь. Оживленный, шумный. Я шла вдоль Сены по зеленому скверу. Посреди песчаной дорожки так прочно застыла целующаяся пара, что я чуть не приняла ее за статую влюбленных. Но это были живые девушка и юноша, поглощенные друг другом, отгороженные своей любовью от всего мира. Прохожие бережно обходили их, как будто боялись толкнуть и разбить это живое изваяние. В конце сада я подошла к узкой лестнице, ведущей вниз. Спустилась к памятнику, недавно построенному вблизи Нотр-Дам, и очутилась на открытой каменной площадке, почти висящей над Сеной. На одном краю этого каменного выступа возвышалась железная решетка, она чернела на фоне воды и неба, как символ тюрьмы. Сразу создавалось ощущение, что находишься во дворе концлагеря. Исчез живой Париж с его шумом, с его влюбленными. Все словно застыло, замерло.

Еще несколько ступеней вниз — и я попала в мрачную галерею. На массивных голых стенах ее была высечена надпись о том, что этот строгий склеп сооружен в память двухсот тысяч французов, замученных в нацистских лагерях смерти. За железной, как бы тюремной, решеткой уходил в темноту узкий коридор. Только откуда-то из глубины, из мрака, пробивалась слабая струя света. Свет падал на стены коридора, сплошь покрытые рядами белых камешков. Их двести тысяч, ровно столько же, сколько узников, погибших в концлагерях. Белые камешки собраны французскими детьми. Одному из маленьких школьников принадлежат и

слова: «Они ушли на другой край земли и никогда не вернутся обратно». Так мальчик написал о своих родителях, его слова начертаны на плоском овальном камне, закрывающем могилу неизвестного узника. На стенах галереи стихи поэтов, участников Сопротивления — Элюара, Арагона. Стихи Робера Десноса, арестованного гестаповцами, написаны им в Освенциме:

Я теперь тень, тень среди теней... Только
тень... Тень будет ходить, тень будет
приходить в твой солнечный день.

Я стояла перед чашами-раковинами, где хранится земля из лагерей и пепел узников, и думала о своей стране, больше всех пострадавшей, но победившей фашизм. Узники лагерей смерти стали для меня за последние три года не отвлеченным понятием, а живыми людьми, с именами и биографиями. Письмо одной узницы Освенцима я помню почти дословно: «Вам пишет мать, попавшая с детьми в концлагерь. Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь, Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя, выжжен номер 77325».

Мать пишет «на левой ручке», до сих пор она видит свою дочку маленькой.

Всякая разлука с дочерью для матери тяжела. Но чудом уцелеть в фашистском застенке, вместе перетерпеть все и после этого потерять дочь — еще нестерпимее.

Ни разу во время поисков мне не приходилось искать пропавших детей по клейму, выжженному фашистами. Страшная, но веская примета. Впервые я искала человека по номеру...

Необычная была и ответная почта. Один из конвертов пришел с надписью: «Срочно вскройте письмо. Сообщаем о Шуре Королевой, которую разыскивает мать».

Инженер геологического управления Александр Петрович Воинов сообщал из Горького, что ему приходилось много ездить и в одной из последних поездок судьба свела его с техником-геологом Шурой Королевой. Работал он с ней вместе почти три года подряд. Что же он знал о ней? Он знал, что она родилась в 1938 году, русская, во время Великой Отечественной войны вместе с матерью была в Освенциме. У нее есть клеймо на левой руке. По слухам, Шура недавно вышла замуж.

Чувствовалось удивительно заботливое отношение Воинова к Шуре, он писал, что ему больно за девушку, которая столько выстрадала, и очень хочется помочь ей. В то же время он боялся травмировать ее напоминанием о концлагере.

С той таежной партией, где сейчас находилась Шура, управление было связано рацией, и Воинов писал, что есть возможность сделать запрос в тайгу. Несколько раз мы говорили с Александром Петровичем по телефону. Он был уверен, что Шура Королева и есть та, кого мы ищем. Все же мы решили рацию не давать, чтобы, может быть зря, не будоражить девушку, а подождать, пока кто-нибудь поедет в тайгу.

В те же дни пришло письмо издалека. Инженер Е. А. Мешковский, который работал в Кабуле по оказанию технической помощи Афганистану, тоже сообщал, что знает Шуру Королеву, и указывал те же координаты. Словом, все пути вели в одном направлении.

Появились основания ответить на запрос матери, что, кажется, нам удалось напасть на след. Ответили осторожно, предупредили, что след может оказаться ложным. Тем не менее мать тут же собралась ехать в тайгу, с трудом удалось ее отговорить.

Время шло, а подтверждения от Шуры все не было. Наконец появились вести из таежной партии. Вести были недобрые. Шура утверждала, что она сирота, ее мать умерла в Освенциме. Это могло быть ошибкой: маленькая Шура могла принять другую женщину за свою мать. Но главное — номер на левой руке был не 77325, а совсем другой. Значит, не она? Не хотелось верить. Горько было примириться с тем, что, несмотря на такое количество совпадений (имя, фамилия, почти тот же возраст, название лагеря смерти),— приходится отступить!

Разумеется, далеко не все поиски успешно завершаются. Но на этот раз особенно хотелось, чтобы мать и дочь соединились. Потому неудача была такой ощутимой. Как бы то ни было, но след оборвался, и пришлось сообщить матери, что дочь ее не найдена.

Другие поиски, удачные и неудачные, оттеснили этот случай. Но в мрачной галерее мемориала я вспомнила о нем...

Из дневника поисков.

Почти два месяца никто не находился, и мне уже стало не хватать «счастливых» писем.

Наконец-то сегодня — письмо радостное, даже восторженное.

«Я такая счастливая... Какое же это счастье, я даже не могу представить, хожу целыми днями как дурная...— пишет Нина Петровна Луковецкая.— Я, наверно, умру от радости при встрече с мамой и братом, которых вы помогли мне разыскать».

А нашлись они опять-таки благодаря детским воспоминаниям.

«Помню мальчика, который был старше меня. Он мне выдергивал молочный зуб. Привязал ниточку за зуб и второй конец нитки натянул. Но когда зуб вырвался, мальчик упал. Звали его, кажется, Боря, кем он был мне, не знаю...»

В мальчике, тащившем зуб, узнал себя брат Нины Петровны, так он и нашелся. А вместе с ним нашлась и ее мать.

Розыск этот примечателен для меня еще вот чем — семья Луковецких-Смирновых оказалась «юбилярщей». Она — сотая, найденная по «Маяку». Ведь я считаю находки не по количеству людей, а по числу удачно завершенных поисков. Людей соединившихся, конечно, не сто, а гораздо больше: мать ищет сына, а находит внуков и невестку. Дочь ищет свою мать, но находит брата или сестер. Если бы я стала в каждом случае

считать всех родственников, цифры были бы куда больше. И удовлетворения больше! Но так точнее. А то поди-ка разберись в границах родства. Двоюродных сестер считать? А троюродных? А невесток? А внучатых племянников?

В письме Аллы Пермяковой не сказано ни о любви к Родине, ни о готовности сражаться за нее, но почему-то возникает убеждение, что Алла из породы тех девушек, которые в первые же дни войны надевали стеганки, садились в теплушки и отправлялись на фронт. Не знаю, откуда у меня такое впечатление, может быть от одной фразы: «Хотя соседи осуждали мою маму, что она меня оставила пятилетнюю и ушла на войну, но я ее понимаю...»

Галина Николаева говорила мне: чтобы вплотную приняться за рукопись, ей нужны были бесчисленные, исписанные в поездках блокноты и не единицы, а десятки встреч с людьми на заводах, в колхозах. Она настаивала на десятках встреч, утверждая, что только после десятков что-то начинает для нее вырисовываться. Иногда я задавала ей такой ставший у нас традиционным вопрос:

— Ну, как дела? Единицы или десятки?

Если она со вздохом отвечала: «Пока еще единицы»,— это значило, что она еще на подступах к новой вещи.

Ее пытливый интерес к людям выражался, конечно, не только в десятках встреч. Она умела распознать

буквально каждого собеседника, вызвать его на разговор, на рассказ о себе и с неподдельным вниманием слушала. Казалось, что она выстукивает, выслушивает человека, как врач, и для себя ставит ему диагноз: этот — здоров, этот — болен (она и действительно была по образованию врачом).

Тысячи писем, которые проходят через мои руки, по существу, тоже встречи с людьми, и я не раз думала о том, что Галина Евгеньевна многое могла бы найти в них для себя.

Читаю письма. Почти в каждом неослабевающая ненависть к фашизму. Не удивительно, что она вспыхивает с новой силой, стоит только человеку прикоснуться к прошлому, пережитому. Может быть, потому люди пишут:

«Хотя смерть пять лет была рядом со мной, но если придется идти против фашиста, не погляжу на года, вместе с сыном пойдем.

Овчинников С. Б.
Краснодарский край»

«...Есть и моя доля в борьбе с фашизмом. Будут снова бои — сын внесет свою долю.

А. И. Веткина.
Бывшая разведчица»

«...Как переживший войну, не стыжусь моих слез, но и ненависти к врагам во мне хватит.

П. П. Бочин.
Кузнецк»

«Отец мой получил посмертно орден... Задаю себе такой вопрос: если бы я попал в бою в тяжелый переплет, сумел бы я действовать так же геройски?

Игорь Митюшин.
Ленинградская область»

«...Глаза не закрываю, может быть, еще и придется нам рассчитаться с фашизмом до конца.

А. В. Савельев, учитель
школы рабочей молодежи»

Из таких записей возникает патриотический образ народа.

СЕДЬМАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Александра Филипповича Рояк
г. Николаев

«Мне, водителю такси, очень часто приходится слушать вашу радиопередачу. У меня в машине радиоприемник... У меня лично нет потерявшихся родственников, мне некого разыскивать, но мне очень приятно

слушать, когда через долгие годы встречаются близкие, родные, которых разлучила война. И мне хочется помочь тем товарищам, кто нуждается в этом. Возможно, рядом где-то находятся люди, которых я знал или знаю. Но пока что ничем помочь не могу. По моему совету пишет мой товарищ к вам... Прошу вас передать по программе «Маяк» об этом товарище...»

Из письма А. Э. Щербины

«Я, Щербина Анатолий Эдуардович, года рождения 1939-го, проживаю в городе Николаеве... По совету товарища Рояк Александра Филипповича, решил обратиться к вам с просьбой помочь мне разыскать моих родных... Фамилия моя и год рождения не знаю, точные или нет... Помню, что мать мне купила теплый костюмчик и валенки. Помню, что было это в Киеве. Следующее помню, что меня какая-то тетя привела в детприемник. Кем она была, я не знаю. Когда она привела меня, я, по-видимому, понравился милиционеру, находившемуся там, и он взял меня на воспитание... Через некоторое время он сдал меня обратно в детприемник, по какой причине, не знаю. Потом я попал в Клеванский детский дом. Все, что я описал, было в период времени, когда освободили Киев, потому что помню, как вели военнопленных. Прошу вас передать обо мне по радио, возможно, моя мать или отец откликнутся, если они живы. Если их нет, то, возможно, жива та тетя, которая меня сдала в детприемник. Или милиционер, у которого я находился некоторое время...»

Но никто не откликнулся на сигнал «Маяка».

Прошло около года, и вдруг приходит письмо от другого Щербины, Александра Кондратьевича. Я подумала, что он брат Анатолия. Правда, Анатолий Щербина ничего не говорил о брате, но бывает, что братьев не помнят. Не смутило меня и то, что у предполагаемых братьев были разные отчества. На опыте поисков я убедилась, что самое шаткое доказательство — это отчества бывших воспитанников детских домов. Их часто придумывали сами дети. Но в пользу родства говорило то, что оба Щербины росли на Украине. И все же после проверки оказалось, что они не братья.

Анатолию Щербине не повезло. Оставалось попытать судьбу другого Щербины. Я прочла его письмо по радио.

Из письма Александра Кондратьевича Щербины

Алма-Ата

«...В детстве я потерял родного брата, уж я писал во все концы, искал его и не нашел. Звали его Пантелей Кондратьевич Щербина. В последний раз мы виделись с ним в каком-то детском доме в Измаильской области. Названия детдома не помню. Брат ко мне заходил в военной форме, это я хорошо помню. Есть у меня и старшая сестра — Елизавета Кондратьевна Щербина. Но это ее девичья фамилия. А какую фамилию она носит сейчас, не знаю... Я живу в городе Алма-Ата, работаю каменщиком, женат. У меня растет дочка Иринка. Помогите разыскать брата или сестру. Мы с Иринкой век будем помнить вас...»

Тут же после передачи пришло письмо-телеграмма: «13 ноября выступал по радио человек, который ищет сестру и брата — Щербину Лизу Кондратьевну и Щербину Пантелея Кондратьевича. Я Щербина Лиза Кондратьевна, и у меня брат Пантелей Кондратьевич. Ищем брата Шурика — Александра, которого не видели двадцать лет, сдали его в детдом, Шабо, Днестровского района, прошу сообщить адрес брата. Очень благодарны, жду ответа. Лиза».

Двадцать восьмого ноября, то есть через две недели,— новая телеграмма: «Мы Щербина Александр сестра Лиза встретились Кишиневе через двадцать лет...»

Александр Щербина оказался счастливее Анатолия.

Из дневника поисков.

Я видела как-то летом, недалеко от станции Хлебниково, у потемневшего от времени деревянного дома, на самом солнце стояли несколько ребят.

— Мы разведчики,— говорили они грузной пожилой женщине в пестрой капроновой косынке на голове.

— Разведчики? — улыбнулась та.— Вы бы лучше на речке играли, а не на самой жаре.

Мальчики переглянулись.

— Мы не играем,— снисходительно объяснил один из них,— нам поручили узнать, где-то здесь живет Наталья Семеновна Костюкова, мы могилу ее сына нашли.

Женщина побледнела.

— Я и есть Костюкова.

Обхватив двумя руками мальчиков за плечи, неловко прижимая их головы к себе, женщина повела их в дом.

———

Дети взяли на себя душевную заботу о взрослых. Пионерские отряды ведут поиски воинов-однополчан, разыскивают могилы погибших. С юными искателями у меня сложились деловые отношения. В тех случаях, когда их просят найти ребенка, потерянного в годы войны, они пишут мне:

«...Здравствуйте... мы ученики восьмого класса «а» школы 247 города Москвы. У себя в школе мы ор-

ганизовали музей Боевой Славы... Мы ищем могилы погибших воинов, устанавливаем место их гибели, ищем однополчан... Это очень трудно, но выполнять нам помогают военкоматы и работники архива Министерства обороны. Сделано немало. Но сейчас... мы получили два письма с просьбой найти ныне живущих людей. Такие письма нас особенно волнуют. Потому что к нам обращаются пожилые люди с надеждой, с верой, а мы ничего не можем сделать... Очень просим вас помочь этим людям...»

Далее идет подробный рассказ о матери, потерявшей свою дочь Нонель Женю (в начале войны девочка лежала в костнотуберкулезном санатории Ленинграда), и о семье Мишуровых, разлученной войной. И снова приписка: «Если можете, помогите этим людям...»

«Здравствуйте...— начинает свое письмо и школьница из поселка Дорохово.— Перед праздником Седьмого ноября наши девочки несли венок на могилу солдат, защищавших Дорохово. По дороге нам повстречалась пожилая женщина, которая остановила нас и со слезами попросила о том, чтобы мы разыскали двух ее дочерей, Катю и Марию Мишаниных, которых увезла скорая помощь с Ладожского озера во время эвакуации из Ленинграда. В следующее воскресенье мы решили сходить к ней и узнать поподробнее...»

Девочки пошли к незнакомой женщине и написали о чужой беде как о своей, стараясь не упустить ни одной мелочи...

Дине Кириченко около сорока лет, но пишет она о своей давней обиде, как будто это было вчера. Маль-

чишка в детском доме, разозлившись на нее, крикнул самое обидное, что пришло ему в голову:

— Эй ты, Гитлера дочь!

Кто-то из ребят подхватил:

— Гитлера дочь!

В тот же день Дина убежала из детского дома, и не куда-нибудь, а на фронт, чтобы отомстить Гитлеру и доказать своим обидчикам... Попала она, разумеется, не на фронт, а в детский приемник. Боясь, что ее вернут в прежний детдом, она назвалась не своим именем. Из нескольких домов, куда ее направляли, она упорно пыталась убежать и всякий раз называла себя по-другому. И все из-за того, что не могла снести тех унизительных слов. Из-за них, в сущности, вся жизнь ее сломалась.

Став взрослой, Дина захотела найти родных, узнать, где она родилась, и, по ее словам, она стала «искать сама себя». Разыскала свой первый детский дом. Но архивы не сохранились.

Случай, на первый взгляд, маловероятный, тем не менее он произошел. Такова незащищенность души ребенка.

«ПАПКА СОМНЕНИЙ»

Самое трудное для меня в работе с письмами — сомнения. Прочтешь иное письмо и сомневаешься — считать его безнадежным или все-таки поставить на очередь в передачу? Может быть, это нерешительность с моей стороны? Нет, не думаю. На многих письмах я твердой рукой пишу: «Данных нет». Вот одно из таких писем:

«...Помогите мне найти моих родителей... Я помню, как очутился в детском доме Пскова, как началась воздушная тревога, и рядом с детским домом взорвалось какое-то здание, и нас увели в бомбоубежище. Дальше я запомнил, как нас, ребятишек, грузили в товарные вагоны и куда-то хотели эвакуировать, и была опять воздушная тревога, половину состава разбомбило, а наша часть вагонов осталась целой. После нас привезли в поселок Долматово, где я воспитывался и учился. Здесь же мне дали фамилию Иванов Леонид Александрович. Я вас очень прошу установить фамилию мою и родителей через детский дом г. Пскова. Ведь если я был в детдоме города Пскова, то там должна быть моя фамилия подлинная, а если измененная, то на основе чего они ее изменили?..»

Воспоминания в письме есть: о воздушной тревоге, об эвакуации детского дома. Но разве родители могут узнать своего ребенка по тем событиям, которые произошли с ним уже после того, как он с родными расстался? Нет, не могут. А нужных воспоминаний — о жизни в семье до детского дома — в памяти Леонида Иванова не сохранилось. Он просит установить его фа-

милию через детский дом Пскова. Можно было бы обратиться к бывшим воспитателям детского дома, так я иногда делаю. Но по каким признакам они могут узнать, о каком именно мальчике идет речь? Если даже сохранились списки воспитанников, то опять-таки невозможно определить, какая фамилия в списке принадлежала раньше Леониду Иванову. Вот я и решаю, как ни печально, сделать пометку на конверте: «Нет воспоминаний до детского дома, нет данных».

Никаких данных не нашла я и в письме Ахмеда Курбатова. Он попал в Дом малюток города Коканд, куда обычно попадали в грудном или самом малом возрасте. Он рассказывает, что однажды, когда он был уже подростком и шел с ребятами по улице, его остановила пожилая, сухощавая женщина, назвала его незнакомым ему именем, погладила по голове, спросила, как он живет в детском доме, как учится. Он придает большое значение их встрече, думает, что ей известно, откуда он попал в Дом малюток. Но даже если она знала его совсем маленьким, как же она могла узнать ребенка через столько лет? Очевидно, она приняла его за кого-то другого или просто приласкала встретившегося мальчика из детского дома. И тут — что поделаешь — нет данных для поиска...

Но иной раз не хватает решимости написать столь определенно: «Данных нет». Тогда появляется другая пометка на конверте: «Совсем мало воспоминаний», и письмо ложится в толстую синюю папку. Я называю ее «чистилище», потому что рано или поздно все письма уходят оттуда либо в передачу, либо в архив. Это самая мучительная для меня папка. Мучительная потому, что совсем не легко взять на себя ответственность

за судьбу письма. Ведь бывает так: логически как будто и нет в нем доводов в пользу розыска, но капля сомнения в душе остается. Как же тогда отнести письмо к безнадежным? Вот и читаешь его, и перечитываешь, возвращаешься к нему вновь и вновь.

Так, я не раз возвращалась к письму Зои Петровой.

«...Если вы мне не поможете, обращаться мне больше некуда... Мама, которая меня воспитывала, взяла меня из Омского распределителя в 1942 году. Ей дали справку, что я — Петрова Зоя, год рождения 1940-й. В эшелон эвакуированных меня отдали партизаны, они нашли меня в лесу Курской области, я была завернута в одеяло. Я не знаю, откуда взялись имя и фамилия, может быть, это мои настоящие, а может быть, нет. Мама рассказывает, что, в отличие от всех детей, я была полненькая, только большой живот. Волосы светлые, глаза голубые, на левом виске большая черная родинка. Мама говорит: «Я тебя взяла в нашу семью потому, что все мои трое детей считались некрасивыми, я хотела, чтобы ты не отличалась от нас, а потом ты взяла да и стала красивой». Но это ее слова, красоты за мной не водится. Когда мама меня взяла, я почти не разговаривала. Что она помнит из моей речи, это «хотца пит». Это я так просила пить (какой-то акцент, не то вятский, не то белорусский)... Милиция не может искать, говорят, нужна точная фамилия... Очень вас прошу, помогите мне найти моих родителей, я все постараюсь сделать, что вы скажете, если нужно, я сама приеду...»

Первое движение — отложить письмо в сторону: поиски безнадежны. Где-то в лесу нашли ребенка не-

известные партизаны, спасая ему жизнь, отдали в проходящий эшелон эвакуированных. Потом ребенок попал в детский распределитель. Судя по всему, имя и фамилия там и даны, как бывало в те годы. Откуда партизанам было знать фамилию найденного ребенка? Но тут-то и начинает закрадываться сомнение. А вдруг... Вдруг была приколота к одеялу записка с именем и фамилией? Так тоже нередко бывало. Да, но если бы была записка, о ней знали бы в детском приемнике. Но обстановка была такова, что записка могла затеряться. А если фамилия все-таки настоящая, то Курская область, родинка на виске и «хотца пит» для родителей могут стать уже суммой фактов. И вот пометка «Совсем мало воспоминаний» зачеркивается, письмо перекочевывает в передачу.

Долго я думала, как поступить с письмом Николая Белоконь. Искал он сестру, имени которой не помнил,— не то зовут ее Надей, не то Таней,— почти ничего не знал и о себе, но навсегда осталась в его памяти страшная сцена:

«Однажды мать взяла меня с собой, я сидел на ее руках и глядел по всем сторонам. Мать вошла в какой-то магазин. По-моему, только в магазине могут быть деревянные прилавки, за которыми стояли один-два человека. И вдруг мать обернулась. В широко открытую дверь вошли два немца, на них были железные каски, из-за плеч торчали винтовки. Я не знаю, что они требовали, но мать испугалась, сильно прижала меня к груди. Что произошло дальше, толком не могу описать. Этот случай всю жизнь преследует меня. Немцы

начали громко смеяться, а потом в настежь распахнутую дверь магазина на большом сильном коне въехал фашист в такой же форме, как и те, кто раньше вошли. Мать закричала, вместе со мной вскочила на деревянный прилавок, обеими руками подняла меня к потолку. И последнее, что я помню,— громадные черные глаза лошади, широкие ноздри, оскал желто-белых зубов лошадиной морды и громкий стук тяжелых подков о деревянный прилавок. Дальше все кануло во мрак».

Не мудрено, что ребенка, пережившего такие минуты, потом всю жизнь преследуют хохочущие гитлеровцы, готовые растоптать его вместе с матерью.

Дальше идут воспоминания о жизни в концлагере: «Колючая проволока в несколько рядов, между рядами проволоки трава, цветы... Ярко светит солнце... Я и еще несколько детей там, за проволокой...»

Когда наши освободили детей, мальчик попал в Никополь, в детский дом. Ему помнится, что он там был, кажется, вместе с сестрой. Как они расстались, он не знает.

Стала я взвешивать все «за» и «против»: имя сестры неизвестно, да и в том, что Николай был с ней вместе в детском доме, он тоже далеко не уверен. Трудно ожидать, что сестра может отозваться. Но почему же Николай ищет только сестру? Очевидно, он считает, что его мать погибла в концлагере. Вот тут и начинаются мои сомнения: а вдруг мать все-таки уцелела? Если так, тогда она не могла его не искать. Но не

могла и найти его, ведь фамилия Белоконь вымышленная (я допускаю, что она была дана мальчику потому, что он твердил о каком-то коне). Бесспорно одно: если мать жива, то по описанию сцены с гитлеровцами она тотчас узнает сына. Эта мысль сразу перевесила чашу весов, и письмо Николая Белоконь перешло из «папки сомнений» на очередь в передачу.

Червь сомнения заставил меня читать и перечитывать и такое письмо:

«...Я, Тургатикова Светлана Степановна, родилась в 1936 году. Документы у меня восстановлены. Помню такой случай: это было в деревне Ново-Шмаково, мы пошли всей группой летом купаться с воспитательницей. На другой стороне реки стоял какой-то мужчина, воспитательница подняла меня под мышки и показала ему, он ей что-то кричал и махал руками. Я у нее спросила, кто он такой и зачем именно меня она показала ему, она улыбнулась и сказала: «Так просто». С тех пор меня все время тянуло на то место, где она меня поднимала; нас положат после обеда спать, а я в окно выскочу и бегу к реке, сяду и все время смотрю и плачу. Помню смутно, кто-то мне писал письма, какой-то мужчина или парень, мне читала их та воспитательница, которая показывала меня мужчине... В детстве я часто думала о родителях и часто во сне их видела, и даже сейчас нет-нет да и увижу... Теперь я ни одну передачу не пропускаю, все слушаю, не назовете ли мою фамилию...»

Здесь опять воспоминаний до детского дома, то есть о жизни с родными, никаких нет. Врезавшаяся в па-

мять девочки картина у реки едва ли куда-нибудь поведет. Верней всего, что тот мужчина, махавший рукой, никакого отношения к девочке не имел, просто увидал знакомую воспитательницу... А вдруг он был отцом девочки или старшим братом? Представим себе на мгновенье — отец приехал с фронта на один день, хотел видеть дочку, но боялся сильно растревожить ее и договорился с воспитательницей, что посмотрит на девочку издали, во время купания детей. Нет, сомнительная догадка, не стал бы отец, приехавший с фронта, смотреть на дочку издали. Но ведь какой-то мужчина еще и писал письма девочке, и читала их та же самая воспитательница. Если мужчина на берегу и тот, кто писал письма,— одно и то же лицо и если он сам услышит по радио мой рассказ, тогда все объяснится. Но столько «если», столько шатких предположений...

Пометка на конверте долго не меняется. Но в конце концов мои догадки уступают место здравому смыслу, и я все-таки решаюсь отказаться от поиска.

Конечно, идеально было бы читать по радио все письма, но это немыслимо,— тогда бы радиовещание превратилось в центральную розыскную организацию. Волей-неволей отбор необходим, как он подчас ни труден.

Многие пишут: «Понимаю, что надежды мало, но все-таки она теплится».

«Мои детские воспоминания — самая последняя искра надежды».

Последняя искра... Каково погасить ее? Ведь у Данте «Оставь надежду всяк сюда входящий» написано над вратами ада.

МОИ ДОБРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Сколько здесь людей живет вокруг,
Вот она, поэзия, мой друг.

Незвал

Есть такое выражение «круг знакомых». За последние три с половиной года круг моих знакомых расширился необычайно. Хотя многих из них я никогда не видела и не увижу, я с первой заочной встречи узнала о них больше, чем о некоторых людях, с которыми вижусь часто. И как не узнать, если в своих письмах-исповедях они рассказывают о себе так доверительно и подробно. Поистине они становятся моими добрыми знакомыми, потому что в своей откровенности они, незаметно для себя, раскрываются с самых добрых сторон.

В одной из передач я привела слова молодых супругов:

«Мы с мужем оба детдомовцы, никаких родственников ни у него, ни у меня. А будь родные, мы бы к ним в отпуск поехали, по хозяйству помогли».

Никак я не могла подумать, что эти несколько слов вызовут такую пылкую реакцию,— пошли письма из самых разных мест: из Москвы, Ставропольского края, Оренбурга, Витебска.

«...Молодые муж и жена, воспитанники детдома, оба не имеют родителей, а может быть и никаких родственников, и им некуда поехать в отпуск. Я прошу, передайте им, пусть приезжают к нам в Алма-Ату, мы живем двое с мужем, уже на пенсии, у нас много ягод, так что хорошо отдохнут, познакомятся с городом.

Город у нас очень хороший, веселый, весь утопает в зелени...

Полоховы Мария Ивановна и
Павел Игнатьевич».

Так говорится в одном письме. А в другом:

«...Вы передавали желание одной молодой четы иметь «родных». Прошу вас дать им мой адрес. Я — пенсионерка. Получаю девяносто три рубля. У меня однокомнатная отдельная квартира. Мне от них ничего, кроме дружеского отношения, не нужно...

Москва.
А. Окунева»

Две сестры зовут к себе:

«Мы не имеем ни детей, ни внуков. Недавно сестра потеряла мужа и безутешна. Зима. Мы одни со своим горем. В квартире пусто. Пожалуйста, мое письмо пошлите «воображаемым» внукам. Может быть, образуется знакомство будущее и хорошее.

П. Ш.
Москва»

«Вы рассказали в очередной передаче про супругов, что они оба воспитанники детдома, нет родных и близких. С большим удовольствием приглашаю их, приму как родных. Я из Башкирии, колхозница, живем очень хорошо. Работаю в колхозе агрономом.

Ш. Довлетина.
Н.-Богтачевка»

«...Я прослушала, не успела записать о муже с женой, оба детдомовские воспитанники, с 1941 года, в общем с войны Отечественной. Мне бы очень хотелось написать им письмо мое, ласковое, теплое, как сумею, материнское... мне бы хотелось им написать поздравление со скорым наступающим 1968 годом и пожелать им всего наилучшего и найти в 1968 году своих матерей или родных.

Станкевич.
Оренбург»

Много пришло приглашений от чужих людей, пожелавших заменить молодой чете их родных. Все подчеркивают, что они обеспечены, «на своих ногах», им ничего не нужно. Это ли не черты новых нравственных отношений между людьми? Любопытно, что на сей раз носителями нового оказались главным образом пенсионеры.

Обрадовавшись такому «массовому» радушию, я чуть было не совершила ошибки: хотела объявить по радио адрес молодоженов, которых нарасхват звали в гости. Но вовремя вспомнила, что получилось однажды из-за моей неосмотрительности.

Была я ранней весной в Болгарии. Полюбила ее с первого взгляда. Особенно горы, то и дело меняющие очертания. То они тянутся низкой, длинной цепью, то впереди покажется одинокая конусообразная вершина, окруженная снегом, словно громадным сверкающим ожерельем, или вдруг возникает какое-то сложнейшее нагромождение многоэтажных глыб.

— Ого, оказывается, у вас еще существует формализм! — шутливо восклицаю я.

Моя спутница, поэтесса Лиляна Стефанова, улыбаясь, соглашается:

— Да, здесь он еще не изжит!

Характер народа я всегда лучше понимаю через детей. И потому, куда бы я ни приехала, с интересом жду встреч с ними.

Пожалуй, в Болгарии прежде всего бросается в глаза приветливость ребят. Крестьянский мальчишка обязательно махнет вам рукой с пригорка, девочка, застенчиво улыбнувшись, помашет букетом. Радушные, гостеприимные болгарские дети в то же время показались мне несколько замкнутыми, они не сразу вступают в разговор, не так легко рассказывают о себе. Поэтому я была особенно рада знакомству с двенадцатилетней Петриной Нинчевой, удивительно непосредственной и общительной.

Я обратила внимание, что в ее комнате на самом почетном месте почему-то стоит большая коробка от печенья. Петрина так бережно ее открывала, что было понятно: тут лежат какие-то дорогие ее сердцу сокровища. Может быть, коллекция бабочек или раковин? Нет, в коробке хранилась «международная» переписка Петрины: письмо чешской пионерки, письмо мальчика из Николаева, послание польской девочки. Все у нее было продумано, и она подробно изложила мне свою стройную теорию:

— Если все люди всего мира с детства будут дружить и переписываться, то, став взрослыми, они все вместе ни за что не допустят никаких несчастий на земле, никакой войны.

Петрина попросила меня прислать ей адрес одной

из московских школьниц. Я пообещала для укрепления ее дружеских связей прислать ей не один, а несколько адресов.

Возвратившись в Москву и выступая по телевидению с впечатлениями о Болгарии, я вспомнила просьбу Петрины и решила: чем посылать ей адреса юных москвичек, проще сказать ее адрес московским детям. Так я и сделала, рассказала о желании Петрины дружить и переписываться с детьми разных стран. Рассказала, «не предвидя от сего никаких последствий». Ну, думала, напишут ей дети пятьдесят, даже сто писем, и она будет счастлива.

Через несколько дней в моем доме раздался телефонный звонок из Болгарии. Отец Петрины взволнованно спрашивал в трубку: «Что делать? Три тысячи... три тысячи...»

Наши дети, жаждущие дружить с детьми всех народов, написали Петрине в течение нескольких дней три тысячи писем! Полетели в болгарский городок Бяла-Слатина три тысячи посланий, листочков, полных дружеских чувств и хороших мыслей. К концу недели писем пришло около семи тысяч, и любопытно, что писали не только школьники всех возрастов, но и многие взрослые. Сначала обрадованная Петрина принялась старательно отвечать на первые двадцать четыре письма. Но на следующее утро она получила сразу еще семьсот пятьдесят. Петрина мужественно продолжала отвечать на них, но тут встревожились родители — девочка заявила, что в школу она теперь ходить не будет, ей некогда.

Почтовое отделение в Бяла-Слатина небольшое, оттуда позвонили к Петрине:

— Забери, пожалуйста, свои письма, из-за них почта не может нормально работать...

Но и тут Петрина не растерялась. Она побежала к своей пионервожатой. Спешно был назначен сбор отряда. Пионеры устроили субботник. Мешки с письмами перетащили в школу, решили раздать всем ребятам города адреса московских детей, чтобы помочь Петрине ответить москвичам. Но городок маленький, и пионеры послали адреса в другие города, всем желающим переписываться с москвичами.

Позднее я пригласила Петрину ко мне в гости в Москву, и вместе с ней мы выступили по телевидению, рассказали историю с письмами.

Этот предметный урок, полученный мной, я запомнила навсегда.

Вот почему, переслав молодоженам приглашения, я не стала, несмотря на просьбы радиослушателей, объявлять по радио адрес молодых супругов. Побоялась — вдруг они получат столько приглашений, что, пожалуй, будут вынуждены истратить на ответы гостеприимным пенсионерам весь свой отпуск

ВОСЬМАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма

Лидии Степановны Артамоновой

«...Все ночи волнуюсь и не сплю, все из-за того, что я потеряла в войну сына Владимира, год рождения 1938-й. На третий день войны я приехала в Минск с тремя детьми. Мы разместились во дворе эвакопункта, неподалеку от оперного театра. Нам нашелся попутчик, сын военнослужащего с Западной Украины.

Ехал он в Брянск, решил помочь мне и ехать со мной до Брянска. При посадке на грузовую машину мы с ним разъединились. Получилось так, что он уехал с моим мальчиком, а я осталась. Мальчик мой, хотя ему было три с половиной года, знал, что его фамилия Рыжих, имя Вова, отчество Никитыч. Мальчик очень приметный: каштановые волосы, круглое красивое лицо, одет был в серое шерстяное пальто летнее, белая шапочка-панамка, белый костюмчик в синюю полоску. На лопатке у Володи маленькая черная родинка, на животе коричневое родимое пятно. Я верю, что он жив... Помогите моему горю, радио может здесь сыграть немалую роль...»

Письмо матери полно боли. Всю жизнь у нее перед глазами ее круглолицый, «очень приметный» мальчик. Она помнит не только его красивое лицо, но и каждую родинку на теле. И то, как он был одет в тот день, в третий день войны, когда все сдвинулось со своих мест и пошло кру́гом.

И вот через двадцать семь лет в городе Невинномысске, сидя у приемника, слушает передачу Анатолий Владимирович Беляев и пишет мне о том, что история Рыжих его заинтересовала, сообщает, что у него есть на лопатке черная родинка и коричневое пятно на животе.

Судя по его письму, я подумала, что детская память снова повела нас по верному следу, но, к удивлению моему, из второго письма Беляева я узнала: вся надежда его на то, что он нашел мать, держится только на двух родинках. Воспоминания в этот раз были

ни при чем, ни фамилия Рыжих, ни рассказ Артамоновой о том, как ее сына увезли от нее, ничего не пробудили в его сознании. Совпадали одни родинки. Я все-таки послала телеграмму Артамоновой, потому что была уверена — мать, которая все годы помнит приметы своего сына, не ошибется в них.

Получив телеграмму с адресом предполагаемого сына, Лидия Степановна поехала в Невинномысск. Встретившись с Анатолием, она убедилась — родимые пятна на своих местах. Но они причинили ей массу хлопот. И вот почему. Мать отлично помнила, что у ее маленького сына пятно на животе было другой формы. Тут Лидия Степановна, по ее выражению, превратилась в следователя, стала распутывать загадку родимого пятна. Для этого она отправилась еще в одно, далекое, путешествие — из Невинномысска в Ашхабад, к Беляевой, в свое время усыновившей мальчика. Но встреча с Беляевой ничего не прояснила, а, наоборот, принесла новое осложнение. Бывшая приемная мать, от которой в одиннадцать лет ему пришлось уйти, почему-то утверждала, что она взяла его, когда ему было девять дней. А если так, то Анатолий не мог быть сыном Артамоновой, потому что потерялся он трехлетним. Но матери, уже почти нашедшие своих детей, не отказываются от них так легко. Напротив, по моим наблюдениям, мать иногда может слишком поспешно уверовать, что нашла сына или дочь, и расстаться с этой уверенностью способны заставить ее только самые неопровержимые факты.

После долгих и настойчивых выяснений Лидия Степановна в конце концов допыталась, что Толя был усыновлен, когда ему было около четырех лет, а родимое

пятно изменило свою форму после небольшой операции.

Из второго письма Л. С. Артамоновой

«...Вот тут все мне и моему сыну стало ясно, и мой сын бросился ко мне, разрыдавшись. Теперь он едет ко мне совсем... Прошу вас и всех работников передачи в гости к нам на торжество в село Гламаздино...»

Из письма Анатолия Владимировича Беляева

«Мне даже не верится, что по двум родинкам я нашел родителей, это для меня превеликое счастье. Жив и мой отец, и его я тоже увижу, есть у меня брат и сестра... Последнее мое желание, о котором пишу с большим удовольствием,— снимите меня с очереди на передачу. Я не Беляев, я не Погожин, я Рыжих Владимир Никитович».

«Последнее желание» Беляева требует дополнительного объяснения. Дело в том, что он тоже писал в «Маяк» и тоже искал родных, но по фамилии Погожины. Видимо, такую фамилию ему дали в детском доме в Ашхабаде, когда его привезли туда из Минска. Письмо его ждало своей очереди, не могла же я предположить, что два письма, полученные в разное время и подписанные разными именами, принадлежат матери и сыну, которые разыскивают друг друга.

Из дневника поисков.

Видела кинокадры: вьетнамские дети, маленькие, ночью учатся при свечах. Те, что постарше, повторяют за учительницей цифры, а те, что поменьше, спят здесь же, за столом, положив головы на руки.

Сколько опять останется разрушенных семей... Вьетнамские матери так же, как и наши, будут разыскивать своих дочерей и сыновей. А дети будут допытываться: кто мои родители, чей я?

Недавно узнала, что в Международный день защиты ребенка, именно в этот день, американцы сбрасывали бомбы на школы и детские сады Южного Вьетнама.

Давно ли мы говорили с Николаем Николаевичем Месяцевым — председателем Комитета по радиовещанию и телевидению — о том, что хорошо бы выпускать радиобюллетень как приложение к моей передаче. И сегодня уже прозвучал бюллетень розыска. Он дает возможность дополнительно называть имена людей, разыскивающих друг друга. Хотя бюллетень, по существу, только перечень фамилий, но и они волнуют. Может быть, еще и потому, что читает их Левитан, чей голос памятен всем пережившим войну.

Огорченное письмо от колхозниц из Детчино. Пишут: «Так хотели послушать твою передачу, что даже

скот накормили пораньше. А передачи в эфире не было, передавали Калугу. Уж мы ждали, ждали...»

Дома надо мной теперь смеются, что из-за меня нарушается режим кормления скота.

Поразительна судьба Фаины Косовой. В девятнадцать лет она ушла на фронт вместе с отцом. Была начальником аптеки. Прошла до западной границы, принимала участие в освобождении Польши, Румынии, Венгрии. В самом конце войны была тяжело ранена и потеряла зрение. Ослепла. Когда вышла из госпиталя, узнала, что отец героически погиб, а мать и сестру-комсомолку расстреляли вместе с героями Краснодона. Тела матери и сестры со следами пыток были найдены в могиле вместе с телом Любы Шевцовой.

Ни страшные эти вести, ни слепота не сломили мужества Фаины. Она нашла свою младшую сестру, искать ей помогали шефствующие над ней школьники и работники милиции. Сейчас Фаина уже немало сделала для того, чтобы найти братьев... Верит, что найдет.

О своей трагедии пишет скупо, деловито. Это характерно для многих и многих. Сообщая, как было дело, они и не подозревают, что в их письмах не только данные для поисков, но и свидетельство мужества каждого из них.

Никогда я не отличалась восторженностью, но тут ловлю себя на восхищении скрытыми подвигами, незаметным житейским героизмом.

Поначалу все было хорошо: нашлась дочь Екатерины Петровны Т. Мать писала о своей большой радо-

сти. Но во вчерашнем ее письме появилась какая-то неудовлетворенность, меня насторожили некоторые интонации. Вечером позвонила ей по телефону в Харьков и поняла, что, к сожалению, не ошиблась...

— Мы с дочерью хотели бы жить вместе, но она боится, что мы с ней по-разному смотрим на многое, ведь она росла не возле меня,— сказала Екатерина Петровна.

Я подумала, что взрослые дети часто смотрят на жизнь не так, как родители, хотя и выросли в родной семье.

— Конечно, у нее сложившийся характер, вы же нашли взрослую дочь,— сказала я.

— Нет, вы не думайте, я все равно счастлива уже одним тем, что она жива, это главное, я же считала ее погибшей.

Ответ матери снова убеждает меня в том, что даже если после встречи возникает житейский конфликт (пока второй случай из ста пятидесяти), он несравним с горем разлуки.

Читая иное письмо, где раскрывается душа человека, хочу представить себе, как он выглядит. Хочу узнать, какие у него глаза, улыбка, волосы, чтобы он стал ближе, зримее.

Из письма Варвары Максимовны Кораблевой возник духовный портрет женщины правдивой, смелой. Я дала волю своему воображению и стала рисовать себе ее внешний облик. Она мне представилась полной, широкоплечей, с открытым лицом, ясными карими глазами, размашистыми движениями. Само ее имя — Вар-

вара Максимовна — вызывало представление о чем-то крупном, округлом. И как же я удивилась, когда она вошла ко мне в комнату точь-в-точь такая: полная, широкоплечая, с большим открытым лицом. Если глаза — зеркало души, то и по «душе» можно многое угадать, подумала я.

— Именно такой я вас себе представляла, Варвара Максимовна! — сказала я радостно.

— Ой, что вы! А я ее тетя,— ответила женщина.

О ВЕРЕ И НАДЕЖДЕ

«Верю, что мой сын жив и здоров, до конца своих дней все буду надеяться увидеть его.

Балабина П. А.
Рига»

«Найти дочь еще не удалось... Но по радио скажите, что мать ее всегда ждет.

Медведева Б. А.
Батуми»

«Верится, что где-то есть мама, сестра, которые так же, как и я, ждут и верят, что дождутся.

Е. П. Колесник.
Новая Каховка»

«Я уже потеряла надежду найти сестру, но теперь стала снова разыскивать.

Пономарева Л. М.
Оренбург»

«Двадцать лет я живу только надеждой, что смогу разыскать свою дочь.

Л. Е. Ланцман.
Геническ»

«У меня все время надежда, что я найду маму. В детском доме я все думала, что сейчас войдет женщина и спросит: нет ли здесь девочки Люборосовой Тамары?

Т. Люборосова.
Калинин»

«Не верю, что проклятые фашисты уничтожили всех моих родных.

Смуревич Циля.
Тамбов»

«Верю, что мама жива, что она искала меня, но все запуталось.

Крючкова Мария.
Ленинград»

«Хоть война и лишила нас родных... Но мы все равно ищем, надеемся на встречу... Извините, ведь такой уж народ мы беспокойный.

Т. Т. Тютюнина.
Харьков»

Долго я старалась понять: чем жива такая надежда? Ведь в тех же самых письмах говорится о тщетных, напрасных поисках. Годами люди получают ответы: «Не значится», «Проживающим не установлен» — и все равно продолжают искать. Не теряют надежду. Почему? Ответ я нашла опять-таки в письмах.

«...Я уверена, что мой сын жив, его не бросили на произвол судьбы, его воспитали в детском доме или усыновила советская семья»,— пишет Палеус Л. М. из Борисова.

Алексей Соболев из хутора Мокрый Лог написал мне, что вместе с матерью и сестрой находился в фашистском лагере Белое Болото. Ему было одиннадцать лет, сестренке — пять. Мать была убита. При наступлении Советской армии фашисты погнали пленников по дорогам. И здесь девочка потерялась. Брат искал ее. «Не может быть, чтоб Маруся пропала. Непременно кто-нибудь из советских людей спас ее»,— утверждал он.

Так и оказалось. Среди пленных была учительница Наталья Жукова. После освобождения она воспитала девочку.

Вера в людей — вот где корни незатухающей надежды.

Вспоминаю разговор в Хельсинки с одной финкой, сельской учительницей.

— Советские люди мне симпатичны, но только жалко, что вы неверующие,— сказала она.

— Мы неверующие... Но мы во многое верим. Мы — верящие люди,— засмеялась я.

Переводчик-финн тоже засмеялся и пожал плечами:

— Извините, не берусь перевести.

6*

ИЗ ФИНСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Утром ходила смотреть, как кормят уток на берегу залива. Обычно утки улетают на зиму, а в нынешнем году остались в Хельсинки. Старожилы предсказывали — зима будет теплой! Но утиные прогнозы не оправдались — холод собачий! Колючий ветер чуть не сорвал с меня мою московскую шубу. А финские юноши и сегодня в одних свитерах. Правда, я этому больше не удивляюсь. Пришел ко мне на днях в гостиницу финский студент, изучающий русский язык, тоже в свитере, без пальто. Студент показался мне довольно плотным, даже толстым, а потом стал худеть у меня на глазах: в комнате было очень тепло, и он, извинившись, снял свитер. Сначала один, потом другой, потом третий и остался в четвертом, неизвестно, в последнем ли. Финская молодежь предпочитает пять свитеров одной шубе.

На берегу было до того ветрено, что я быстро возвратилась в гостиницу. Там ждали меня две молодые, скромно одетые женщины. Одна из них пыталась говорить по-русски, но ей это так плохо удавалось, что я с трудом поняла цель их прихода. В конце концов разобралась: они подруги, их привели ко мне мои поиски, о которых сообщало финское телевидение. Та, что постарше, жена человека, чья биография связана с нашей страной: его мать была русской. Перед самой войной она с двухлетним сынишкой приехала в Финляндию и здесь вскоре умерла. Маленький Николас воспитывался в приюте. Сейчас ему тридцать лет. По

словам жены, он часто говорит о своей Родине и все думает, не остались ли у него в СССР брат или сестра.

— Она и муж... хорошая чета, и ей надо сделать для него хорошо,— подбирая слова, объяснила мне добровольная переводчица.

Подругам важно было узнать — можно ли найти родных в другой стране?

Я объяснила, что, конечно, можно, через Красный Крест, что общества Красного Креста существуют в разных странах и связаны между собой. Мне пригодилась для примера давно мне известная история Зины Высокиной и Гаейтано Сардоне. В военный год из Орловской области среди других девушек была угнана в Германию Мария Высокина. Там, в плену, она познакомилась с итальянским военнопленным Гаейтано Сардоне. Они полюбили друг друга. Но после войны были репатриированы каждый в свою страну. Уже на родине у Марии родилась дочь Зина. Итальянец часто писал Марии, хотел приехать, но случилось так, что она тяжело заболела и умерла. Когда Зине исполнилось пятнадцать лет, она начала искать отца. Исполком Красного Креста обратился в итальянский Красный Крест. Отец Зины, Гаейтано Сардоне, был найден где-то в городе Леччо.

— Николасу тоже надо было бы действовать через Финляндский и Советский Красный Крест,— старалась я как можно понятнее объяснить подругам.— Но для поиска нужны хоть какие-то данные, а Николас ничего не знает о своих родных, кроме того, что мать его была русской. Девичья фамилия матери ему неизвестна. Искать его родных по советскому радио было бы тоже

бесполезно,— ведь и воспоминаний у него никаких нет.

Так и не удалось мне ничем помочь Николасу, который тянется к Родине, хотя помнить ее не может. Думаю, что его стремление найти брата или сестру в СССР вызвано желанием почувствовать живую связь со страной, где он родился. Не смогла я помочь и жене Николаса, которой «надо сделать для него хорошо».

Из дневника поисков.

Удивительное дело! В начале поиска все пишут:

«Верю, что мама жива!», «Верю, что увижу братьев», «Верю, что родные найдутся».

А когда родные найдены, те же люди пишут:

«Не верю, что нашлась моя мама», «Не могу поверить, что после стольких лет разлуки я встретился с братьями», «Не верю, что мои родные нашлись».

В моей комнате целая картинная галерея. И все одни собаки.

Дети рисуют овчарок, лаек, пойнтеров и присылают их мне как бы в помощь с такими подписями:

«Пускай эта собака вам поможет побольше людей найти».

«Возьмите эту овчарку с собой в разведку».

«Моя собачка маленькая, но умная, она вам поможет».

Обратилась я по радио к сестрам-двойняшкам:

— Галина и Валентина Полторадня, если вы нас слышите, отзовитесь. У вас есть мать. Она вас ищет!

Они не услышали. Но услыхала подруга Валентины — Евгения Горба. Она так и написала: «Валя не слышит, что ее ищет мать, а я слышу. Какое счастье! Какая радость! Они живы и здоровы, ее дочери!»

Так, благодаря Валиной подруге, еще одно свидание состоялось, еще одна мать дождалась встречи с дочерью.

И с утра и в конце дня мы с Иваном Игнатьевичем Орловским, редактором отдела писем, подолгу разговариваем по телефону. Сообщаем друг другу наши новости. Если он говорит несколько торжественно: «Ну, здравствуйте...» — и выдерживает паузу, значит, у нас праздник — кто-то нашелся. А если сразу после «Здрасте» следует: «Пришлите, пожалуйста, за письмами»,— значит, у нас будни.

Бывает, что мельком сказанная фраза задержит на себе внимание и никак не выходит из головы. В одном из писем меня остановили такие слова: «Когда мне было шесть лет, меня взяла к себе хорошая женщина, прожила я у нее год, а потом она опять сдала меня в детский дом».

Хорошая женщина?! За год ребенок, наверно, привык к ней, привязался, называл ее мамой... Правда, была война, кто знает, какие внезапные события могли заставить женщину так поступить... Но если не война была причиной, то такому поступку нет названия — взять ребенка, а потом его вернуть за ненадобностью. Вернуть, как вещь, взятую напрокат?..

«ВСЕ ПРОИЗОШЛО ПО МОЕЙ ВИНЕ»

Володя Ефимов[1] в годы войны попал в детский дом. Но не война была виновата в этом.

Жил Володя с родными где-то в деревне, где именно, не знает. Помнит, что в детстве был озорным и ему часто попадало, особенно от отца.

Однажды Володю оставили с младшей сестрой, и он устроил в доме пожар. Как это произошло, из его письма не видно. То ли он носился по комнате с горящим листом бумаги, то ли пытался изобразить салют, как все мальчишки в конце войны, но пожар, видимо, был сильным, потому что у младшей сестры остались на лице следы ожогов.

После пожара Володина жизнь в семье стала трудной, все сердились на него, от отца доставалось по каждому поводу.

Вспоминает себя Володя и в каком-то городе, он — первоклассник, едет из школы домой на подножке трамвая. Кто-то из взрослых узнал его, пригрозил:

— Опять на подножке пристроился? Вот скажу отцу!..

Володя испугался — недавно за это отец сильно стукнул его. Мальчик решил домой не возвращаться, отправился на вокзал, сел в поезд и вылез на конечной остановке. Это была Москва. Дальше все пошло как по-писаному: мальчишка в растерянности стоит на платформе, к нему подходит милиционер, ведет его в дет-

[1] Фамилия изменена.

скую комнату, расспрашивает — как зовут, как фамилия?

Проще всего было сказать: зовут Вовкой, фамилия Ефимов. Но он побоялся, что отправят домой и тогда от отца попадет вдвойне — и за подножку и за побег.

— Меня зовут Юркой, фамилия Смирнов,— сказал Володя.

Так Смирнов Юрий попал в московский детский приемник. Здесь пытались отыскать его родителей — семью Смирновых. Кто-то даже поехал по адресу, который дал мальчик. Адрес был вымышленным. Через две недели в списках воспитанников детского дома в Свердловске прибавилась новая запись: «Смирнов Юрий, семи лет. Родители не найдены».

В тот детский дом, как и во все другие, приезжали

родители за своими детьми, и не раз приемные матери увозили с собой ребят.

Обычно все дети напряженно ждут «родительского дня».

«Помню, нам сказали, что приедут родители, и я привязала голубую тряпку вместо банта, чтобы понравиться им»,— написала мне одна бывшая воспитанница детского дома.

Что же должен был чувствовать Володя, когда у него на глазах дети бросались навстречу родным, приемные отцы и матери увозили с собой мальчиков и девочек?.. Наверное, он с ребячьей непоследовательностью боялся появления своих родных («все равно меня будут бить») и вместе с тем ждал их прихода. Но все-таки боязнь была сильней, раз он продолжал скрывать свое имя. Скрывал не год, не два, а целых семь лет. Назвал себя настоящим именем, только когда его из детского дома направили учиться в дорожно-механический техникум. Теперь он все чаще стал задумываться — как бы найти родителей? Окончив техникум, сразу же принялся разыскивать их. На беду, он забыл, как называется город, откуда он убежал. Дети часто не помнят названия местности, где они жили, но у многих из них в памяти отчетливо сохраняются приметы станции или вокзала, где они потерялись. Один из таких потерявшихся мальчиков —Толя Скуратов — тоже не знал названия той станции по Курской дороге, где он двадцать четыре года назад расстался с матерью. Но хотя ему и пяти лет не было, он запомнил длинное одноэтажное здание вокзала, подоконник возле двери, на котором он заснул в ожидании мамы, и будочку с газированной водой на при-

вокзальной площади, где он бродил за руку с милиционером, когда искал свою маму. Анатолий, уже взрослый, нарочно поехал туда, чтобы проверить: не ошибся ли он, здесь ли это произошло? Пришел на вокзал, отыскал то окно, где когда-то заснул, ту будочку на привокзальной площади... Все было таким же, и по-прежнему не было матери.

Володя Ефимов не обладал такой наблюдательностью. Пожар запечатлелся в его памяти навсегда, а вот приметы станции, с которой он уехал, от него ускользнули. Он только понимал, что жил где-то в Московской области. Но Московская область велика, и почти на каждой станции, в каждом городе живут люди по фамилии Ефимовы. Точных сведений не было, и потому родных Владимира Ефимова найти не удалось, официальный поиск пришлось прекратить. Вот когда он ощутил всю непоправимость своего детского поступка! Путь возвращения в семью был для него отрезан.

Прошло еще несколько лет, Владимир женился, у него появились дети, но желание найти родителей не остывало. Услышав радиопередачу, в которой велись поиски по детским воспоминаниям, он ухватился за новую возможность увидеть мать, сестру и написал в «Маяк».

«Все произошло чисто по моей вине»,— подчеркивал он. Действительно, он по собственной воле ушел из родного дома, но можно себе представить, как трудно было ему в семье, если он сам обрек себя на сиротство. Нет, все-таки не «чисто по его вине» таким драматическим было его детство. Рядом с той любовью к детям, которой переполнены тысячи и тысячи родительских писем, жестокость отца Володи особенно резанула ме-

ня. И несмотря на то что случай с Володей не по всем статьям подходит к нашим поискам, все же по его письму, некоторое время пролежавшему в «папке сомнений», я объявила розыск. Ведь сломалось его детство в годы войны. В то время было так много потерявшихся детей, что судьба его не была исключительной и особого внимания не привлекала — еще один мальчишка появился в детском доме. Те же обстоятельства военного времени помешали и матери Володи разыскать внезапно пропавшего сына. Помочь их встрече через двадцать два года могли одни только детские воспоминания Владимира. Для поиска по радио их было достаточно, и я почти не сомневалась в успехе. Так оно и вышло. Через три недели Владимир Ефимов прилетел из Молдавии и встретился с матерью и сестрой, которую он сразу узнал по следам ожогов на лице.

«Маму я не представлял, ведь прошло столько лет. И я сильно изменился. Маленьким был русый, полный, а сейчас потемнел и похудел...»

От матери Владимир впервые услышал, что воспитывал его не родной отец, а отчим, который «со всеми был очень груб». А родной его отец погиб в финскую войну, когда Володе было всего два года.

После отъезда Ефимовых Лидия Ивановна Стишова[1] подарила мне магнитофонную запись голосов Владимира и его матери. И у меня в комнате зазвучала их радость.

---

[1] Л. И. Стишова — бывший редактор передачи «Найти человека».

Из дневника поисков.

Дольше всех не расстаются с надеждой найти дочь или сына, конечно, матери. Отцы, может быть, как люди более рациональные, раньше смиряются с утратой. Но я заметила: если сын найден, то благодарственное письмо большей частью пишет отец, как глава семьи.

Чтобы не обидеть отцов, прибавлю, что они, как и матери, умеют находить самые душевные слова признательности:

«Низкий поклон всем, кто обогрел, вырастил и воспитал нашего сына.

Отец Буриков»

«Благодарю всех тех людей, которые в течение двадцати шести лет растили, воспитывали моего сына и помогли ему... С уважением большим к этим людям.

Отец Волков»

О неутешном отце рассказали мне в Лодейном Поле, на реке Свирь. Когда война подошла к самому городу и правый берег Свири был занят врагом, погибла Маша — девушка-минер. Похоронили ее в городе, на небольшом военном кладбище, единственную девушку среди погибших воинов. В течение многих лет на кладбище каждый день, в одно и то же время, приходили ее мать и отец.

Мать умерла. И теперь каждый день, в один и тот же час, приходит сюда Машин отец, уже глубокий старик. В городе все так и зовут его — «Машин отец».

Часто вспоминаю Маршака и его нетерпимость к умилению. Особенно когда читаю письма, в которых так щедро открывается доброта людей. Боюсь, как бы я, рассказывая о ней, не впала в умиление и не свела высокое чувство добра к примитивной добродетели.

Тут надо быть настороже.

ЖУРБИНЫ

Журбины... Нет, я имею в виду не роман Кочетова, а живых людей, с которыми меня свели поиски.

Валина мама умерла. Умерла бабушка. Отец сражался на фронте. Валя (ей было четыре года) ходила из хаты в хату в деревне под Воронежем. День у одних, день у других. Трагическое начало жизни.

После войны отец Вали возвратился в Воронеж. Дом его был разбит, родных никого. От людей он узнал, что его мать умерла, а Валю где-то видели. Стал искать дочку — и все напрасно.

По-разному люди переносят горе. Одни не могут покинуть те места, где все связано с дорогими для них людьми, а другие не в силах оставаться там, где их настигла беда. Николай Владимирович Журбин решил уехать:

«Мне было очень тяжело сознавать, что никого из моей семьи в живых не осталось. В городе мне все об этом напоминало, и я переехал жить на Урал».

Дочку он не забывал. Не давала ему забыть Валю и его новая жена, Анна Николаевна. Она знала Валю еще маленькой и несколько раз принималась разыскивать. Она и убедила Журбина написать в «Маяк», хотя отец уже перестал верить, что Валя найдется.

А Валя нашлась.

Нашлись даже три Вали. Первая Валя, из Алма-Атинской области, написала Журбину, ни минуты не сомневаясь, что он ее отец: «Я так долго искала вас, папочка». И подписалась: «Ваша дочь Валя».

Вторая Валя, из Новокуйбышевска, тоже надеясь,

что она дочь Николая Журбина, обстоятельно, подробно описала свои приметы.

Третья Валя передачи не слышала; о том, что Журбин ищет дочь, она узнала от колхозного шофера Голубченко.

«Еду я с грузом, включаю радио, слышу знакомую фамилию — Журбины! Думаю, не нашу ли Валю ищет отец? Хотел записать его имя, отчество — клочка бумаги нет. Взял накладную, на обороте записал: «Николай Владимирович». Приехал на ферму — и прямо к Вале...»

Третья Валя тотчас написала письмо Николаю Владимировичу. Но у нее терпения не хватало ждать ответа, и она заказала телефонный разговор.

«После разговора по телефону я уже не могла ни спать, ни есть, ни пить и поднялась всей семьей и поехала».

Валя не поехала, помчалась на крыльях. Села на самолет и полетела к отцу. Сама-пятая. С мужем Николаем, двумя дочками, Любой и Галей, и с Марьей Леонтьевной. Эта приемная мать Вали.

«У меня своих детей не было. Однажды привелось мне услышать, что в другой деревне осталась сиротка девочка. Я сказала мужу, что пойду и заберу ее и будем воспитывать. Так я и сделала. Я все для нее сшила, разыскала ее и спросила: «Валя, пойдешь ко мне жить?» — «Да»,— сказала она».

Так у Вали появилась мать. Марья Леонтьевна сберегла документы, чудом сохранившиеся у девочки в дни ее скитаний по чужим хатам, паспорт умершей бабушки и свидетельство о браке Николая Журбина с его первой женой. Новая мать Вали, видимо, не хотела ли-

шать девочку отца на тот случай, если бы он нашелся. Чаще бывает по-другому. Если женщина берет чужого ребенка, она хочет, чтобы он принадлежал ей безраздельно. И это можно понять.

Но Марья Леонтьевна думала не только о себе, когда сберегала Валины документы. Она привезла их с собой, и никто уже не мог усомниться, какая из трех Валь дочь Николая Журбина.

И вот передо мной фотография с надписью: «Такая у нас теперь семья Журбиных».

Семья большая — семь человек...

«Только жалко, что погостила у нас дочка недолго, всего неделю. Она доярка, обслуживает двадцать две коровы. Шесть дней ее заменяли подруги. Все взбудоражены, все радуются за нее, провожали ее всем селом.

Собираемся летом ехать к ним в отпуск, очень просят они обязательно приехать».

Валя найдена. Но две другие Вали, не зная об этом, еще продолжают надеяться. Валя из Алма-Атинской области пишет:

«Неужели у вас нет такого желания, чтобы встретиться скорее со своей родной дочкой?»

«...Такие письма волнуют нас с женой до глубины души... Валя все еще думает, что я — Журбин, ее отец... И вот нам пришлось огорчить эту Валю».

Не сомневаюсь, что семья Журбиных снова возьмется за розыски, теперь они все будут искать отцов двум другим Валям.

СОЛДАТЫ И ДЕТИ

Юрий Крымов писал с фронта о Советской Армии: «Она прекрасна своей человечностью».

Это подтверждают и дети. Всегда в детских воспоминаниях образ советского солдата связан с помощью, с добром.

«Потом я осталась одна... Солдат дал мне кусок хлеба.

Нелли Неизвестная»

«В детский дом меня привел какой-то солдат.

И. Костенко»

«Ночью в наш дом попала бомба, нас вытащил военный. Он держал на руках в одеяле маленького Валю, а меня держал за руку.

Галина Василькова»

«Какой-то офицер во время налета немецких самолетов укрывал нас в гороховом поле.

Белбас И. П.»

«Один из солдат дал Толику свою пилотку, шапка мальчика была потеряна... Этот солдат все время помогал маме.

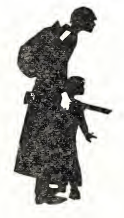
Лев Авдышин»

«Хорошо помню, что один разведчик угостил меня сахаром... Солдаты сами сшили нам рубашки, платья и даже пальто и отправили нас в детский дом.

Анна Скребенкова»

«Меня, замерзшего, взял на руки мужчина в шинели и принес в теплую комнатушку.

Алексеев Б. И.»

«Меня в руку ранило, помню даже, как потекла горячая кровь. Я лежала на земле, когда открыла глаза, передо мной стоял военный. Он дал мне из большой жестяной кружки напиться.

А. Д. Егорова»

«Я сидела одна дома на полу и строила домики из кубиков. В это время началась воздушная тревога, но я не обратила внимания и продолжала играть на полу. Вдруг завалило сенцы дома. Я закричала, в это время разбилось стекло окна и влез солдат, он меня оттуда за шиворот вытащил.

Л. Синева»

«Солдаты в теплых шапках со звездой хватали нас, детей, под мышки и сажали в кузова автомашин... На ночевку всех детей снимали и вводили в теплые хаты... Укрывался кто одеялом, кто и просто солдатской шинелью.

Белоконь Н. Е.»

«...Нас перевозили дальше в тыл. А всюду на дорогах встречались нам бойцы Красной Армии. Они брали детей на руки, ласкали, поили из фляжек чаем.

Жукова М.»

Через четверть века повторяю и я вслед за погибшим Юрием Крымовым: «Советская Армия прекрасна своей человечностью».

Из дневника поисков.

Поиски вернули меня к тем дням, когда я была на фронте. Была я там недолго, но мой фронтовой блокнот сохранился. Когда я перечитываю записи о детях, вижу, как они перекликаются с теми письмами, которые получаю сегодня. Мне пишут взрослые люди, но многие из них рассказывают о своем детстве. И тогда я вижу их маленькими. Узнаю в них тех детей, которых встречала на фронте, в освобожденных городах, на проезжих дорогах. Иногда я видела детей вскоре после разлуки с матерью или с родными, угнанными в Германию. Но в те дни я, конечно, не могла себе представить масштаба трагедии.

Из фронтового блокнота

По дороге на фронт я остановилась в Спас-Деменске, только что освобожденном от фашистов. Город еще время от времени обстреливается минометным и артиллерийским огнем.

На ночь меня поселили в небольшом домике, в котором совсем недавно жили немецкие офицеры.

Усталая с дороги, я сразу заснула, но вдруг среди ночи сон ушел, и я стала разглядывать комнату. Тут только обратила внимание, что она оклеена не обоями, а немецкими газетами. Над кроватью я прочла под

крупным заголовком сообщение о том, что гитлеровские войска вот-вот войдут в Москву.

Сложное чувство овладело мной. Я ведь ехала сюда через города и селенья, уже освобожденные от фашистов, и все-таки мне стало страшно. Страшно от сознания, что черная лавина фашизма, грозная и грязная, надвигалась, катилась, была здесь, рядом, заливала и ту землю, на которой я сейчас стою.

Не могла я больше оставаться в этих стенах, вышла на улицу, чтобы глотнуть воздуха и попытаться разглядеть в темноте хоть какую-нибудь надпись на русском языке.

Утром заметила, что немногие прохожие идут куда-то, все в одном направлении. Пошла за ними и оказалась на кладбище. Группа военных стояла у вырытой могилы.

Кого хоронят?

Мне объяснили, что в бою под Ельней, в наступлении, убит восемнадцатилетний сын начальника штаба фронта. Стала всматриваться в лица военных, хотела понять — кто из них отец. Но все лица были сосредоточенны, омрачены. Один из военных наклонился и первым бросил горсть земли. Отец... Судьба одной рукой дала ему победу, а другой отняла сына.

В Спас-Деменской школе был первый урок, первый после двухлетнего перерыва. Я вошла во второй класс. На скамейке перед деревянным столом сидели ученики. Я решила, что ошиблась, ребятам было лет по один-

надцати-двенадцати. Но на вопрос учительницы, сколько будет семнадцать плюс восемь, девочка не могла ответить. Этим детям было лет по девяти, когда началась война и в Спас-Деменск пришли немцы. Два года ребята совсем не учились: при фашистах школ не было. Сегодня наконец немногие ребята весело бежали в класс. Почему же они сидят огорченные, расстроенные? Потому, что забыли даже то, чему учились в первом классе. Одна из девочек забыла, как пишется цифра «семь». У другой «рука не слушается». Учительница хочет ободрить высокую бледную девочку:

— Ну, Нина, подумай, сколько же будет семнадцать плюс восемь?

Нина смотрит растерянно, потом глаза ее наполняются слезами.

— Мы же не виноваты,— говорит она.

Наш грузовик, пофыркивая газолином, бежал по шоссе. Шофер Ахмет первым заметил на краю поля, у дороги, медленно двигавшуюся темную фигурку мальчика.

— Остановимся, что ли? — спросил Ахмет.— Спешить некуда, все равно помирать.

Это была его любимая присказка. Он затормозил, и мы подождали, пока к нам приблизился мальчик лет восьми, оборванный, чумазый.

— Подсадить? — предложил Ахмет.— Залезай в кузов.

— Я не гриб — в кузов лезть, пешком дойду,— буркнул мальчик.

— Смотри, на немцев напорешься. Отец, мать есть?

— Отец? Откуда ему взяться?

— А мамка где? Убили?

— Угнали. Всю деревню угнали. Мы с бабушкой в лес за вениками... А вернулись — никого нет, одни немцы да мы двое.

— А бабушка где?

— Отвоевалась. Померла. У меня еще баба Варвара есть.

— Ну, давай садись, довезем до бабы Варвары.

— Я без Дашки не могу.

— Сестренка, что ли?

Мальчик насмешливо хмыкнул:

— Какая тебе сестренка! Собака. С утра ее черти носят. Мы с ней пешком дойдем... Ты мне закурить дай...

Доставая папиросу, Ахмет вздохнул:

— Закуривай. Все равно помирать.

Несмотря на горе, упавшее на детские плечи, ребята многое заметили, запомнили. Метко и насмешливо они описывают гитлеровскую армию.

— У нас — беда, немцы нас в яму загнали, мы сидим плачем, а как высунемся, посмотрим на часового — со смеха умираем. Он в тети Машиных ботинках на каблуках, на ногах у него надеты рукава от папиного тулупа. А на голове — Петькины штаны. Ему холодно, он все время вприпрыжку скачет.

Маленький мальчик говорит уверенно:

— Фашисты все рыжие и все в бабьей одежде.

...Для меня неожиданно, что так близко от смерти люди охотно шутят. Поводом для шуток оказалась и я. Мне необходимо было встретиться с несколькими бойцами для очерка «Солдаты и дети». Командира части, от которого зависела наша встреча, на месте не оказалось.

— Ушел на передовую.

— А редактор газеты?

— Ушел на передовую.

Здесь «ушел на передовую» звучит так же, как в Москве «ушел на работу».

Когда командир, невысокий, лобастый, вернулся, он пообещал наутро собрать бойцов. На мою просьбу разрешить мне пойти на передовую он сказал:

— Подождем, пока будет затишье, тогда пойдете.

Ночевала я вместе с двумя усталыми медсестрами в палатке, в лесу. Обе они молниеносно заснули. Стала засыпать и я. Вдруг — невероятный грохот. Словно все рушится и обваливается — и земля, и небо, и вся вселенная. Я села на свою койку, посмотрела на девушек — спят как убитые. Сравнение показалось мне страшным в такой обстановке.

Одна из девушек, укрывшись с головой, пробормотала спросонок:

— Нельзя сидеть... Ложитесь... Наша «катюша» бьет.

Сидя на койке, я вспоминала, как в осажденном Мадриде Всеволод Вишневский учил меня отличать трехдюймовые от пятидюймовых. Здесь грохот был по крайней мере «тысячедюймовый» — несмолкаемый, оглушительный.

К утру все стихло. Я задремала.

Когда открыла глаза, девушек моих уже не было, вокруг стояла какая-то особенная тишина.

«Кажется, затишье,— подумала я,— значит, сегодня пустят на передовую».

Направилась я к месту встречи с бойцами. Начинаю разговор, но что мне отвечают, не слышу. Тут только я поняла, что меня «катюша» оглушила.

Ситуация была комической: всех собрали для разговора со мной, мне важно было услышать каждое слово, а я не слышала ни одного. Начала оправдываться: это я с непривычки... или уши у меня не так устроены...

Лобастый командир, улыбаясь, наклонился ко мне и прокричал:

— Вот вам и затишье!

Через час глухота стала проходить, и первое, что я услышала, это были шутки в мой адрес:

— Ну как затишье, кончилось?

— Кончилось,— бодро отвечала я.

— Ну, если кончилось затишье, плохо ваше дело: опять нельзя на передовую.

Худенький оборванный мальчик стоит перед полковником Борисовым. Он пришел сюда и спросил:

— Где тут главный полковник?

Вытянувшись в струнку, Гриша произносит заранее приготовленную фразу:

— Разрешите обратиться — прошу принять меня в Красную Армию, бить фашистов.

— А сколько тебе лет? — улыбается полковник.

— Пятнадцать, — твердо, без запинки, отвечает мальчик.

— Какого года рождения? — спрашивает полковник.— Отвечай быстро,— не дает он подумать мальчику.

— Тысяча девятьсот тридцатого, — отвечает Гриша и, поняв, что выдал себя с головой, уже неуверенно повторяет: — Все равно мне пятнадцать.

Его мать и сестру убили немцы. В ту же ночь Гриша убил фашиста, который жил у них в доме. Как это произошло, узнать невозможно. На все расспросы полковника Гриша отвечает односложно:

— Убил — и все.

Маленькая Таня:

— Два дня мы в болоте лежали. Я лежу и жду.

— Чего ж ты ждала?

— Самолет-невидимку, чтоб он прилетел и нас спас, — с непоколебимой верой говорит Таня. — Хотите, я вам цыплят покажу? — вдруг предлагает она.

Таня занята мыслями о хозяйстве. Ее мать принесла из дальней деревни трех цыплят. Она несла их десять километров. Теперь Таня только и думает, как их греть, как кормить.

— Цыплята вырастут, яиц нанесут — опять у нас хозяйство будет,— говорит девочка.

Из дневника поисков.

Так сильно я уверовала в счастливое тринадцатое число, что, пожалуй, теперь-то я стану суеверной. Надо думать, что до мистики дело все же не дойдет. Хотя все может быть... Верит же в привидения замечательный исландский писатель Тоурбергур Тоурдарсон, о котором в научном исследовании о современной исландской литературе сказано как о человеке «в высшей степени оригинальном, интересующемся призраками, мистикой, спиритизмом, и, одновременно, как об одном из лидеров социалистического направления в исландской литературе».

Встречи с Тоурдарсоном я ждала с нетерпением. В Рейкъявике, в советском посольстве, один из работников меня предупредил: если он заговорит с вами о привидениях, сохраняйте полную серьезность.

Я поняла, что от меня требуется дипломатическая вежливость по отношению к исландским привидениям.

Прославленный писатель с молодым пылом читал нам отрывки из своей книги, вернее — не читал, а пел. Попросили и меня «спеть что-нибудь» из моей книжки. Как на грех, способности петь я начисто лишена.

Я все ждала, когда Тоурдарсон заговорит о привидениях, а он заговорил о спиритизме:

— Вы верите в спиритизм?

— Нет, не верю.

— А вы изучали его?

— Нет, не изучала, разве только по «Плодам просвещения» Льва Николаевича Толстого.

— Как же вы тогда можете судить о спиритизме, если вы его не изучали?

— А вы изучали?

— Еще бы! Я потратил на него два года.

— И верите в него?

— Нет, но я вправе не верить.

— Значит, мы с вами в равном положении, только я сэкономила два года.

Мы оба засмеялись. Разговор перешел на литературу. Тоурдарсон обо всем говорил с таким блеском, умом, что я заслушалась. Когда я уже совсем забыла о привидениях, они вдруг появились. Жена Тоурдарсона, пригласив нас к столу, сказала мне:

— Вы напрасно сели в тот угол, его любят привидения.— Сказала мимоходом, совсем так же, как говорят: «Не садитесь туда, там дует».

Я дипломатично пересела на другой стул.

Когда каждое тринадцатое число я не без суеверия рассказываю о тринадцати судьбах, в душе посмеиваюсь над собой — не грозит ли все-таки и мне поверить в привидения?..

Теперь и родные, обращаясь к потерянным детям, пытаются воскресить в их памяти прошлое:

— Вспомни, сынок,— мы прятались от немцев у тети Домны, в подполе...

— Вспомни, доченька,— у тебя была сестра Вера, ты ее няней звала. У тебя еще было пальтишко красное, вспомни...

— Володя, может быть, ты помнишь, брат работал на тракторе и привез двух маленьких лисят... Они жили у нас долго, и лиса приходила к дому и выла, а потом лисята убежали и унесли мой ремень ремесленника.

— Дочка Лида, вспомни, как ты во время бомбежки залезала под кровать... Вспомни собачку Жулика, с которой ты играла...

— Юрик, ты, наверное, не помнишь своей фамилии, плохо ее произносил. Но вспомни, сынок, у тебя был заводной зеленый грузовик, ты потерял от него ключ и сильно плакал...

Письмо Марьяны отличается от других писем, в нем боль другая, в нем горечь и обида, вполне понятные. Поразило оно меня своей неожиданной концовкой.

«Мне было девять месяцев, когда отец ушел на войну. Только по фото я знаю, что у меня был папа, ему было тогда двадцать три — двадцать четыре года, столько же, сколько сейчас мне. Мама все ждала, ждала, но он не вернулся. В школьные годы я часто представляла себе могилу, где похоронен мой отец, и верила, что кто-то в праздник приносит сюда цветы. У нас в школьном дворе тоже есть могила. Из года в год за ней ухаживают сами школьники. Порой приезжают родные навестить убитых, и тогда все жители собираются... Время пролетело быстро, и я стала искать отца. И что случилось: меня известили, что он жив, работает, имеет семью, ребят. Я прыгала от радости, смеялась, письмо показывала всем в общежитии, даже учителя узнали об этом. И вот мое первое письмо полетело в колхоз над

Волгой. Я осторожно вывела «папа» и внизу расписала приветы всей семье. Потом я писала часто-часто, каждую неделю, потом дважды в месяц, потом замолчала. Он не ответил, ни о чем меня не спросил. А я об одном просила: напиши письмо, больше ничего, ничего. Я хотела услышать его голос, но не услышала. И сейчас не могу поверить, что у меня такой отец. Я кончила учиться, получила диплом, уехала в другой город, вышла замуж. И до сих пор у меня детское представление: могила, цветы, голубое небо, березки, и там лежит мой отец, а тот, кому я писала, не мой, мой бы так не поступил».

«Лучше бы он умер!» — иногда в запальчивости кричит мать о плохом, неудачном сыне, но как она убивается, если с ним и впрямь что случится. Марьяна ни одного упрека не бросила живому отцу, но сильнее всякого упрека ее возвращение к отцу умершему. Этим она как бы защищает созданный ею образ отца, борется за него.

Пожалуй, стоит прочесть письмо по радио, хотя Марьяна об этом не просит.

Между прочим, даже перечитывая Толстого, я теперь смотрю на детские воспоминания глазами «искателя». Читаю рассказ Николеньки о ссоре с братом из-за разбитого флакончика и ловлю себя на смешной мысли: если бы Николенька потерялся, то по воспоминанию о разбитом флакончике я бы его нашла.

ЭТО НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Даже баба-яга,
Костяная нога,
И та была красоткой,
Задумчивой и кроткой.

В телефонной трубке раздался деликатный женский голос:

— С вами говорит одна думающая мать. Скажите, пожалуйста, передача «Найти человека» рассчитана ведь не на детей?

— Конечно, не на детей.

— Тогда, пожалуйста, скажите это моей дочке Любочке.

— А почему ей надо это говорить? — удивилась я.

— Потому, что ей двенадцать лет, а она слушает о потерянных детях, расстраивается, даже расплакалась. У нее и так голова полна заданий.

Только я собиралась сказать, что не вижу ничего страшного в том, что двенадцатилетняя девочка заплакала из сочувствия к чьей-то трудной судьбе, как мама ответила за меня:

— Вот видишь, это не для тебя... Спасибо вам. Извините.

Неплохо придумала «думающая» мама — использовать меня против меня самой.

Формула «это не для тебя» не нова. Все, что грустно, все, что может хоть на минуту опечалить ребенка,— «не для тебя».

Один дедушка до того боялся растревожить внучку,

что переделал народные сказки. Колобок, который, как известно, попал в зубы лисе, в дедушкином варианте остался цел и невредим. И даже злая ведьма баба-яга превратилась в ласковую бабулю-ягу.

Иные родители искренне считают, что их детям-школьникам нужны только положительные эмоции, будто людям, выздоравливающим после инфаркта.

Прочитает мальчик, как тяжело было на душе у Герасима, когда он топил Муму, и расстроится. Но мама спешит на помощь:

— Не расстраивайся, сынок, ведь ничего этого не было, все только в книжке придумано.

Сердобольная мама уверена, что, охраняя сына от переживаний, она бережет его детство, а на самом деле она обедняет его душу.

Наверное, Любочкина мама старательно прячет от дочки детскую газету или журнал, где напечатаны снимки раненых вьетнамских детей, их разрушенные дома или дорога в узкой траншее, по которой они пробираются в школу, прячет книжку, где рассказывается о том, что может взволновать и расстроить дочь.

— Это не для тебя,— говорит мама.

Пройдет немного времени,— и, глядишь, Любочка, привыкнув не расстраиваться, и сама скажет: «Это не для меня» — и захлопнет книжку, вызывающую не одни веселые мысли.

Слышала я недавно возле сводной киноафиши короткий, но выразительный диалог. Девушка спортивного вида и два молодых человека с модными круглыми бородками обсуждали, какой фильм им посмотреть.

— Хорошо бы на «Анну Каренину» попасть,— сказала девушка.

— А чем этот фильм кончается? — осведомился один из ее спутников

— То есть как чем? Она же бросается под поезд.

— Ну нет, тогда я не пойду... Не люблю портить себе настроение.

Думаю, что от боязни испортить себе настроение чужой бедой (даже увиденной не в жизни, а в кино) всего один шаг к эгоизму и бессердечию.

Может быть, родители бородатого молодого человека и не повинны в его жизненной позиции и он выработал ее совершенно самостоятельно. Но Любочкина мать настойчиво ведет дочку за руку как раз по этому пути. Видно, в ее думающую голову не приходит мысль, что голова-то может быть полна «заданий», а душа пуста.

Как-то перед своим отъездом во Францию я была в шестнадцатой специальной московской школе. Там есть музей, посвященный авиаполку «Нормандия — Неман». Музей — слишком громкое название для небольшой комнаты, где развешаны собранные детьми портреты советских и французских летчиков и выставлено несколько писем, присланных детям родственниками погибших. Ребята, конечно, понимают, что это не исторический музей, но все-таки...

Стоя у портрета де Сейна, мальчик лет двенадцати рассказывал ребятам помоложе о подвиге французского пилота:

— У де Сейна был парашют, а у нашего бортмеханика не было. «Прыгайте!» — дают французу команду с земли.

— И он прыгнул? — нетерпеливо перебивают слушатели.

— Нет, он не такой был,— говорит мальчик.— Он отказался оставить своего друга, они вместе погибли...

Дети попросили меня привезти им французской земли — они давно хотят зажечь вечный огонь перед портретами героев-летчиков, но для этого нужна чаша с русской и французской землей. Я пообещала, что привезу землю из Франции.

Это было не первое детское «международное» поручение. Еще в республиканской Испании однажды вечером мы услышали на затемненной улице настойчивые ребячьи голоса. У детей не было пропуска, но они так горячо доказывали необходимость послать советским детям подарки — раковины, собранные на берегу, что патруль дрогнул и пропустил их.

Как ни смешно, но раковины чуть было не стали поводом для осложнения на границе. Таможенные чиновники отнеслись к такому подарку недоверчиво: каждую раковину они рассматривали на свет и проверяли на ощупь — не скрыто ли в ней что-нибудь?

В конце концов мне их вернули, и я благополучно привезла их в Москву.

Теперь мне предстояло привезти из Парижа землю.

Пожилая элегантная француженка, с которой мы разговорились в самолете, не сразу поняла, о какой земле идет речь.

— Вам нужен земельный участок?

— О нет, гораздо меньше, совсем немного земли, килограмма два-три... Но обязательно французской.

В Париже, когда я рассказала о просьбе ребят, французские друзья поняли меня с полуслова.

Было высказано много предложений. Одни считали, что землю надо собрать по горсти в тех городах Франции, где родились летчики полка. Другие предложили взять землю с французского кладбища, где похоронены герои.

Все сошлись на том, что торжественная церемония передачи земли будет происходить в одной из школ в Бобиньи, под Парижем, где учится много детей из рабочих семейств.

Пригласили воспитателей, учителей, директоров других школ.

Лучшая ученица школы Моника Жанин вручила мне землю, привезенную с могилы капитана Мориса де Сейна.

После церемонии стихийно, все сразу, поднялись с мест. Девочки окружили меня и тоже, как взрослые, стали пожимать мне руки.

Французская земля в нейлоновом мешке (около двух килограммов) благополучно перелетела границы, и я вручила ее ребятам на торжественной линейке в шестнадцатой школе. И наши дети, соединив ее в чаше с русской землей, зажгли в своем школьном музее вечный огонь в честь героев, вместе сражавшихся против фашизма. Несколько горстей земли девочки отсыпали в мешочек.

— Мы ухаживаем за могилой Неизвестного фран-

цузского летчика на Введенском кладбище,— объяснили они.— Хотим посадить возле могилы яблоню, потому что мы узнали, что яблоко — символ Нормандии. А пока положим на могилу горсть его родной земли.

Едва ли эти дети стали бы зажигать вечный огонь или заботиться о могиле незнакомого им французского летчика, если бы их постоянно берегли от сильных чувств и отгораживали от несчастий, принесенных войной.

Из дневника поисков.

Просидел у меня вчера почти весь вечер приезжий, из Воронежа. Подробно изложил обстоятельства, при которых расстался с младшей сестрой в детском доме. Потом взял сигарету, долго держал ее в руке, наконец закурил, будто готовился рассказывать мне о чем-то другом, глубоко личном.

— Человек я по природе неважный,— начал он и замолчал.

— Начало многообещающее,— пошутила я. И, видимо, некстати. Мой гость замкнулся, вызвать его на разговор мне больше не удалось.

Часто бывает: расскажешь по радио историю какой-нибудь семьи — как родные разлучились, что они пережили в разлуке, как соединились наконец-то. Расскажешь и думаешь: «Ну, этот поиск завершен, поставлена точка». Оказывается, это не так. Почти через год после того, как были найдены сыновья А. Р. Перевозкиной, радиослушатели спросили меня: а как теперь живет Александра Родионовна? Была рада, что могла ответить: «Все хорошо, она сейчас в Польше, гостит у младшего сына».

Вызвала меня на переговорную ревнивая бабушка:

— Прошу вас подействовать на мою Зину (Зина — недавно найденная внучка).

— Стряслось что-нибудь? — спрашиваю я.

Голос бабушки полон негодования:

— Конечно! Так же нельзя! Зачем она продолжает переписываться с другой кандидаткой в бабушки, хотя уже совершенно ясно, что она моя внучка, а не чья-нибудь еще?

— Безусловно, ваша кандидатура не вызывает никаких сомнений.

В общем, внучка нарасхват.

Не перестаю радоваться наблюдательности самых маленьких детей. Сегодня видела в детском саду игру в «день рождения». Трехлетняя хозяйка угощает гостью:

— Бери конфетку, бери!

Та берет воображаемую конфетку и сразу кладет ее в рот.

— Ой, ты же с бумажкой ее съела! Надо сначала развернуть! — восклицает хозяйка.

Гостья оправдывается:

— А я мармелад ем, он без бумажки.

Один человек удивляется:

— Как вам пришла в голову мысль искать по детским воспоминаниям?

А другой словно упрекает:

— Что же вы раньше-то не додумались по воспоминаниям искать?

Так иногда по одной фразе можно угадать характер человека.

Он отрекомендовался опытным либреттистом и сообщил, что написал навеянную поисками потерянных в войну детей...

— Драму? — спросила я.

— Оперетту,— последовал ответ.

Воспользовавшись паузой, вызванной моим недоумением, он начал было излагать сюжет.

— Постойте. Я не представляю себе трагедии матери в жанре оперетты.

— Напрасно! — поучительно возразил либреттист.— В современной оперетте возможен любой сюжет. Тем более что у меня все хорошо: моя молодая героиня находит свою мать.

— Лучше пусть она найдет жениха,— посоветовала я.

Мы не поняли друг друга.

ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ С ПЕЧАЛЬНЫМ КОНЦОМ

Из письма Зинаиды Станиславовны Заплавной

«...Обращаюсь к вам с большой просьбой помочь мне отыскать сестру Эртман Надежду Станиславовну, год рождения то ли 1938-й или 1939-й. Маленькой она была светловолосая, нос чуть с горбинкой. Вот что я о ней только помню. Расталась я с ней в апреле 1944 года при таких условиях:

Наша семья до начала Отечественной войны жила в Белорусской ССР, Полоцкая область, деревня Круглики. Семья наша состояла из шести человек: отец — Эртман Станислав Антонович, мама — Эртман Мария Кирилловна и нас четверо детей — я, сестра Лена, брат Володя и меньшая сестра Надя.

Долгое время наше село, затерянное в лесу, сотрудничало с партизанами. Но нашлись негодяи, которые всех выдали. Село было уничтожено, многих жителей расстреляли. Расстреляны были наши отец, мама и брат. Мы, три девочки, остались в живых. Некоторое время мы находились в лесу, потом оказались в Полоцке. Там нас, осиротевших детей, взяла одна женщина, она была жена советского командира, ни фамилии, ни имени ее не помню (кажется, ее называли Марией). Она за нами смотрела, с трудом добывала для нас пропитание и одежду.

Я, как старшая из всех, помогала ей во многом. Меня кто-то выдал полиции, и меня забрали и отправили эшелоном в Германию. Но партизаны отбили эшелон, и я оказалась в лесу среди партизан. Потом я прошла трудный путь до самой победы.

Когда меня забрала полиция, я рассталась со своими сестрами Леной и Надей. Но с Леной мы встретились после войны. А вот Надю мы потеряли. Лена рассказала, что весной в 1944 году в числе пятидесяти детей была отправлена Надя из Полоцка в детдом в Быковичи. Это все, что мы знаем о своей сестре. Но мне кажется, что она жива. Прошу вас помочь в розыске ее... Недавно я прочитала небольшую книжечку «Неуловимый». Автор Прудников Михаил Сидорович. В ней идет речь о детдоме в Быковичи... Упоминается

там, что в детдом было доставлено пятьдесят детей из Полоцка. А сестра Лена помнит, как пятьдесят маленьких детей увозили из Полоцка в Быковичи, в том числе была и наша Надя... Сейчас я и сестра Лена живем в одном городе. А вот о третьей сестре мы ничего не знаем...»

Из письма работников завода «Пионер»

г. Вольск, фабрика «Индпошив»

«...Сами мы не слышали передачу, но нам передали люди. Просим сообщить нам, действительно ли сестра разыскивает Эдман Надежду Станиславовну, 1939 г. рождения, потерявшую связь с родными во время эвакуации. Точных сведений у нас нет, но знаем, что Надежда Станиславовна воспитывалась в детдоме в Саратове. Она тоже искала сестру, примерно в 1956—1960 годах.

К несчастью, Надежды Станиславовны в живых нет. Она умерла два года назад. У нее осталось двое детей. Наш коллектив, где работала Эдман, желает, чтобы дети знали близких родных своей покойной матери.

Семенов, Жуков, Микеева,
Мазенова, Тихонова»

Из дальнейшей переписки выяснилось, что Надежда Эдман и Надежда Эртман — одно лицо.

Пришлось нам сообщить бывшей партизанке, что сестра, которую она так долго искала, умерла два года назад. Вот уж не судьба, как говорится. Если бы Зи-

наида Эртман написала в «Маяк» на два года раньше, может быть, она успела бы застать сестру в живых. Одно утешение — вместе с печальной вестью Зинаида Станиславовна узнала, что у сестры остались дети, о которых пишет коллектив мастерской.

Мне кажется, что слово «коллектив» звучит здесь особенно выразительно. Если люди хранят память о своем товарище и заботятся о его детях, то они, видимо, связаны не только служебными, но и душевными отношениями.

А история все-таки грустная. Вот случай, когда успешный поиск привел к печальному концу.

ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

На рассвете 20 октября мы с Десанкой Максимович[1] выехали на машине в сербский городок Крагуевац, километров двести от Белграда. Десанка, все время вздыхавшая по поводу моей программы, слишком обширной для трехнедельного пребывания в стране, на этот раз сказала голосом, не допускавшим возражений:

— Вы туда поедете. Вы должны это увидеть.

Попасть в Крагуевац было не так легко, туда шли бесчисленные машины, туда стремились велосипедисты, туда по проезжей дороге и по всем тропинкам и тропкам шли люди. Они приехали сюда сегодня из разных городов страны, особенно много было школьников, тысячи школьников всех возрастов. Столько детей, а толпы двигались в безмолвии. Не слышалось ни говора, ни смеха, ни гула,— словно выключили звук. Все направлялись к огромному холмистому полю, несли с собой венки, гирлянды, букеты живых цветов. На этом поле похоронено семь тысяч человек, расстрелянных в 1941 году фашистами, и день 21 октября стал в Югославии днем народного траура.

Я увидела вдали, на кургане, простертые крылья гигантской белой птицы. Мы приблизились к ней; освещенная солнцем, она была ослепительно белой. Тень ее мраморных крыльев падала на землю, на братскую могилу детей. Как это страшно звучит — братская мо-

[1] **Десанка Максимович** — выдающаяся поэтесса Югославии.

гила детей! Многим из них еще пятнадцати лет не было.

В то утро фашисты согнали всех крагуевацких гимназистов, начиная с шестого класса, в самый большой школьный двор, построили по четыре и вывели на улицу. Учителя пошли вместе с учениками. Мальчики

шли по улице, и матери кивали им из окон, еще не понимая, куда их ведут. Но, увидев в конце процессии вооруженных немецких солдат, женщины выбежали на улицу, пытаясь передать сыновьям теплые вещи, думая, что гимназистов ведут в лагерь.

А их вели на расстрел.

Кто-то из учителей запел гимн, и мальчики запели вместе с ним «Гей, славяне». Так они пели и шли к своей гибели. И погибли все вместе — учителя и дети.

Я смотрела на громадное поле, заполненное десятками тысяч людей: они поднимались на курган, к па-

мятникам и братским могилам; они становились на колени, и вновь поднимались, и снова опускались возле других могил. Только те, ради кого они пришли сюда, были неподвижны.

— Какими стали бы сейчас эти мальчики? — сказала я одной из своих спутниц.

— Такими, как я,— неожиданно ответил по-русски какой-то человек, рослый, смуглый, с густыми, сросшимися бровями.— Я учился вместе с ними в шестом классе, но мне удалось убежать. Когда я увидел, что всех собирают, я догадался, что здесь что-то не так, и хотел предупредить родных...

Глядя на этого красивого серба, я представила себе: вот такими они могли бы вырасти, те мальчики!

УСЫНОВЛЕННЫЕ

Немало самых разных проблем возникает на сложном пути поисков. Одна из наиболее острых — проблема усыновленных детей.

В военные годы тысячи ребят были усыновлены. Женщины, не только бездетные, брали к себе ребенка, растили, выхаживали, как своего. Даже в блокадном Ленинграде соседка по квартире брала малыша, у которого умерли родные, и делилась с ним буквально последним. Такую приемную мать подчас связывает с ребенком чувство не менее сильное, чем кровное родство.

Так в тяжелое военное время складывались новые семьи. Их права оберегает наше законодательство. Прежде всего оно предусматривает охрану интересов ребенка,— никто не должен вторгаться в новую семью, разыскивать усыновленных детей, даже кровные родители.

Закон справедлив, потому что он охраняет детей от возможных душевных переживаний. Нетрудно представить себе состояние ребенка, когда он вдруг узнает, что он вовсе не родной, а чужой в семье. Часто дети не в силах справиться с подобным потрясением, иные перестают учиться, иные становятся замкнутыми, недоверчивыми и даже озлобляются против своих приемных матерей и отцов, считая, что те их обманывали. Оттого-то, чтобы сохранить тайну усыновления, многие приемные родители переезжают в другой район, даже в другой город.

Закон справедлив и потому, что он защищает права

приемных матерей и отцов. Выхаживая, воспитывая ребенка, они всем сердцем привязываются к нему, и потерять его им так же тяжело, как своего родного.

Но самый справедливый закон не может предусмотреть все многообразие жизненных конфликтов. Особенно если они связаны с войной.

Концлагерь, плен, тяжелое ранение подчас лишали родителей возможности дать знать о своем существовании, и тогда их дети, попавшие в детский дом, считались сиротами. Много лет спустя отцу или матери все же удается иногда узнать, в каком детском доме воспитывался их ребенок. Но там им сообщают, что он был усыновлен, увезен новыми родителями, а куда, согласно закону, не говорят. Это жестоко. Но разве не жестоко разрушать ту семью, которая стала для ребенка родной, ту семью, где он вырос? Тем не менее родители, конечно, не могут примириться со своим горем, вновь и вновь ищут теперь уже взрослого сына или дочь. Обращаются с просьбой и в «Маяк» начать поиски, но мы сделать этого не можем, как бы ни сочувствовали родителям, потому что рискуем разрушить сложившуюся, может быть вполне благополучную семью.

Как быть в таком, например, случае? Сестра, имеющая уже своих детей, помнит, что у нее был маленький брат, который воспитывался в детском доме, а потом был кем-то усыновлен. Она хочет его найти. Главный ее довод — брат теперь взрослый, самостоятельный, и никакой беды не случится, если он узнает, что он не родной сын, зато он найдет родную сестру. Но я не считаю себя вправе взяться за такой поиск. Пусть на

этот раз речь идет не о детской психике, а о менее ранимых взрослых людях, но опасность внести разлад в семью вовсе не исключена. Представим себе, что брат давно женат, что его детей любит и нянчит его мать. И вдруг он узнает, что он не сын своей матери, а его дети не внуки ей... Каким горем это может обернуться и для сына, и для матери, да и для внуков!

Хорошее письмо прислал мне товарищ Ш. Он знает, что у его взрослой дочери, взятой из детского дома, когда ей и года не было, есть старшая сестра, тоже в детстве кем-то усыновленная. Он от всей души хотел бы доставить радость сестрам и соединить их. Но его тревожит мысль — нужно ли это делать? Понятна его тревога. Ошибку, которую совершили много лет назад, разлучив родных сестер, сейчас уже исправить невозможно, не рискуя совершить другую ошибку,— ведь сестры должны при этом узнать, что они обе не родные, а приемные дочери.

Только одно из таких писем дало мне возможность объявить розыск.

«Пишет вам отец, разыскивающий вот уже несколько лет свою дочь. Все мои попытки безуспешны. В 1942 году я ушел на фронт. Девочка трехлетняя осталась с женой. А в 1943 году умерла жена. Мою дочь взяла женщина, фамилия и имя которой неизвестны. И так как она уехала из этого поселка, я не смог о ней ничего узнать. Сообщаю адрес, где оставалась моя дочь: Коми АССР, Ухтинский район, поселок Ухта.

Отец — Благовидов Петр Петрович.

Мать — Благовидова Таисия Филипповна.

Дочь — Благовидова Вера Петровна, 1939 г. рождения.

Может быть, жива эта женщина, которая взяла мою девочку, и откликнется на мое письмо. Мне бы только узнать, жива ли дочь, я уже потерял надежду на встречу с ней».

Я считала себя вправе объявить этот розыск. И вот почему: неизвестно, удочерила Веру Благовидову та женщина, которая увезла ее, или отдала в детский дом? Если Вера воспитывалась в детдоме, то имя и фамилия ее могли сохраниться и она может откликнуться и найти своего отца. Если же Вера была удочерена и фамилия ее изменилась, узнать себя по отцовскому письму она не сумеет. А ее приемная мать вправе не отозваться, и новая семья не пострадает.

Но бывают совсем иные обстоятельства, когда дети знают, что родители их не кровные. Из детских домов часто брали детей в том возрасте, когда они уже помнили отца или мать. И сейчас дети, став взрослыми, хотя и чувствуют себя родными в семье, все-таки хотят дознаться: кто их мать или отец, живы ли они?

Казалось бы, приемные матери могли бы счесть их неблагодарными, почувствовать ревность, обиду. Но вот что интересно: многие из них сами просят найти кровных родителей их детям. По правде говоря, первые такие письма меня озадачили: не значит ли это, что в семье не все ладно?

Нет, волна писем говорит совсем о другом.

«Киселева Нина Михайловна — моя приемная дочь, девочка, которую я взяла во время войны, выросла. Сейчас у нее есть уже своя семья и маленький сын,

она не одинока, она для нас как родная дочь. Но какая была бы радость и для нас, если бы нашелся кто-нибудь из ее родных.

Залесская М. П.
Минская область»

«У нас с женой своих детей не было. По примеру передовых граждан Советского Союза, мы в Кочергинском детском доме в 1942 году взяли на воспитание девочку Зину. На клочке бумажки было написано: Ремнева Зинаида Ивановна, без года рождения. Точно ли Ремнева или Плетнева — осталось темным.

Зине восстановили год рождения 1936-й и дали нашу фамилию. В настоящее время Зина живет самостоятельным хозяйством и семейной жизнью. Живем мы в разных селах, но Зина нас не забывает, оказывает всемерную помощь, считает родными, мы ею довольны. Но, может, что было о Ремневой или Плетневой в «Радиомаяке», а мы не слышали? Может быть, у Зины имеются родственники, которые ее ищут и беспокоятся о ее судьбе?..

Александра Егоровна
и Трофим Макарович Левкины,
Челябинская область»

«...Слушая Вашу передачу, что матери с самой войны не находят своих детей, я стала думать и про свою приемную дочь... что и по моей Клавдии плачет до сих пор где-нибудь ее родная мать... Прошу помочь нам в розыске родителей Клавдии, если живы.

Трифонова А. К.
Ставропольский край»

«...В 1944 году мы взяли девочку в детдоме, имя Зоя, фамилия Мартынова, год рождения восстановлен врачами 1942-й, фамилию и имя мы ей тогда переменили. В настоящее время она уже замужем, и ей очень хочется найти своих родителей или даже родственников. Мы с ней пытались разыскивать, писали в детдом, ответа не получили. От имени дочери и от себя очень просим помочь в розыске.

Косолапов Петр Васильевич,
Минеральные Воды»

«...В 1941 году я усыновила мальчика по имени Коля. Фамилия его была неизвестной. Врачи установили его год рождения 1937-й, а может быть моложе. На нем были курточка коричневого цвета, тюбетейка соломенная и сандалии. Приметы: шрам поперек носика, у переносицы, на лбу, возле волос, родинка, волосы белые как лен. Воспоминания мальчика: что папа чинил часы, что у них был дом и сад, в этом саду прятался от бабушки. И что у него была маленькая-маленькая сестренка и звали ее Вера-Неня. В детстве почему-то боялся милиции... Я прошу вас помочь мне разыскать родителей моего сына, которого я усыновила и воспитала. Прошу известить по радиостанции «Маяк». Может быть, родственники отзовутся на наш зов.

С приветом к Вам
Николай Антонович Копытов,
Акулина Карповна Копытова»

Не побоюсь сказать, что высокими чувствами вызваны такие просьбы. Тут не просто сострадание к чужой беде, тут поразительная готовность поделиться любовью свой дочери или сына...

Должно быть, глубоко уверены в этой любви приемные матери, если не боятся, что кровные родители отнимут у них привязанность воспитанного ими сына или дочери.

Есть и такие случаи, когда приемные матери, по секрету от своих детей, просят найти родных. По разным причинам. Одна мать пишет:

«Я взяла ребенка, девочку, удочерила ее, теперь она уже взрослый человек. Я очень болею, и мне тяжело оставлять ее одну, потому что я знаю, что такое одиночество. Может быть, найдутся ее хоть какие-нибудь родственники. Я запрашивала загс (знаю ее настоящую фамилию), но безрезультатно. Прошу, ее теперешнюю фамилию не упоминайте... О моем письме она также не знает, мне просто больно сказать ей о том, что я разыскиваю ее родных. Но хотелось бы, чтобы после меня она все-таки имела родных».

Другая мать тревожится: «Мой сын хотя и взрослый, тоска по кровным родителям у него как болезнь. Он пока не знает, что я их ищу, неизвестно, найду ли?»

Во всех этих письмах особенно сильно ощущается благородство приемных родителей. Они проявили себя благородными дважды — и во время войны, когда из патриотических чувств усыновляли чужих детей, и сейчас, когда помогают детям, которым отдали столько душевных сил, искать их кровных родных.

Из дневника поисков.

И в поисках тоже не обходится без любви. Один порывистый молодой человек просил найти по радио девушку, которую он нечаянно сильно обидел. Обиженная уехала, не оставила никаких координат. На письмо молодого человека я не ответила, тогда он позвонил по телефону и в припадке раскаяния взывал:

— Я ее люблю! Поймите! Я зря ее обидел.

— Наверно, зря,— согласилась я,— но искать по радио не будем, у нас другие заботы. Если любите — как-нибудь найдете сами.

Но этим дело не кончилось. Вскоре он позвонил снова:

— Я опять к вам. Я нашел свою девушку. Сам нашел, без помощи эфира.

— Ну и прекрасно.

— Да, но она не верит, что я хотел искать ее по радио. Это хотя бы вы можете подтвердить?

— Могу, дайте ей трубку.

— Нет, она хочет, чтобы вы по радио об этом сказали. Ну что вам стоит подтвердить?

Понимая, что в этом современном романе только радио может прозвучать неопровержимым доказательством любви, я подтвердила. Но с подтекстом: мол, любовь — прекрасное чувство, но есть еще и чувство такта.

Опять вздыхаю над «папкой сомнений». Не знаю, что делать с Н. Н. Дымовой, получила от нее уже третье письмо, а все не могу решить, кто прав — она или ее приемная мать, и нужно ли объявлять розыск. Досадно, что Е. О.[1] уехала в Ростов. Я уже привыкла за эти годы советоваться с ней по каждому «психологическому» поводу. Мои близкие шутят, что если ко мне домой нельзя дозвониться, значит, я читаю Е. О. предстоящую передачу, а если телефон свободен, значит, меня нет дома и я ушла к ней читать передачу. И действительно, я верю в ее вкус и уменье уловить психологическую основу трудного случая (она и сама в свое время провела в «Литературной газете» сложный розыск одного из пленников Освенцима). Письма Н. Н. Дымовой как раз полны психологических неясностей. Пожалуй, позвоню в Ростов.

Неожиданное послание. Оно написано на листочке из тетради, две линейки в косую, старательным детским почерком:

«Дорогая Агния Львовна, помогите мне найти бабушку и дедушку. Я живу с мамой и папой и двумя сестрами, а дедушки и бабушки у меня нет. Я хочу, чтобы они у меня были, как у моей подруги Кати. Найдите их для меня по радио.

Оля Клокова»

[1] Евгения Осиповна Пельсон, журналистка.

Девочка не пишет, что бабушка и дедушка потерялись — видимо, их давно нет на свете... Оля еще не знает, что в таких случаях и радио бессильно.

Познакомилась с В. Ф. Юдаевой. Пришла к ней в Главное управление милиции. Кстати, впервые в жизни видела столько работников милиции сразу. Из зала заседаний вышло человек двести, не меньше. Все в милицейской форме. Выглядит внушительно!

Юдаева тоже в кителе с погонами. Она как раз одна из тех, кто по призванию и по должности занимается поисками людей, потерявших связь с родными.

Но разговор со мной В. Ф. начала не со своих многочисленных удач, а с огорчений. Рассказала о том, как недавно, по просьбе матери, искавшей двух взрослых сыновей, нашла лишь одного.

— И представляете,— говорила она,— сын, которого мать полжизни разыскивала, вскоре после встречи с ней внезапно умер. Теперь я должна во что бы то ни стало разыскать второго сына.

Валентина Федоровна сказала это так горячо и убежденно, что можно не сомневаться — она не успокоится, пока не найдет.

Ничуть не притупилось в ней за тридцать лет острое восприятие чужого горя. И чужой радости. Когда она, протянув мне фотографию, спросила: «Нравится вам паренек?», я подумала, что на этот раз речь идет о ее собственном сыне. Оказалось, что она нашла родителей этого подростка.

Наверно, в исключительной душевности В. Ф. и таится ее необыкновенная удачливость «искателя».

Мои друзья, недавно побывавшие в Америке, видели в окрестностях Бостона стенды, сплошь заклеенные фотографиями подростков с такими надписями:

«Роберт, мы любим тебя и ждем.

Мама и дед»

«Линда, дорогая, вернись домой, обещаю, что все будет забыто.

Твоя мама»

«Знающих, где находится наш сын, просим сообщить.

Отец»

Да, в Америке тоже идут поиски. Но совсем не похожие на наши. И война здесь ни при чем. Родители ищут детей, убежавших из дома, и это не единичные случаи, а распространенное явление. Подростки, юноши, девушки, главным образом дети зажиточных американцев, покидают свои семьи, рисуют на лице цветок и начинают новую жизнь в колониях «хиппи». Они презирают комфорт, одеваются во что попало, часто ходят босые, часами сидят на улицах и, по их выражению, «просто встречают людей». Причины самые разные. Это протест против деспотизма взрослых, или против власти родителей, или тирании денег и всего уклада американской семьи с ее культом бизнеса.

Три года назад, когда я была в Америке, бегство в «хиппи» еще не началось, но раздражение против чрезмерного практицизма родителей иной раз прорывалось даже у школьников, которых я видела немало.

— Ты хорошо рисуешь, собираешься стать художником? — спросила я ученика восьмого класса.

— Что вы! Отец ни за что не согласится — это же не кормит.— Мальчик иронически усмехнулся.— В лучшем случае буду специалистом по шрифтам. Это кормит...

Думается, что бездушный практицизм воспитания и приводит иногда к распаду семьи. И к трагедии молодежи,— ведь двести тысяч девушек и юношей, причисляющих себя к «хиппи», американцы не случайно называют «пропавшим поколением». Бунт только во имя бунта, без всякой положительной программы, довольно скоро привел к тому, что колонии «хиппи» стали превращаться в своего рода молодежные притоны, куда ринулись торговцы наркотиками и другие темные дельцы. Известно, что «хэппи энд» означает «счастливый конец». Возможно, что теперь появится и другое выражение, которое станет символом печального конца, символом распада семьи: «хиппи энд».

Получила занятное письмо от братьев Сергея и Григория Щ. Они просят: «Фамилию нашу лучше не называйте, потому что мы на радостях вели себя как мальчишки из стихов Маршака».

А дело было так: Сергей искал старшую сестру, расстался он с ней, когда ему трех лет не было. Нашлась

не только сестра, а еще брат, к тому же его близнец, которого Сергей совершенно не помнил. Неожиданное появление в семье двух взрослых близнецов, поразительно похожих друг на друга, повлекло за собой немало забавного. Правда, родные быстро научились различать братьев, но люди посторонние нередко попадали впросак. Вот тут близнецы и вели себя как мальчишки. Сергей пришел в парикмахерскую, мастер коротко постриг его. А через несколько минут в то же кресло сел заросший Григорий.

— Позвольте, я же вас только что стриг! — растерялся мастер.

— А я опять зарос, дайте жалобную книгу,— сказал Григорий.

ВСТРЕЧНЫЙ РОЗЫСК

Еще в начале моей работы пришла мне в голову мысль, счастливая и простая. Подсказала мне ее М. К. Лютова-Белецкая, искавшая свою мать.

«Я сама мать двух детей,— писала она,— и хочу узнать: неужели у моей мамы не такая душа и не такое сердце, как у меня, неужели, если она жива, она меня не ищет?»

Конечно, все матери ищут и искали своих детей и, несомненно, обращались в специальные организации. А что, если сверить некоторые наши письма, где есть точные имена и фамилии (например, письмо Лютовой-Белецкой), с заявлениями, поступавшими все эти годы в Бюро розыска? Я решила пойти туда. Кроме всего мне, впервые, неожиданно для себя, занявшейся розыском, было интересно посмотреть, как работают специалисты.

Если нарисовать карту движения хотя бы одного поиска, то из центра пойдут во все стороны десятки, а иногда и сотни извилистых линий. Они устремятся в самые разные и дальние районы страны, а иногда и за ее пределы. Характерно в этом смысле дело № 26225, которое я прочла в Бюро розыска одним из первых. Я открыла обычную канцелярскую папку, где в десятках справок, запросов и ответов, писем и отношений шаг за шагом обнажался разветвленный ход поиска. Приведу хотя бы немногие документы.

«В Исполком Союза обществ Красного Креста
и Красного Полумесяца

Я, матрос Чеботарев Григорий Васильевич, обращаюсь к вам с просьбой помочь мне отыскать моих родителей или узнать, почему я их лишился. Отец — Чеботарев Василий. Мать — Чеботарева Анна.

Я родился в городе Петерсхайн в Германии в 1944 году, 8 марта. Родителей своих не знал и не помню. Все мои попытки узнать что-нибудь о своих родителях пока не дали результатов. Мне посоветовали обратиться в Управление... Гродненской области, где хранятся архивы лагеря № 312. Из ответа Управления видно, что я находился в детском доме на территории Западной Германии, откуда был передан в лагерь № 226, г. Франкфурт-на-Одере.

Убедительно прошу вас помочь мне в розыске моих родителей...»

«Служба розыска Красного Креста
Германской Демократической Республики

Дорогие товарищи!

С просьбой о розыске своих родителей к нам обратился Григорий Чеботарев, который родился в Германии, в городе Петерсхайн, 8 марта 1944 года. В связи с тем, что наш заявитель не имеет никаких сведений о своих родителях, мы обращаемся к вам со следующей просьбой: полагая, что в бюро записей гражданского состояния в Петерсхайн имеется актовая запись о рождении Григория Чеботарева, просим не отказать в любезности выслать нам копию актовой записи, сообщить

все имеющиеся сведения о родителях Григория Чеботарева. Заранее выражаем вам глубокую благодарность за ваше содействие.

Т. Школа, начальник Бюро розыска
Исполкома СОКК и КП СССР»

«Служба розыска Красного Креста
Федеративной Республики Германии, город Гамбург

Уважаемые господа!

К нам с просьбой о розыске своих родителей обратился Чеботарев Григорий, который родился 8 марта 1944 года в городе Петерсхайн, Германия, и по имеющимся у нас сведениям до апреля месяца 1950 года воспитывался в детском приюте в г. Бад-Айблинге... Просим вас принять меры к тому, чтобы установить, кто были родители Григория Чеботарева, и выяснить их судьбу.

Т. Школа, начальник Бюро розыска
Исполкома СОКК и КП СССР»

«Хабаровский край. Город Совгавань, в/ч...
Чеботареву Г. В.

Уважаемый Григорий Васильевич!

Ставим вас в известность, что, к сожалению, ваше рождение не было зарегистрировано в Петерсхайне, в

связи с чем нам не удалось получить сведения о ваших родителях...

Начальник отдела Бюро розыска
Исполкома СОКК и КП СССР
Е. Волкова»

Но через некоторое время в Бюро розыска пришло сообщение из Гамбурга.

«Согласно нашим данным, в 1950 г. в СССР был отправлен ребенок:

Чеботарев Георгий, родившийся третьего марта 1944 года в городе Карлсруэ...

Четырнадцатого-пятнадцатого апреля 1950 года был отправлен из Бад-Айблинга с репатриационным эшелоном через Брауншвейг в СССР.

Сведения о родителях:

Отец: Павел Чеботарев, родился в 1906 г.

Мать — Оксана, урожд. Мороз, гражданство советское, родилась в Полтавском уезде. Брак заключен в 1937 году. Оба работали с 9. II 1942 по 4. IV 1945 г. в Карлсруэ, на германском оружейно-снарядном заводе, и жили в лагере. По сведениям отдела иностранцев в Карлсруэ, супруги Чеботаревы сразу же по окончании войны направились в один из трех лагерей для иностранцев и, вероятно, с одним из первых эшелонов были репатриированы в СССР.

С интересом ждем вашего ответа на вопрос о тождественности.

С совершенным почтением

Стиве»

Я еще раз перечитала ответ из ФРГ; было непонятно — почему же мать Григория Чеботарева названа Оксаной, ведь в запросе говорилось о том, что его мать зовут Анной?

Листаю дальше бесчисленные документы... После того как стало известно, что Чеботаревы вернулись в Советский Союз, их стали искать на Родине. Понятно, что начали с Полтавской области, потому что мать Григория, по сведениям Красного Креста ФРГ, родилась в Полтавском уезде. Прочесали почти всю область, где искали уже не только Анну и Павла, но и Оксану.

Из разных районов области пошли ответы — «не значится», «не числится», «не проживает»,— но широта и последовательность поиска все-таки привели к успеху. Оксану Мороз разыскали, но только оказалось, что она не мать Григория.

Дальнейшая переписка ведется на украинском языке. Оксана Мороз сообщает, что у нее есть сестра Ксения Трофимовна, которая сейчас выехала к сестре Анне Трофимовне в Волгоградскую область в гости. Запрос идет к Анне Мороз, но и она не оказывается матерью Григория. В конце концов выясняется, что он сын Ксении, которая пишет, «щоб вiн їхав, а то дуже скучала, щоб їхав до нас» и что у него есть «рiдна сестричка».

Вновь просматриваю документы, ищу сообщение о встрече Григория с матерью, но не нахожу, а документов еще довольно много.

«Командиру части Советская Гавань...

Просим вас не отказать в любезности сообщить, ку-

да выбыл военнослужащий Чеботарев Григорий Васильевич 1944 года рождения после прохождения срока службы...

Е. Волкова»

«Полтавская область, Новосенжарский р-н
село Довга Пустошь

Уважаемая Ксения Трофимовна!

Разрешите поздравить вас с большой радостью... Ваш сын Чеботарев Григорий, но отчество ему присвоили Васильевич... служит в армии, моряк, в настоящее время находится в плавании, как только он прибудет на место, так ему сразу сообщат ваш адрес.

Высылаем вам его фотокарточки...

Начальник отдела
Е. Волкова»

На этом дело заканчивается, но пока матрос Григорий Чеботарев еще в плавании...

Начитавшись дел, я на следующий день пошла к Евгении Яковлевне Волковой, фамилия которой так часто встречается в материалах поиска. Волкова — подтянутая, деловая, быстрая в движениях и решениях. Я поделилась с ней моими мыслями: хорошо бы сверить некоторые письма, адресованные в «Маяк», с теми заявлениями, которые приходили в Бюро розыска в течение многих лет... Евгения Яковлевна сразу заинтересовалась этой новой возможностью поисков. Быстро и четко сформулировала:

— Вы хотите выявить встречный розыск? Думаю,

что мы сможем помочь вам. Ведь в наших картотеках зарегистрированы все, кто обращался с заявлениями в течение двадцати с лишним лет.

Тут же мы решили попытать счастья, проверить письмо Лютовой-Белецкой, которое я захватила с собой.

Не успели мы войти в картотечный зал, как Евгения Яковлевна выдвинула какой-то ящичек и с ловкостью фокусника из тысячи карточек вытащила одну, с фамилией Лютова.

— Ну вот,— сказала Волкова,— дочь зря боялась, что у ее мамы «не такая душа и не такое сердце». Мать искала ее в тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

Евгения Яковлевна и другие сотрудники охотно согласились помогать радиопередаче. Начальник розыска Тихон Тихонович благословил наш деловой союз (примечательно, что фамилия Тихона Тихоновича — Школа. Организация, которой он руководит, и впрямь настоящая школа для каждого, кто причастен к поискам). Теперь мы стали часть писем отправлять для проверки по картотекам, и вскоре я уже говорила радиослушателям:

«Чудков Виталий Епифанович, я обращаюсь к вам. Вы, может быть, сначала были недовольны: ведь вы меня просили рассказать о вашей сестре Валентине Чудковой по радио, а письмо было передано в Бюро розыска. И, к счастью, там как раз оказались сведения, что в 1958 году, в Пензе, Валентина Чудкова искала брата, но не Виталия, а Виктора. А вот сейчас, после вашего письма в «Маяк», выяснилось, что Виталий и Виктор — одно лицо, то есть вы и есть!

Теперь о другой нашей совместной удаче. В «Маяк» обратился Валерий Борисович Бубенцов. Бывший воспитанник детского дома, он искал родителей. Его письмо тоже было отправлено в Бюро розыска, где имеется самая полная в Советском Союзе картотека воспитанников детских домов. Там и была найдена старая учетная карточка Валерия Бубенцова. В графе «Сведения о родителях» черным по белому было написано: «Отец проживает в городе Сталинграде». Адрес такой-то. Все и выяснилось! Живы отец, бабушка, два брата и сестра Валерия. Так еще одна семья соединилась.

Вера Григорьевна Герцок, мне показалось, что те сведения, которые вы сообщили в письме, дают возможность проверить их по картотеке. И вот выяснилось, что живы и здоровы ваша мать Наголисова Наталия Васильевна и ваша родная сестра Анна Григорьевна...

Виктор Васильевич Гладышев, вы точно помните имена и фамилии вашей матери и трех сестер, поэтому и ваше письмо было передано в Бюро розыска. Оттуда пришла весть, что одна из сестер, Валентина Гладышева, числится в списках бывших воспитанниц детского дома и что она в 1960 году тоже пыталась искать брата. Вот видите, поиск оказался взаимным, мы это называем «встречный розыск»...»

Успех встречного розыска был настолько очевиден, что хотелось все письма, где есть точные данные, а также письма бывших воспитанников детских домов

посылать на проверку по картотекам. Но это невозможно. У сотрудников Бюро розыска (а их всего сорок семь) и своих дел невпроворот. Они и так остаются после работы, чтобы проверять хотя бы часть нашей почты.

Передо мной встала проблема отбора: какое из груды писем послать на проверку, какое из них найдет в картотеке встречные сведения? При выборе часто приходится доверять главным образом собственной интуиции. Такой «идеалистический» метод меня смущал, и я решила узнать, в почете ли интуиция у Петра Павловича Фокина, одного из самых опытных «искателей» Бюро розыска, который ведет наиболее сложные дела. Я спросила его: прибегает ли он в своей работе к интуиции?

— Безусловно, самое основное — интуиция,— ответил Петр Павлович.

Я вздохнула с облегчением.

Из дневника поисков.

Часто в письмах нахожу упоминание о ремесленном училище. «Из детского дома меня направили в ремесленное», «Окончил ремесленное»...

Представление о ремесленниках для меня навсегда связано с войной. И с Уралом.

...Зима. Светает поздно. В темноте белеют сугробы на мостовой. Тротуары засыпаны снегом. Мороз лютый даже для Свердловска. Не мороз, а морозище! Дышать трудно.

В одно такое утро уговорились мы встретиться с Бажовым. Он опекал приехавших писателей-москвичей, обещал пойти со мной в цех, где работали подростки. Свидание было назначено под часами.

Небольшого роста, в длинной шубе, в меховой шапке, надвинутой на лоб, с заиндевевшими бровями и усами, с окладистой бородой, он неторопливо шел мне навстречу. Показался он мне дедом-морозом, неизвестно откуда появившимся среди городских прохожих.

И вот мы в одном из цехов завода, где особенно много подростков, живых, подвижных. Так и кажется, что они вот-вот затеют веселую возню.

Павел Петрович говорит негромко:

— Работают, не щадя себя. Устают.

И показывает глазами на одну из учениц у станка. Еще по дороге он рассказал мне, что у нее заболели руки и сменный мастер предложил ей перейти на более

легкую работу. А четырнадцатилетняя Груня чуть не расплакалась.

Я удивилась, когда Павел Петрович, без тени улыбки, назвал паренька лет тринадцати Алексеем Ивановичем. Оказалось, что Бажов, узнав о мальчике, перевыполнявшем норму, стал величать его по отчеству.

Теперь-то мы привыкли, что на заводах ребят, которые хорошо работают, зовут Сергеевичами, Петровичами. Но впервые такое уважительное обращение к подростку я услышала из уст Бажова и уверена, что пошло это с его легкой руки.

Вот у меня уже появился «последний в очереди». Он пишет: «Поставьте меня в конец, пусть я буду последним на объявление розыска... я ведь понимаю, что другим много труднее, чем мне...»

Как бы я хотела, чтобы он был действительно последним, чтобы поиски завершились и все, кого можно найти, были бы найдены. Но пока об этом могу только мечтать.

Странное дело,— название передачи «Найти человека» оказалось гораздо более емким, чем я себе представляла.

Вначале оно звучало для меня как чисто деловое, объясняющее цель передачи — найти определенного человека, потерянного родными во время войны. Но когда почта и не приносит конкретных «находок», они все-таки есть. Сколько хороших людей нахожу я, открываю для себя. В одном из писем прочла:

«По вашему совету, написала все, что помню, Ивановой В. Ф., которая ищет дочь, и послала свою фотокарточку. Она ответила, что как ни жаль, но я ей не дочь...

...Иванова В. Ф. приглашает меня к себе и советует мне поискать родных в Ленинграде».

Никогда я не видела Иванову В. Ф. , но уверена, что еще один хороший человек живет на ленинградской земле...

Как только немцы вошли в деревню, шестнадцатилетняя Нюра Рюмина сказала бабушке и младшему брату (которого она теперь разыскивает):

— При фашистах не останусь, так и знайте. Уйду к партизанам.

Письмо ее долго не выходило у меня из головы не только потому, что она с необычайной наблюдательностью описала и зимний лес, по которому когда-то пробиралась ночью, совсем одна, и жизнь партизанского отряда, полную опасности. Меня поразил сильный характер Нюры. Она во что бы то ни стало хотела быть разведчицей и день за днем настойчиво добивалась своего.

Ее письмо я прочла одному из моих друзей. Он сказал:

— Замечательная дивчина была. И все тут правда, я-то знаю, воевал в тех местах.

Тогда мне захотелось прочесть ее письмо совсем молодым, нынешним шестнадцатилетним, и посмотреть, как они его воспримут.

Два моих соседа, десятиклассники, выслушали рас-

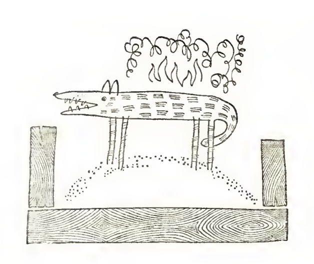
сказ бывшей разведчицы внимательно, заинтересованно, но их волнения я не ощутила.

«Суховатые парни»,— решила я. Но тут же вспомнила студентку-первокурсницу, которая в ответ на упрек матери, что она выросла сухой, безразличной, сказала:

— Не все переживания надо обязательно обсуждать вслух, можно что-то оставить и для себя.

Я все ждала, вернутся ли мои десятиклассники к письму бывшей партизанки. Нет, разговор перешел на другую тему.

Видимо, они тоже что-то оставили для себя.

ДЕСЯТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Владимира Анатольевича Лисецкого

«...Помогите, пожалуйста, в моих розысках, так как я уже отчаялся, что когда-нибудь смогу хоть что-нибудь узнать о своих родных. У меня сохранилась метрика № 204825, выданная Будаевским бюро загса в том, что первого апреля 1936 года у Лисецкого Анатолия Петровича и Сушкевич Оксаны Давыдовны родился сын Владимир. На обратной стороне метрики есть интересные пометки: в одном углу круглая печать: «Профспілка робітників МТС — Робітком Київ-

ської МТС». Печать эта под резолюцией: «Бух. Оплатите на кормление двадцать руб. и уход тридцать два руб., всего пятьдесят два рубля. 2. V.36 г.» И другая подпись: «Выдан ордер на 50... (непонятный значок) и заверена прямоугольным штампом... Завком «Ленкузня».

Разыскал я бывшую Будаевку (ныне г. Боярка, под Киевом) и послал туда запрос. Ответили, что архивы не сохранились, фамилии Лисецкий в городе нет, а Сушкевич живут, но моей матери Оксаны Давыдовны никто не помнит.

В архивах Киевского завода «Ленкузня» будто бы, как мне сообщили одни знакомые, сохранились какие-то данные, что моя мать работала там перед войной несколько месяцев уборщицей.

Родителей я не помню совершенно, хотя по метрике мне было лет пять, когда началась война... Помню, мы жили с детским садиком на даче под Киевом. в Буге. Помню гул самолетов утром в воскресенье двадцать второго июня, я еще подумал, что это гудят тракторы. Помню, как детсадик эвакуировали — старшие дети шли пешком по песчаной дороге, к станции, через лес. Малышей везли на подводе. Затем нас погрузили в поезд, в нем было всего два пассажирских вагона, затем была платформа с зениткой, и дальше шли товарные вагоны. Мы поехали, но вскоре началась бомбежка, поезд остановился, и нас всех потащили в лес. Когда вернулись в поезд, то оказалось, что уцелели только два пассажирских вагона. Вместе с нами ехали ребятишки из другого, Чернобыльского детсадика. Это я хорошо запомнил еще и потому, что очень сдружился с мальчиком из Чернобыля, с Колей Кази-

миренко. С ним мы не расстаемся до сих пор — вместе были в спецдоме во Львове после возвращения из эвакуации. Затем вместе учились в Ужгороде, в ремесленном училище, одновременно ушли в армию.

Странно, что Коля Казимиренко, который по документам из Чернобыля, хорошо помнит наш детсад в Буге (он на год моложе меня). Несколько лет назад он побывал в Буге и нашел этот детсад, показал нянечке, где стояла его кроватка и где была вырыта щель, в которой нас кормили манной кашей во время тревоги. Коля тоже хорошо помнит начало войны: ему приснился сон, что в саду, в песочнице, горит волк. Едва одевшись, кое-как, он тут же побежал в сад посмотреть, горел ли в песочнице волк в самом деле. Но там волка не оказалось. Зато гудели в небе самолеты и плакали нянечки: «Война, война началась!»

Я вспоминаю все так подробно потому, что меня иногда берет сомнение: а по своим ли документам живу я? Почему более молодой Коля больше меня помнит? Почему он, чернобылец, помнит Бугу? И еще потому, что мне никогда не хотели давать моих лет, давая лет на пять меньше. Но и это абсурд, так как тогда пришлось бы признать, что я чуть ли не четырнадцати лет пошел в армию... Сейчас я учусь на вечернем отделении Ужгородского университета и работаю столяром на фанерно-мебельном комбинате. Жена Наташа в этом году окончила химфак. Недавно у нас родился сын Андрей, мы его очень любим и думаем, как это страшно — потерять сына. Вот отчасти и поэтому сейчас с новой силой так захотелось отыскать родных или хотя бы узнать о них что-нибудь... И если вы можете нам помочь в этом — помогите...»

Из второго письма В. А. Лисецкого

«Спешу поделиться с вами огромной радостью: благодаря передаче «Маяка», нашелся мой родной брат Виктор Лисецкий! И хоть у нас не совсем сходится отчество — он Антонович, а я Анатольевич,— у всех, кто видел нас вместе, не оставалось и тени сомнения, что мы родные братья, так мы с ним похожи. Он родился в 1939 году, воспитывался тоже в детдоме (сперва в селе Плютенце, возле г. Белая Церковь, позже в Умани) и никого из родных не помнит. Метрики у него не сохранились...

Велика наша с Виктором радость. Но остается еще много неясного в нашей с ним истории, главное же — что случилось с родителями? Живы ли они? Нет ли у нас еще братьев и сестер? Почему я ничего не помню о младшем брате? Ведь мне было три года, когда родился Виктор. Почему он оказался во время войны в Плютенцах, а я в детском саду в Буге? Все это мы будем теперь выяснять вместе с ним.

Виктор живет в Луганской области, работает проходчиком в шахте. Узнав мой адрес, после вашей передачи, Виктор написал мне письмо, но заочно мы никак не могли убедиться, родственники ли мы. И вот он приехал ко мне, познакомились, и оказалось, что мы братья».

Иное письмо прочтешь и чувствуешь — тут можно отыскать человека. Таково первое письмо Владимира Лисецкого, где есть воспоминания, и факты, и точная фамилия. Человек в самом деле отыскался. Но воспоминания на этот раз не могли помочь,— то, что помнил

Владимир, не сохранилось в памяти Виктора. Не помогла и метрика с пометками на обороте, потому что у Виктора Лисецкого метрика вообще не сохранилась. Единственным доказательством родства оказалась фамилия — Лисецкий. Но одной фамилии мало, однофамильцев тысячи! Не случайно паспортные столы не приступают к розыску, если нет имени, отчества, возраста тех, кого ищут, а известна одна только фамилия.

Но, увидев друг друга, Владимир и Виктор убедились в том, что они братья: «У всех, кто видел нас вместе, не оставалось и тени сомнения, так мы с ним похожи». Значит, решающую роль в данном случае сыграло сходство. Конечно, я не помышляю о том, чтобы вдаваться в проблемы генетики, но о сходстве как об одном из подтверждений в розыске задумывалась не раз.

Вспоминаю такой случай.

В 1944 году под Москвой, совсем рядом с железнодорожной платформой, мать двух мальчиков копала грядки. Время было военное, и каждый клочок земли копали под картошку. Мальчики играли тут же, возле матери. Прошла электричка в Москву. Когда мать невзначай оглянулась, четырехлетнего Юры не было, он исчез. Вернее всего, мальчик каким-то образом очутился в поезде и уехал. Тщетно искала его мать, и только теперь, после передачи по радио, через двадцать два года, получила письмо и фотографию Юры маленького. «Я как посмотрела на карточку, на меня глядит мой сын, я просто не могла оторвать от фото взгляда».

Прислал эту свою детскую фотографию теперь уже взрослый Юра, воспитанный в другой семье. Мать и

сын встретились. «Очень трудно да и невозможно описать нашу встречу с Юрой... А как Юра был рад...»

Казалось бы, все хорошо: мать узнала на снимке своего маленького сына и, увидев его взрослым, в первую минуту была счастлива. Он стал называть ее «мама», но полной радости в семье не было. Прошло немного времени, и в душе матери появились сомнения. То ей думалось, что ее сын похож на детскую карточку, то она переставала видеть сходство. Возникли сомнения и у сестры Юрия: «Если Юра мой брат, то почему он не похож ни на меня, ни на моих родных? Вот если бы он был похож...»

Но мы ведь знаем, что похожими друг на друга могут быть совсем чужие люди, и, наоборот, кровно родные иногда бывают совершенно не похожими. Неправы обе женщины: мать, которая на основании одного только сходства уверовала в родство, и сестра, отрицающая родство именно из-за отсутствия сходства.

Опыт показывает: как дополнительный довод сходство может сыграть решающую роль (у Лисецких — фамилия плюс сходство). Но оно одно не может служить неопровержимым доказательством родства. Сомнения всегда останутся.

Из дневника поисков.

На этот раз в конверт вложен не рубль, а три рубля. Прислали их мне ученики второго класса Свердловской школы, Кустанайской области:

«Мы к вам с большой просьбой. На деньги, которые мы вложили в письмо, купите венок и возложите на могилу Неизвестного солдата. Если венок на эти деньги не купить, купите букет живых цветов и возложите».

Это очень хорошо, это прекрасно, что дети из далекой Кустанайской области шлют свои горячие чувства Неизвестному солдату.

Теперь на могиле его лежит венок, купленный на детские деньги.

Своеобразным мемориалом стал наш Александровский сад. Нет такого дня, чтобы по его широкой аллее не тянулась нескончаемая очередь людей, сосредоточенных, притихших. Многие из них с цветами, венками... Люди идут туда, где возле Кремлевской стены, в мраморных плитах, отражается огонь, который никогда не погаснет. Тут словно преддверие Красной площади. Прямо отсюда людской поток движется дальше и, огибая Кремлевскую стену, устремляется к Мавзолею Ленина.

«Я считаю, что каждый советский человек должен найти хоть одному человеку мать, брата, сестру, потерянных в годы войны.

Бондаренко В. И.»

Я прочла эти строчки и, по правде говоря, улыбнулась: к счастью, не половина же всего населения потерялась, и нет необходимости каждому советскому человеку заниматься поисками. Но само по себе такое преувеличение отрадно. Василий Иванович Бондаренко уверен, что помочь человеку — нравственный долг каждого. Он так и пишет: «Каждый советский человек должен найти...»

Неощутимо входят в нашу жизнь черты новой нравственности. Порой мы их даже не замечаем. Но бывают минуты, когда эти черты выступают особенно явственно.

Несколько лет назад была я в Японии. К нашей туристской группе в Осаке и Кобе и в небольших городках подходили женщины в кимоно и, низко, по-японски, касаясь ладонями своих колен, кланялись нам. Переводчик объяснил: они благодарят вас за присланную в Японию вакцину против полиомиелита, говорят, что это невиданное благородство, никто, кроме Советского Союза, не пришел к ним на помощь.

Мы понимающе переглянулись: японским женщинам кажется невиданным благородством то, что для нашей страны давно стало нормой отношений.

Только теперь, занимаясь поисками, я узнала о самоотверженности многих воспитательниц детских домов. В ту ночь, когда гитлеровцы, выхватывая из-под спящих детей соломенные тюфяки, подожгли детский дом, Александра Петровна Морозова спасла пятьдесят шесть детей мал мала меньше. И прежде всего она бро-

силась к слепому Толе, хотя здесь же был и ее маленький сын.

Детдомовские няни, привязавшись к какому-нибудь ребенку, часто забирали его себе. И забирали-то они не самых привлекательных детей, а, наоборот, болезненных, нуждающихся в заботе.

Продолжаю получать советы от водителей такси,— они усердные радиослушатели. Один из них заинтересованно пишет: «Не назначайте вашу передачу в те же часы, когда футбол передают. Сами понимаете — футбол».

Конечно, понимаю — футбол!..

ТАМАРА И ЕЕ МАТЬ

Однажды Борис Леонидович Пастернак с тревогой сказал мне о женщине, похоронившей прекрасного юношу сына:

— Лишь бы вместе с горем не пришло к ней ожесточение.

Да, ко многим, очень ко многим могло бы прийти ожесточение вместе с горем, принесенным войной. Но не пришло, к счастью, не пришло.

«Знаю, что мой-то сын никогда не вернется, не войдет в дом, но радуюсь встрече матери Коноваловой с ее сыном Владимиром.

Мать Дементьева Н. А.»

«...Где могила сына, не знаю. Слушая тебя, плачу, ведь какое счастье вернуть из неизвестности человека!

А. М. Варзинская»

«В войну утеряла обоих сыновей... Материнский поклон всем, кто помогает разыскивать живых...

Залесская Н. А.»

Ко многим, очень ко многим могло прийти ожесточение вместе с горем войны. Но матери остались великодушными.

А дети войны? Все они выросли в атмосфере ненависти к врагу, многие — в переполненных детских домах, без семьи. Нелегко было воспитать в них доброту, великодушие. Письма в передачу «Найти человека»,

тысячи писем, с реальными именами и фамилиями, с обратным адресом, убеждают, что детям военных лет чувства эти были привиты.

Тамара Ивлева[1] прислала мне пожелтевший от времени документ со штампом и печатью шестого отделения милиции.

Двадцать один год назад начальник шестого отделения милиции Москвы сообщил в Даниловский детский приемник: «Направляем в ваше распоряжение заблудившуюся девочку пяти лет, назвавшую себя Тамара Сергеевна. Местожительства точно не знает, показать не может. Девочка была доставлена из метро «Дворец Советов». В течение двух суток родители не явились. Несовершеннолетняя одета в ватное, коричневого цвета пальто с котиковым воротником, зеленый капор и такого же цвета муфточку с меховой отделкой. На ногах белые пушистые валенки».

К этому документу Тамара добавила ряд подробностей:

«Я помню, когда мы пришли в метро, мама попросила одну тетю посмотреть за мной, а сама вернулась за деньгами. Жили мы где-то недалеко, в особняке. Папа был на фронте. Когда мама ушла из метро и не возвратилась, я правильно назвала себя Тамара Сергеевна, знала, что папу звали Сергей...»

Что мне показалось странным в этой давней истории? Девочка осталась одна, никто за ней не пришел, ее не искали ни в милиции, ни в детском приемнике. Допустим, могло случиться, что мать Тамары, выйдя

[1] Фамилия изменена.

из метро, попала в бомбежку и погибла,— ведь шла война. Но кто-то из москвичей должен был знать семью Ивлевых! Ведь, по словам Тамары, она с матерью жила в Москве, в особняке, недалеко от станции метро «Дворец Советов».

Поэтому, когда Тамара попросила найти ее родных, я подумала, что можно рассчитывать на удачу, и обратилась по радио к москвичам с призывом откликнуться. И в самом деле вскоре пришел отклик. Двоюродная сестра Тамары сообщила, что Тамарина мать жива и что Ивлевы жили не в Москве, а в Московской области. Очевидно, в воображении девочки сельский домик превратился в московский особняк. В подмосковном селе прямо в трубу дома Ивлевых попал фашистский снаряд. От большой семьи почти никого не осталось. Родителей и брата матери убило на месте, сестра, тяжелораненная, умерла. Тамару мать успела вытащить из огня. Позднее она решила отдать дочку в детский дом. Но туда ее почему-то не приняли. Тогда соседка посоветовала: «Ты поезжай в Москву и оставь ее в метро». Так она и сделала. Значит, по совету соседки она, попросту говоря, бросила девочку.

Не берусь судить о том, что могло привести мать к такому чудовищному решению. Невольно думаешь — как же так? Годами, без устали, тысячи матерей разыскивают потерянных детей, просят — найдите сына, помогите найти дочь! Мало того — чужих детей во время войны брали к себе тысячи женщин, усыновляли, растили, выхаживали. Многие женщины, никогда не бывшие воспитательницами, пошли работать в детские дома. Они пытались создать детям хотя бы иллюзию семьи.

А тут мать сама оставляет, бросает своего собственного ребенка! Быть может, она была, как говорится, «не в себе» после того, как на ее глазах погибли ее родители, брат, сестра? Но если даже так, почему же она позднее не кинулась искать девочку? Понять невозможно.

Трагично всю жизнь думать о матери и найти ее для того, чтобы узнать, что она тебя бросила, да еще в тяжелый год войны. Кто бы мог ожидать, что Тамара, узнав всю правду, все-таки захочет увидеть мать?

Но Тамара не только захотела поехать к матери, а даже пыталась найти ей оправдания. Вот как она рассказывала об их встрече: «Мама была дома, когда я вошла. Она бросилась ко мне и долго не могла оторвать своих рук от моих плеч. Мы с ней обе до глубины души были потрясены. Потом она мне показала, где мы с ней скрывались во время бомбежки. Она меня оставляла жить у себя».

Конечно, чувство горечи у Тамары осталось:

«Прекрасно знаю, что она поступила со мной не по-матерински. Кто бы так поступил? Но я ее простила».

Простила матери ее предательство. Откуда у Тамары, выросшей в детском доме, нашлось столько великодушия? Видимо, как раз в детском доме ей и повезло, она попала именно к тем людям, которые, вопреки жестокости войны, стремились воспитать в детях настоящую человечность.

И человечность девушки обернулась великодушием даже в обстоятельствах столь острых и необычных. На мой взгляд, мать не заслуживала прощенья. Но как дорого благородство дочери!

Поиск кончился, писем от Тамары я больше не ждала. Но пришло еще одно письмо от нее. Не похожее на прежние, оживленное, полное новых переживаний:

«Оказалось, у меня очень много родных, даже есть прабабушка и прадедушка. Я уже побывала у двух двоюродных сестер, но еще не была у родного дяди и у родной тети. Многих не видела, но обязательно увижу. Как все-таки в жизни удивительно получается, через двадцать один год может произойти такая встреча».

ПЯТЕРО ИЗ ЭЛЕКТРИЧКИ

О Лиде Ворониной, Оле Авдеевой, Нине Авдохиной, Наташе Крутовой, Кате Сграблевой

Их пятеро. Я их всегда себе представляю едущими в электричке. Может быть, потому, что на вопросы они чаще всего отвечают так: в электричке.

— Где вы подружились, девочки?

— В электричке.

— Когда вы успеваете читать книги?

— В электричке.

Они читают, листают учебники по пищевой промышленности, увлеченно болтают, смеются — все в электричке.

Наговорившись, насмеявшись вдоволь, девочки затихают и достают из своих пузатых портфелей письма. С кем они переписываются? С подружками? А может быть, с другом? Ведь каждой из них уже шестнадцать. Но для личной переписки, пожалуй, писем многовато, и к тому же лирические послания не прикрепляют к конвертам железными скрепками. Можно подумать, что эти девочки-практикантки будущие журналистки. Но тогда почему у них учебники по пищевой промышленности?

Рядом с учебниками еженедельно в пять портфелей ложатся триста писем, триста горестных писем, по шестьдесят на каждую девочку. Смешливые девочки и грустные письма — непривычное сочетание.

И тем не менее вот уже два года подряд эти девчонки по своей охоте занимаются невеселым делом —

помогают отвечать на письма тех, кто ищет своих близких.

Не пустое любопытство к чужим судьбам, а сочувствие к таким же, как они, молодым, почти сверстникам, понимание их горя — вот в чем секрет добровольной работы девочек. Все свои каникулы они однажды провели в Радиокомитете. С утра до вечера, как штатные сотрудники, сидели над письмами. В каникулы, когда не надо было ездить в техникум в Москву, можно было наконец отдохнуть от электрички. Но все пятеро каждое утро садились в вагон и снова, чтобы не терять времени, углублялись в чтение писем. А если попадалось сложное письмо, одна из девочек читала его вслух подругам, и тогда весь вагон втягивался в обсуждение чьей-то трудной судьбы.

ЕЩЕ ОДИН НЕИЗВЕСТНЫЙ

Снова появился у нас Неизвестный — самый настойчивый из всех. Он прислал мне не одно письмо, а целых пять и предупредил, что готов написать еще десять, если пяти недостаточно. Видимо, не хватало у него терпения ждать, пока начнется розыск его родных. Но я была тверда и все-таки не нарушила очередности, потому что позволяю это себе только в особых случаях. Когда пришло время объявить розыск родных Анатолия Неизвестного, я уже наизусть знала, что у него было пять сестер — Груша, Лиза, Лена, Люба, Тамара — и два брата — Михаил и Валерий — и что фамилия его отца Витев. Знала, что деревню, название которой Анатолий забыл, захватили фашисты. Люди бежали в леса, прятались в погребах. Однажды в избу, где жил маленький Толя, вошел немец и привел с собой лошадь, прямо в дом, лошадь провалилась под пол почти по грудь. После того как немцев прогнали, Толя с сестрой Лизой поехали в Москву, и там на Белорусском вокзале он залез под скамейку и заснул. Разбудил его милиционер, спросил имя, фамилию. Мальчик растерялся, не смог назвать себя. В детском приемнике записали: Неизвестный Анатолий.

Случай этот показался мне нетрудным, ведь тут были и точные данные (фамилия отца, имена братьев и сестер), были и воспоминания. После передачи стала я ждать откликов — уже привыкла к тому, что из разных городов самые разные люди считают своим долгом сообщить все, что может помочь поиску. На этот раз фамилия Витев могла быть кому-то известна. И о том,

как фашист привел лошадь прямо в избу, тоже, конечно, не забыли жители деревни, где это произошло. На них-то я особенно рассчитывала.

Против ожидания, появился один-единственный отклик: адрес Неизвестного запросили из какой-то деревни,— но оттуда никаких вестей больше не последовало. И вдруг звонит мне москвичка Матрена Владимировна Жонная, рассказывает:

— Включаю приемник — слышу, вы называете знакомую фамилию — Витев. А это и не фамилия вовсе! Прозвище было такое у Алексея Лялюшка, товарища моего отца, в деревне Попелевка, где я выросла. Он в разговоре любил повторять: «вить», «вить»,— так и прозвали его Витев. Было у него пять дочерей и три сына. Младший — Толя! Где сейчас сестры, мне неизвестно, а вот Валерий погиб на фронте.

Так я узнала, что настоящая фамилия Анатолия не Неизвестный и не Витев, а Лялюшка. Но куда же девалась вся его многочисленная родня? Все-таки досадно, что так и не откликнулся никто из деревни Попелевка, там должны быть какие-то следы этой большой семьи... Значит, не слышали в Попелевке передачу.

Решила я объявить вторично поиск родных, но уже не Неизвестного, а Лялюшка. Наутро после передачи зазвонил телефон из Подмосковья, раздался мужской голос:

— Мы тут с женой вместе, она родная сестра Толи Лялюшка.

— Дайте ей скорей трубку,— попросила я.

— Она не может говорить, извините.

— Не может? Почему?

— Плачет! Она пятый день плачет от радости, мы ведь сами Толю сколько лет ищем...

— Постойте, тут что-то не так! Почему же его сестра плачет пятый день, когда я только вчера вечером назвала фамилию Лялюшка?

— А нам еще раньше земляки сообщили, они и прислали нам адрес Анатолия. Мы уж с ним списались, он в Москву выехал.

Значит, Попелевка все же слышала первую передачу и тут же развила бурную деятельность. В деревне был известен адрес тетки Анатолия, у нее запросили адреса Толиных сестер и тут же дали им знать, что нашелся их брат. А ему послали длинное письмо с адресами всех его родных.

Не обманули моих надежд земляки Анатолия! Больше того — они решили сами все распутать, а написать в «Маяк» уже после встречи Анатолия с родными. Но, услыхав мое повторное выступление, они кинулись успокаивать меня:

«Я своими ушами, в Харькове, слышала ваше повторное объявление о розыске Толиных родных. Я родная тетя Толи, сестра его отца. Толя все знает, вскорости мы с ним встретимся... Спешу успокоить вас...»

Из дневника поисков.

Шла через лес, в соседнюю деревню. Смотрю, на опушке мальчик лет шести собирает ранние весенние цветы, мелкие, желто-лиловые. Не знаю, как они называются, похожи на иван-да-марью.

— Цветы собирать — занятие для девчонок,— сказал мне как-то один паренек, примерно такого же возраста. А этот рвал цветы деловито, озабоченно. Потом, зажав их в руке, подбежал к покосившейся пирамидке с пятиконечной звездой. И сама пирамидка, и бугорок, над которым она стояла, так сильно заросли травой, что я их даже не заметила. Мальчик остановился, словно подражая кому-то, выпрямился, снял с головы свою белую полотняную панамку и только тогда положил на траву цветы. Наверно, он видел, как взрослые мужчины, подходя к могиле, обнажают голову.

«Кто же у него тут похоронен?» — удивилась я и окликнула мальчика:

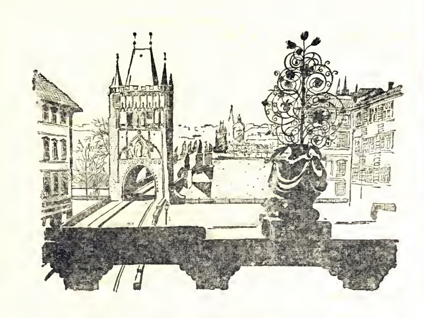
— Как тебя зовут?

— Коля,— ответил он, убегая.

С трудом я разобрала стершуюся надпись на пирамидке — о том, что здесь похоронен молодой воин, погибший в бою под Москвой. Этого воина, отдавшего жизнь Родине в 1941 году, шестилетний Коля, ко-

нечно, знать не мог. Какие же чувства побудили его прийти сюда, к могиле солдата, и снять перед ним свою детскую панамку? Думаю, что это и есть неосознанное чувство патриотизма и самое первое проявление его.

ОДИННАДЦАТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Александра Семеновича Гундорова, председателя Славянского комитета СССР

«...Славянский комитет СССР получил письмо из Чехословакии, от Зузанны Остролуцкой, в котором она просит разыскать людей, скрывавшихся у нее от немецких захватчиков во время Великой Отечественной войны... В связи с тем, что вы всегда помогали людям

найти друг друга и имеете в этом большой опыт, убедительно прошу вас помочь розыску упоминаемых в письме лиц».

Из письма Зузанны Остролуцкой

«...В осенние месяцы 1944 года, при подавлении словацкого народного восстания, из деревни Очова, округа Эволен, в деревню Грохоть, округа Банска-Бистрица, пришли советские граждане. По воспоминаниям, это были люди в военной форме и в гражданской одежде. Среди них была также и Маргарита Лебедева, которой было приблизительно лет восемнадцать-девятнадцать.

Речь идет о красивой интеллигентной женщине, у которой был маленький, трехмесячный ребенок (девочка), по имени Жанна. Девочка Жанна родилась третьего июля 1944 года в г. Перемышль в Польше, который находится недалеко от границы с Чехословакией. Когда началось выступление против немцев, Маргарита Лебедева оказалась, как я уже сказала выше, в деревне Грохоть. Вместе с Маргаритой Лебедевой в Грохоть пришла также и ее мать, Жанна Лебедева,— ей было около шестидесяти лет,— которая занималась маленькой Жанной (внучкой).

Когда Маргарита Лебедева должна была из деревни Грохоть уйти, чтобы выполнить возложенное на нее поручение, то она не могла взять с собой ни дочку Жанну, ни мать Жанну Лебедеву. Поэтому их обеих взяла я и скрывала их в своем доме в деревне Грохоть. Немцы подозревали, что я прячу в своем доме совет-

ских граждан, и начали меня преследовать. Поэтому я заявила, что маленькая Жанна моя дочь, а ее бабушка — моя родственница. Чтобы сберечь жизнь Жанны и ее бабушки, я решила окрестить девочку в церкви деревни Грохоть, где она и была крещена 4 апреля 1945 года и наречена именем Жанна. Возможно, что на родине ее зовут Яна.

Жанна Лебедева с внучкой Жанной скрывались у меня в деревне Грохоть в течение семи месяцев — до 15 апреля 1945 года, когда они обе были увезены от меня советским офицером, но куда они потом были увезены, я не знаю.

Маргарита Лебедева для выполнения своего задания должна была находиться в г. Прешов, где как будто бы должна была работать официанткой (подавальщицей) в каком-то кабачке... Здесь ее как будто поймали немцы и отвезли в Банску-Бистрицу. Из Банской-Бистрицы Маргарите Лебедевой удалось бежать от немцев. Поэтому она опять появилась в д. Грохоть, чтобы проведать свою дочку Жанну, и была у меня. Здесь она пробыла три дня, после чего вновь вернулась в Банску-Бистрицу, где должна была скрываться у граждан Мангуланов.

Насколько мне удалось установить, ее семья была из Днепропетровска.

Уважаемые товарищи, я знаю, что ваша работа, связанная со всем этим, очень сложная и трудная, но надеюсь, что содержание моего письма много объяснит и облегчит вам поиски тех людей, о которых я всегда вспоминаю с благодарностью за наше освобождение.

Заранее благодарю за положительное разрешение моей просьбы.

С наилучшими пожеланиями «За прочный мир!».

Из передачи «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА»

Я исполнила просьбу Славянского комитета, объявила розыск Жанны Лебедевой. Хотя она и не родная дочь Зузанны Остролуцкой, а наша передача ведет розыск только родных, в данном случае чешская женщина поступила как истинная мать: рискуя собственной жизнью для спасения девочки, она ее фактически удочерила.

И вот удача. В руках у меня такое письмо:

«Мне сообщили, что вы разыскиваете Лебедеву Маргариту, у которой дочь Жанна 1944 года рождения. Я родилась в 1944 году, в июле, в Словакии. В октябре партизанское соединение, где была моя мать, вышло на соединение с регулярными частями Красной Армии. Меня оставили в Грохоте, в чехословацкой семье, в которой тоже был грудной ребенок. Женщина, приютившая меня, окрестила меня в католическую веру, чтобы немцам не бросилось в глаза, что скрывают русского ребенка. Через несколько месяцев меня у нее забрали. После этого мать не видела женщину, спасшую мне жизнь. Моя мать, бывшая партизанка, Лебедева Маргарита Валентиновна, сейчас живет в Запорожье.

Жанна Васильевна Карнаух»

Соединилась я по телефону с Запорожьем, говорила с Жанной. И вот что узнала дополнительно: парти-

заны продвинулись через Банску-Бистрицу, где маленькую Жанну оставили у Зузанны Остролуцкой, а сами ушли в горы. Через два месяца мать добралась поздно вечером к Зузанне. Но оставаться у нее было опасно, и чешская женщина помогла партизанке Лебедевой добраться до других хороших людей, где ее приютили в подполье. Весной фронт начал продвигаться дальше, и вместе с ним ушла и Маргарита Лебедева. Девочку взяли позднее, когда мать встретилась с мужем, командиром сборно-справочного пункта; в 1946 году они все вернулись на Родину.

На мою просьбу рассказать о себе Жанна ответила:

«Биография моя ничем не примечательна. Училась в школе и техникуме, с 1960 года живу в Запорожье, работаю в парикмахерской дамским мастером, очень люблю свою работу. У меня есть муж и сын, ему четыре года. Фамилия моя теперь Карнаух. Сердечно поздравляю с наступившим Новым годом...»

Все, что мне стало известно о Жанне Лебедевой-Карнаух, я сообщила Зузанне Остролуцкой.

Желание чешской женщины встретиться с советской девочкой, которую она спасла (девочка, разумеется, давно стала взрослой), не исключение в наше время. Часто мы узнаем о встрече людей, спасавших друг друга в общей борьбе против фашизма. Прежде всего это высокая гражданская дружба. Но не только она. Думаю, что здесь играет роль и личное тяготение. Если по законам зла преступника тянет на место преступления, то, вероятно, по законам добра человека, рисковавшего своей жизнью ради другого, влечет к тому, кого он спас.

ПАМЯТЬ В ДЕЙСТВИИ

Само собой разумеется, чем длиннее нить воспоминаний, тем легче поиски. Но бывает, что удача приходит не только по длинной нити воспоминаний, а по одной-двум картинам, выхваченным детской памятью.

В длинном письме Зинаиды Урбаевой мне показались ценными в этом смысле только два эпизода.

Эпизод с тачкой: «Помню, как мы переезжали. Все вещи уложили в тачку, потом и меня посадили на тачку, так как я была маленькая. А мама с братом повезли».

Эпизод с граблями: «У меня на правом виске шрам. Мы с братом лазили по скирдам, и я упала на грабли. Только по этому шраму мать и может меня найти, потому что фамилию мне дали в детском доме, а также имя и отчество».

Могла ли думать девочка, когда грабли так больно стукнули ее по виску, что через много лет она скажет им спасибо? Благодаря им пришла такая весть от Таисии Алпатьевой:

«Урбаева Зина — это и есть наша сестра Люба, с которой мы расстались под самую войну... Мы были оккупированы немцами, нас с братом тогда хотели расстрелять, били... У меня до сих пор шрам тоже остался под левой лопаткой».

Слова «У меня шрам тоже остался» говорят о том, что Зину, то есть, как теперь оказалось, Любу, нашли именно по эпизоду с граблями.

Николай Морин мало что помнил о себе, только имена брата и сестры да ссору из-за яблока.

«Я нашел в саду большое яблоко, а брат меня попросил дать попробовать кусочек с краешка и с серединки. Я дал и гляжу — он все яблоко съел да еще смеется надо мной».

После передачи брат Морина нашелся,— как видно, узнал себя в рассказе про яблоко.

Яблоко раздора в греческой мифологии, как известно, рассорило трех богинь. В нашем случае яблоко раздора не рассорило, а соединило двух братьев и сестру.

От В. И. Андоновой (живущей сейчас в Болгарии) пришла просьба найти брата Геннадия Мальченко. Пропал в 1944 году в Донбассе, в селе Доброполье, где он жил с бабушкой. Отец был на фронте, а мама с сестрой находились в Димитрове. Гена — ему было семь лет — соскучился по маме и спросил, как к ней пройти. Бабушка сказала в шутку, что надо идти по железнодорожным путям. Он и пошел. Взял с собой собачку, вышел на улицу и домой не вернулся. Когда его начали искать, многие люди говорили, что видели мальчика с собачкой, но следы его как в воду канули.

Двадцать три года спустя я попросила по радио всех, кто знает что-нибудь о его судьбе, сообщить в «Маяк». Пришло письмо от него самого:

«Пишет вам до сих пор незнакомый вам, но которого вы разыскиваете, Геннадий Иванович Мальченко. Не знаю, может, это и не меня ищут, может быть, есть еще один или несколько Мальченко Геннадий Ивановичей. Мало ли однофамильцев бывает? Но что касает-

ся меня, как только я встречу однофамильца, у меня начинает учащенно биться сердце. Когда я пришел на обеденный перерыв, Катюша, моя жена, мне рассказала, что ищут Г. И. Мальченко. Я сначала этому только посмеялся, но на работе ко мне подошел товарищ по строительству Братской ГЭС и тоже рассказал уже более подробно обо всей передаче. Самое главное — это то, что я действительно ушел из дома с собачкой. Это был в то время мой самый верный, самый ласковый друг, звали его Шарик».

На сей раз службу сослужил Шарик, которого запомнили и мальчик и бабушка.

В письмах, иногда многословных и сбивчивых, важно найти то главное детское впечатление, которое не могло не остаться в памяти близких.

Правда, у иных желание увидеть своих родных так велико, что они сами себя вводят в заблуждение: один товарищ уверяет, что отлично помнит мать, подробно описывает даже ее походку. И тут же выясняется, что, когда он расстался с матерью, ему было год восемь месяцев.

Моя забота в том и заключается, чтобы разобраться во всем, когда я готовлюсь к передаче.

Из дневника поисков.

От бомбы, сброшенной на Хиросиму, люди до сих пор умирают. Они были обречены еще двадцать три года назад, словно в них был заложен снаряд замедленного действия.

Шестилетняя Фаня Гуревич[1] вместе с мамой и бабушкой была в концлагере. Мать и бабушку убили на глазах у девочки, а она осталась жива. После войны жила у тети, училась, получала хорошие отметки, дружила со сверстницами, хотя и была немного замкнутой.

А в четырнадцать лет неожиданно, без всякой видимой причины, сошла с ума. Она казалась нормальной, но вдруг начала очень медленно ходить, стала бояться быстро двигаться, бегать. Врачи предположили такую причину ее заболевания: в концлагере девочка видела, как стреляли в спину узников, если те ускоряли шаг. Это ее тогда потрясло, а сказалось несколько лет спустя.

Так душевные ранения, причиненные фашизмом, подобно снаряду замедленного действия, иногда приводят к катастрофе и через много лет.

Опять мне школьники прислали три рубля на венок Неизвестному солдату. Сказала детям по радио,

[1] Фамилия изменена.

что просьбу их выполнила. Посоветовала тем, кто захочет последовать их примеру, посылать деньги не мне и не взрослым москвичам, а московским школьникам. Пусть душевный порыв детей подхватят дети. Если московские ребята будут возлагать цветы по просьбе их сверстников из других городов, может возникнуть целое детское движение.

В каждом уважающем себя учреждении есть непременно папка «текущие дела». У меня же целый «текущий» чемодан (ни в какие папки столько писем не влезает).

Сейчас в нем собраны нужные для ближайших передач письма молодых, бывших воспитанников детских домов. Их возраст — от двадцати трех до тридцати лет. Что характерно для их писем?

Когда пишет мать, у которой жизнь в общем почти прожита, она мало что сообщает о себе. Ее письмо, как правило, начинается словами: «Я мать, потерявшая ребенка» — и дальше одна мысль: как его найти?

Молодые в начале письма как бы хотят представиться, познакомиться, рассказывают о своей профессии, о том, где учились, о своей семье. Спешат заверить, что они обеспечены, могли бы помочь родителям — только бы те нашлись. О своей молодой семье пишут очень душевно. Может быть, потому так ценят ее, что выросли без родных. Чуть ли не в каждом письме находишь такие слова: «У меня жена хорошая», «Муж у меня замечательный», «У нас сын растет, ему уже семь месяцев, вот его показать бы родным», «У меня

жена красивая». И даже: «Теща у меня отличная, такую поискать».

Оттого, что так часто звучат хорошие слова о семьях, хочется думать, что молодые семьи стали у нас прочными, дружными. Должна сказать, что одно время мне, наоборот, везло на разводы. Тогда я была народным заседателем, и, как нарочно, в мои «присутственные дни» назначались дела о расторжении брака. Разводились все больше молодые пары. Мне уже стало казаться, что счастливых браков на свете вообще не существует. Выйду из суда, встречу на улице веселую молодую пару и сейчас же думаю: из какого они района? У нас они будут разводиться или еще где-нибудь? Так первое время, под влиянием тяжб, разводов, судебных дел, я впадала в крайность. Быть может, и сейчас под влиянием отдельных писем я впадаю в другую крайность? Но какие же они «отдельные», эти письма? В адрес передачи уже пришло больше сорока тысяч писем, и среди них не в десятках, не в сотнях, а в тысячах говорится о хороших женах и мужьях. О тещах — значительно реже.

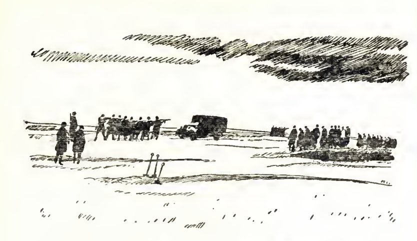
Мария Сергеевна Логинова пишет: «Сейчас все хорошо, у меня семья: муж, дочь. Но тревожит меня без конца, где Оля, жива ли, что с ней?»

Хорошо сложилась жизнь старшей сестры, но судьба младшей в течение стольких лет не дает ей покоя. Читаешь такое письмо и думаешь: все-таки правильно человек устроен.

Шестовы в 1944 году взяли на воспитание четырехлетнего мальчика из эшелона с ленинградскими детьми. Никаких справок у него не было, но свое имя он знал. Его звали Шурик. Когда он окреп, то вспомнил, что папу звали Сережа, маму — Груня. Шестовы мальчика усыновили, и его первую фамилию — Морковин — ему никогда не напоминали. Рассказала мне об этом Л. В. Кислякова, сестра приемного отца Шурика: «В сорок пятом году мой брат погиб, и Шурика отдали в детский дом уже под фамилией Шестов. Но, может быть, кто-то ищет Морковина Александра Сергеевича? Сейчас он уже молодой человек».

Поняв через много лет весь драматизм положения Шурика — приемных родителей у него не стало, а кровные найти его не могут,— Кислякова забеспокоилась. Может быть, добрый порыв ее вызван передачей «Найти человека»?

Попробую поискать родителей Морковина.

ДВЕНАДЦАТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

На страшную фантастическую повесть похожи письма Петра Ивановича Ходяна. Если бы писатель в своем рассказе или романе обрушил на голову читателя такое количество трагических событий, его можно было бы упрекнуть в неправдоподобии, в нагромождении ужасов. Но все это было на самом деле, все это человек пережил и рассказывает о пережитых страданиях сдержанно, с деловыми подробностями.

Из первого письма Петра Ивановича Ходяна

«В лесу около озера Окуневец мы прятались от фашистов. Они спалили местечко Юховичи — все до одного дома, а нас преследовали как семьи партизан...

Однажды согнали всех тех, кого нашли в лесу, выстроили на поляне человек сорок пять детей, стариков и женщин и стали расстреливать. В живых осталось нас четверо: Лисович Николай — четыре годика, его родная сестра Зина — шесть лет, я и моя родная сестра Таня — ей тогда было шестнадцать лет. Мы остались живыми потому, что взрослые, падая, сбивали нас и накрывали своими телами. Когда фашисты ушли, первой поднялась Таня и начала искать живых, вытащила меня, Зину, Колю, который лежал под трупом отца. Здесь же были расстрелянные их мать и сестра, а также наша мама и три родные сестры.

Мы хотели уйти, но наступила ночь, и тут появились волки. Мы с сестрой подняли детей на дерево, привязали их там к стволу, чтобы они не упали, а сами с палками примостились пониже, чтобы отгонять волков. Всю ночь до утра звери ходили кругом дерева и выли...

...Когда рассвело, волки ушли. А мы долго еще не решались слезть с елки, а слезли — не могли идти, так отекли у нас ноги. Все же через силу прошли километр с детьми на руках и сели у лесной дороги. Тут нас нашли партизаны и забрали с собой... Вскоре Колю и Зину они переправили в детский дом. С тех пор мы их больше не видели.

Прошу вас, помогите мне найти сестру и брата. Они нам двоюродные, но как родные...»

Из передачи «НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА»

...И вот у нас в радиокомитете раздался телефонный звонок из города Кокчетав. Корреспондент мест-

ного радио сообщил, что к ним в редакцию пришли сестра и брат Лисович, Зинаида и Николай. Они предполагают, что именно их разыскивают. Они хорошо помнят расстрел возле местечка Юховичи, помнят и о том, что в ту страшную ночь с ними была девочка по имени Таня. Казалось бы, мы уже могли рассчитывать на то, что родные П. И. Ходяна нашлись.

Но с уверенностью еще об этом говорить было рано, еще оставались некоторые расхождения: например, Зинаида Лисович считает, что ей было тогда девять лет, а по мнению Петра Ивановича ей было всего лишь шесть. Но самое удивительное, что Зинаида и Николай совсем не помнят нашествия волков в лесу... Правда, можно допустить, что шестнадцатилетняя Таня, увидев приближающихся волков, ничего не сказала о них младшим детям, а они, измученные, заснули на дереве.

Мы переслали Петру Ивановичу адрес Лисовичей и попросили его списаться с ними непосредственно, уточнить подробности, чтобы исключить всякую возможность ошибки. И вот передо мной ответное, не менее страшное, чем первое, письмо П. И. Ходяна.

Из второго письма П. И. Ходяна

«...Отвечаю на ваши вопросы.

О том, что это те самые Лисовичи, не может быть сомнений. Я от Зинаиды получил два письма, восстанавливаем в памяти пережитое, ищем их дальних родственников в м. Юховичи, где мы проживали в те годы. Договорились на лето поехать в Юховичи... Как мы

установили, Зинаиде в то время было не шесть, а девять лет. Но я был склонен к тому, что ей не более шести лет, потому что она была уж очень маленькой. О том, что она не помнит случая ночевки (первой после расстрела) на елке,— это естественно. После того, что они пережили в течение последнего дня и в течение последней недели, этот случай не остался в памяти, так как мы их втащили на ель совершенно сонных. Ведь и до этих злополучных суток нам приходилось ночью прятаться от фашистов в лесу. На елке Зина и Коля плакали в голос, сонные, и на какой-то миг просыпались. Утром они нам вопросов не задавали про волков, и мы с сестрой им не напоминали, ибо то, что случилось в прошедшие сутки, заслоняло собой все и думать о чем-либо другом не давало. Как выяснилось позже, волки сбежались к нам в леса от лесов Ленинграда, ибо фашисты двигались ночами от Ленинграда до Полоцка. Были случаи, когда волки не пускали на задание, не давали ночью партизанам выйти из леса. И стрелять нельзя (выстрел в лесу — это тревога). Так сопровождали волки партизан до населенных пунктов все ночи. А как рассветало, партизанам нужно было уходить обратно в лес. Волков было ужасно много, и как бы глубоко ни зарывали умерших и погибших товарищей, все равно волки их отрывали. В местечке Юховичи проживает замечательный человек Баранов Яков Семенович, он до войны работал бригадиром в колхозе, все, кто остался в живых, обязаны ему, он нас уводил от фашистов в такие места леса, что фашисты боялись туда сунуться (зыбучие мхи) и лишь обстреливали нас. Не могу не вспомнить о Лисович Марии Антоновне, она для спасения нескольких семей пожертво-

вала своим первым грудным ребенком. Это было летом 1943 года, фашисты нагрянули в Юховичи с целью захватить нас и расправиться как с партизанскими семьями. Мы все убежали в лес. Они нагнали нас, но нам удалось спрятаться, фашисты ходили кругом, но нас обнаружить не могли. Мы слышали их разговор. В это время начал плакать ее ребенок, который выдавал нас, унять его невозможно было, а фашисты кричали и строчили из автоматов рядом. Через некоторое время ребенок замолчал, как выяснилось позже — мать ему прикрыла рукой ротик, да в страхе так сильно, что он задохнулся, а потом пришлось нам ей затыкать рот, когда она узнала, что ребенок мертв».

Бывает, оказывается, не только душу раздирающий крик, но и душу раздирающее молчание — мертвое молчание ребенка, спасшее партизан. И молчание матери, которая не смела даже застонать, когда поняла, что он мертв.

Трагедия Марии Лисович не кончилась смертью ее ребенка. Позже фашисты поймали ее отца, мать, дядю, тетю и расстреляли.

Из письма Зинаиды Лисович

«...На наших глазах расстреливали наших отцов, матерей, братьев и сестер. Этого мы никогда не забудем и не простим...»

Из дневника поисков.

Сегодня у меня хорошее утро: видела на экране своих найденных — семью Николая Морина. Их сняли в ту самую минуту, когда брат и сестра впервые встретились, они обнимались, плакали от радости.

Снимали их скрытой камерой, потому они так естественны и просты. О сестре Морина кто-то в зале сказал:

— До чего она выразительна, прямо как актриса на сцене.

Я подумала: как переплетены у нас представления о жизни и об искусстве. Когда хвалят актрису, говорят:

— До чего она естественна, прямо как в жизни.

Поиски все ширятся. «Литературная Россия» вышла с новой рубрикой — «Может быть, кто-нибудь что-нибудь знает».

Матери, жены, дочери ищут тех, кто знал их сыновей, мужей, отцов, пропавших без вести или погибших на фронте в Великую Отечественную войну. Родным дорога каждая подробность их фронтовой жизни, им хочется узнать и все, что связано с гибелью их близких.

Наша передача не ищет военных, пропавших без вести на фронте, круг наших поисков ограничен, но, несмотря на это, такие просьбы все равно идут и к нам.

Приходится скрепя сердце говорить, что эти письма не по адресу, и советовать обратиться в архив Министерства Обороны. Как хорошо, что теперь появился еще один адрес: «Литературная Россия».

Всю ночь мне снились Османовы. С вечера я разбиралась в их откликах. На просьбу Ибрагима Османова отозвались девятнадцать разных Османовых из девятнадцати разных мест.

Продолжала разбираться в их письмах и во сне. Наутро, на свежую голову, поняла, что у Ибрагима Османова нашлась двоюродная сестра и две тети.

Вместе с М. Б. [1] читали письмо В. Никишиной.

«Наверно, моя скорбная история вас не очень взволнует,— пишет она,— ведь подобных у вас множество и вы к ним привыкли».

— Нет, привыкнуть к этому невозможно. Так же, как нельзя привыкнуть к самой войне,— сказала М. Б.

---

[1] Марина Борисовна Новицкая, редактор передачи «Найти человека».

ГЛАЗАМИ «ДУШИ-СОСЕДКИ»

Мопассан в своем дневнике говорит, что у писателя «словно две души, из которых одна наблюдает, объясняет каждое ощущение своей соседки, естественной души, которая одинакова у всех людей».

В рассуждениях Мопассана много спорного. Мне кажется совершенно неверным утверждение, что писатель обречен на то, чтобы «никогда ни страдать, ни действовать, ни любить, ни думать и ни чувствовать как все, просто и искренне, не анализируя себя после каждого порыва радости, после каждого рыдания».

Но то, что в литераторе живет «душа-соседка»,— в этом Мопассан прав. Письма-исповеди, которые приходят в «Маяк», у всех, кто бы их ни читал, вызывают и сочувствие, и желание помочь, и часто восхищение большим сердцем, мужеством того или иного человека. Я читаю эти письма с пристрастием, ищу путь к поискам. Но моя «душа-соседка» взвешивает, оценивает: какой сюжет! какой потрясающий сюжет! Сюжеты пси-

хологические, героические, детективные. Сюжеты для романа, для пьесы, для короткой новеллы — сундуки сюжетов.

Сюжет психологический

Мальчик родился в Ленинграде перед самой войной. К огорчению родителей, у мальчика была заячья губа и левая рука не развита. Мать не взяла ребенка домой, сдала в Дом малюток. Началась война, отец вскоре погиб. Через некоторое время мать вышла вторично замуж, в ее новой семье никто не знал, что у нее был сын. Она умолчала о ребенке с заячьей губой. И вот однажды, через семнадцать лет после конца войны, в квартиру матери в Ленинграде пришел молодой человек и сказал, что хочет ее видеть. Но ее не оказалось дома. Вышел красивый юноша, ее сын от второго брака:

— Мама скоро придет... А вы кто?

— Это неважно... Мне необязательно ее видеть, я просто пришел передать, чтобы она не беспокоилась о долге государству за мое воспитание. Я за него полностью сам с государством рассчитаюсь. Я получил юридическое образование и еду работать.

Не попрощавшись, молодой человек ушел. На губе у него был шрам, а левая рука в черной перчатке.

Сюжет для короткой новеллы

Женщина ушла добровольцем на фронт, свою годовалую Анюту оставила у бабушки в деревне. А туда пришли немцы. Мать, вернувшись с фронта, нашла полусгоревшую деревню. Никаких следов — ни дочки, ни бабушки.

У Анюты были очень светлые, льняные, почти белые волосы, и мать уверена, что найдет ее по этой примете. Сейчас мать уже не первой молодости, она опытный шофер такси, работает в Аскания-Нова. Ей предлагали более спокойную работу, с лучшей оплатой. Она не хочет. Ей важно колесить по дорогам, по городу. Сюда съезжаются молодые экскурсанты со всей страны. Сюда приедет и Анюта — так думает мать. Часто она везет пассажира, внезапно останавливает машину, выскакивает из нее, подбегает к девушке с пушистыми белыми волосами и, помрачнев, возвращается обратно.

Сюжет для юношеской повести

Зима. Товарные вагоны (телятники), набитые людьми. Женщин, детей гонят в Германию. Среди них семья: мать, две дочки, маленький сын. Частые бомбежки в пути уже никого не пугают, к ним привыкли. Мать постоянно твердит — лучше погибнуть, чем неметчина, чем быть подневольными. Бесконечный путь, через Польшу, через реку Буг. По дороге в Германию

умирает младшая девочка, ее хоронят где-то в снегах во время стоянки, недалеко от состава. В Германии мать с двумя детьми отдают на работу к фермеру Бауэру. Как ни трудно было у фермера, но еще хуже стало потом, в концлагере. И все-таки мать с оставшимися детьми дожила до дня освобождения.

Наконец-то возвращение на Родину. За окнами вагона, на зеленых деревьях скачут, заливаются птицы. Лето пришло. Мальчику уже семь лет, но он впервые может выходить из вагона, бегать по станции, смеяться, болтать всякую чепуху. Он совсем потерял голову от ощущения свободы.

И тут новая беда. На одной из станций поезд стоял больше суток. Мальчишка носился на воле между эшелонами. Перелез через какой-то забор и оказался на базаре, в шумной толпе людей. Засмотрелся, зазевался, подмигивал чужим мальчишкам, гримасничал, а когда кинулся назад, к своим, к маме и сестре,— эшелона на месте не было. На родной земле, почти уже дома, мальчик потерялся.

Он не хныкал. Упрямый малый, он целый день бродил по путям, искал поезд. Человек в фуражке железнодорожника привел его в детскую комнату.

— Как тебя зовут? Как фамилия? — спросили его.

Фамилию мальчик забыл, он привык к лагерному номеру. Но вспомнил, что мать вложила ему в карман курточки записку, где было сказано все — фамилия, имя, отчество, адрес родителей. Он схватился за карман, но записки не было, он потерял ее, пока носился по базару. Так он попал в детский дом. Окончил школу, был на целинных землях, пошел в армию, стал офицером. До сих пор ищет мать и сестру.

Сюжет драматический

Произошло это на фронте. Младший лейтенант Леонид Соколенко полюбил Ларису, красивую медсестру из эвакоприемника. Он написал матери в Иркутск, что у него появилась жена и скоро у них будет ребенок. Мать ответила сухо: «Я на свадьбе не была».

Узнав, что медсестра ждет ребенка, командование решило отправить ее в тыл. Хотя Леонид был уверен, что его любовь к Ларисе — это навсегда, он все-таки не рискнул послать ее в Иркутск: опасался, что мать не примет женщину, с которой он не зарегистрирован.

Настал день расставания. Проводить Ларису пришли молодые бойцы, товарищи Леонида, и принесли необыкновенный подарок — то была круглая железная коробка с плотно пригнанной крышкой, доверху набитая деньгами. Бойцы случайно наткнулись на нее в развалинах полусгоревшего дома и решили отдать деньги Ларисе.

Через несколько месяцев Леонид узнал, что у него родилась дочь. Тогда он все-таки послал Ларисе адрес своей матери — пусть будет у тебя на крайний случай...

Вскоре младший лейтенант Соколенко был убит.

Как сложилась судьба Ларисы, никому не известно, иркутским адресом она не воспользовалась. А мать Леонида, получив похоронную, стала искать женщину, которую любил ее сын. Но так и не нашла ни ее, ни свою внучку, которой сейчас уже двадцать два года. Продолжает искать.

Сюжет детективный

Верней, он может быть решен как детектив,— столько в нем конфликтов, неожиданностей, сложных поисков. Но если повести рассказ о героине, о ее стойкости, верности своему долгу, то сюжет будет скорей нравственным.

Московская студентка Ася знала о себе, что она дочь Половцевых [1] и что у нее есть двоюродная сестра Зина. Все оказалось не так. Однажды Зина со своей матерью пришла к Половцевым. Они часто приходили и раньше, но этот день — 28 августа 1966 года — изменил всю Асину жизнь. Обе матери, до сих пор хранившие семейную тайну, впервые рассказали дочерям такую историю.

В 1941 году недалеко от Москвы, в городе Дедовске, в Доме младенцев состоялось усыновление двух родных сестер, одной из них был год, другой — два с половиной. Родители их погибли. Девочек взяли в разные семьи. Приемные матери, обе москвички, до сих пор не знавшие друг друга, уговорились,— чтобы не окончательно разлучать сестер, сказать им, что они двоюродные. И только теперь, когда девочки стали взрослыми, матери решили, что они должны знать правду о себе: они приемные дочери и не двоюродные, а родные сестры.

Зина, которая недавно вышла замуж, отнеслась к тому, что узнала, почти спокойно. Впечатлительная Ася все приняла близко к сердцу. Она почувствовала

[1] Фамилия изменена.

потребность поехать в город Дедовск, где она родилась. Она бродила по улицам, случайно дошла до местного музея. Там увидела книгу, посвященную дедовской фабрике. У Аси мелькнула догадка: вдруг она найдет там фамилию родителей, ведь могли же они работать на фабрике (их фамилия — Слепцовы, она теперь знала). И все-таки девушка глазам не поверила, когда среди имен рабочих фабрики, погибших за Родину, она и впрямь прочла фамилию своего отца. Она бросилась к старым работникам фабрики, нашла бывшего начальника отца, но семидесятипятилетний Иван Васильевич мало о нем помнил и посоветовал Асе пойти к тете Нюре, которая тоже работала вместе со Слепцовым.

На скамейке возле дома сидела худенькая седовласая тетушка в темном платье.

— Слепцовы? — сразу вспомнила она.— Хорошая была семья... Отец твой погиб под Смоленском.

Ася расплакалась.

— А твоя мать, Вера Петровна, жива, но она в больнице.

— В какой больнице? Почему?

На Асе лица не было.

Оказалось, что Асина мать, получив извещение о гибели мужа, не выдержала такого удара и попала в психиатрическую больницу, где находится и сейчас. Ася была потрясена, подавлена и тут же решила, что ее долг — найти больную мать.

Как ехать домой с таким известием? Но приемные родители разделили с ней ее горе (они тоже не знали о существовании больной матери). В картотеке областных больниц Ася выяснила, что мать находится в Ко-

ломне. Обе дочери поехали к ней. Она их не признала, дочки для нее остались маленькими, время для нее остановилось.

— Мой муж недавно погиб под Смоленском, я одна с тремя детьми,— сказала она.

Сестры переглянулись: почему с тремя?

Но больная женщина снова повторила:

— Трое маленьких детей у меня — Ася и Зина и сын Витенька постарше.

Мать точно помнила, кто из ее детей когда родился и как кого зовут.

Не только заботу о больной матери взяла на себя Ася, она считала своим долгом во что бы то ни стало найти брата. Она сообразила, что, по всей вероятности, Виктор был отдан в детский дом одновременно с сестрами и следы его надо искать в архивах дедовских детских домов. Она подняла архивы, к счастью сохранившиеся, и узнала, что Витя Слепцов был отправлен на станцию Удельная, а оттуда переведен в Тамбовский детский дом. Через два-три месяца в милиции шутили, что Асю уже можно принять на работу по розыску. Шаг за шагом проследила она судьбу брата до того момента, как он окончил ремесленное училище. Тут встало препятствие — из ремесленного были посланы на работу два Виктора Слепцова, одногодки. Ася стала искать обоих. Через полгода одного из них нашла, но он оказался не ее братом. Поиски второго зашли в тупик. Убедившись, что самой ей не справиться, она обратилась в «Маяк». После объявления по радио пришел всего один отклик, из Воронежа. Человек, служивший вместе с Виктором Слепцовым в армии, сообщал об этом. Неутомимая Ася в свои каникулы поехала в Во-

ронеж, встретилась с бывшим товарищем брата, узнала от него фамилии других товарищей по воинской части. Переписывалась, встречалась с ними. В конце концов ей удалось выяснить, что Виктор уехал на строительство в Абакан. Ася даже узнала его адрес. Но тут ее радость омрачили сомнения: как примет он трагедию матери? Нелегко ему будет узнать правду. Зато он узнает, что у него есть две родные сестры! И решительная девушка взяла билет на самолет.

Сюжет мелодраматический

Мать Светланы Щербаковой во время бомбежки была тяжело ранена. Перед смертью она просила свою старшую сестру Зину, чтобы та взяла к себе девочку.

Зина выполнила обещание, разыскала на Урале эвакуированный туда детский дом, получила подтверждение, что там воспитывается Светлана Щербакова. Девочке шел уже одиннадцатый год, и тетя Зина вступила с ней в переписку, радовалась ее письмам, читала их вслух родным и соседкам. Вскоре после победы Вера Васильевна Китаева, воспитательница из детского дома, привезла Светлану к тете. Все родные горячо встретили девочку, нашли, что она похожа на мать: тот же цвет волос, форма ушей. Вера Васильевна уехала на Урал, уверенная, что Светлане будет хорошо. И в

самом деле, приветливая, общительная Светлана всем пришлась по сердцу, и через месяц тетя Зина уже не представляла себе, как она могла жить без Светы. Но однажды, собирая для школы документы девочки, тетя Зина вдруг обнаружила, что в одной из справок местом рождения Светы назван Воронеж. Зина растерялась,— как же она раньше не обратила внимания? Ведь она же знает, что ее сестра в Воронеже никогда не жила, помнит, что родилась Светлана в Волоколамске. Ничего не сказав девочке, Зина написала Вере Васильевне: нет, она не сомневается, что Светлана ее племянница, но хотелось бы знать, откуда в документах взялся Воронеж.

Вера Васильевна сразу встревожилась, поняла, что недостаточно тщательно проверила справки. Надеясь, что в них перепутаны Воронеж и Волоколамск, она обратилась в Воронежский загс, чтобы выяснить, есть ли там запись о рождении Светланы Щербаковой. Когда пришла выписка из загса, сомнений не осталось! Документы были правильными, и, значит, она отвезла Щербаковым не их племянницу. Вера Васильевна стала искать другую Светлану Щербакову среди детей, эвакуированных из Волоколамска. За месяц поисков она извелась, предвидя все последствия своей ошибки. Она понимала, как тяжело будет Светлане, если привезут на ее место другую Светлану. Но поступить иначе она не могла, не считала возможным. Мучила ее и судьба настоящей племянницы, которая где-то жила, хотя в глубине души Вера Васильевна надеялась, что та не найдется и тогда все уладится. Но вторая Светлана Щербакова нашлась.

Понимая, какие сложные переживания ждут тетю

Зину, Вера Васильевна все-таки ничего от нее не утаила, написала обо всем. Как ни была подготовлена Зина к тому, что Светлана может оказаться не ее племянницей, такая весть ее сразила. Вся семья была озадачена. На семейном совете Щербаковы решили: хотя это будет нелегко, пусть останутся у них обе девочки. Но их доброе решение не осуществилось. Когда Светлане осторожно сообщили о случившемся, она неожиданно отказалась оставаться у тети. Самолюбивая, она не слушала никаких уговоров.

Настал день приезда настоящей племянницы, она оказалась менее приветливой, менее развитой, чем Света, но она была кровно своя. Две Светланы встретились, познакомились и даже сели вместе рисовать. Тетя Зина подумала, что они подружатся и все уладится. Но вечером первая Светлана попросила Веру Васильевну:

— Уедем скорей, я хочу домой, в детский дом.

Все Щербаковы расстроились, особенно Зине было трудно расставаться с девочкой, к которой она искренне привязалась.

Наутро, когда начались невеселые сборы в дорогу, Вера Васильевна сказала вдруг Зине:

— Не расстраивайтесь, мы со Светланой договорились, она будет жить у меня.

Сюжет антифашистский

Таких множество, но этот беспримерен по своей жестокости.

Во время наступления наши бойцы отбили у врага деревню. Там ни одной живой души. Все сожжено и разрушено. Уцелел только один дом. Он стоит целехонек, бросается в глаза среди пожарища. Группа бойцов устремляется в дом. В полупустой комнате на полу, привязанная к ножке стола, сидит девочка лет трех. Она почти без сознания. Бойцы бросаются к ней, хотят освободить ее, взять на руки.

— Стой! Она заминирована! — раздается крик.

Минер опытным глазом увидел провода... Девочку спасли. Солдаты дали ей имя и фамилию — Мария Минина. И отправили ее в тыл. Минер, спасший девочку, много лет подряд ее разыскивает.

Все эти сюжеты увидены глазами души-соседки. А «естественная душа» видит прежде всего горе человеческое.

Никто, за исключением Асиного брата, по этим письмам пока не найден.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: «НУ-КА, ЧТО ТЫ ЗА ЧЕЛОВЕК?»

Статистика как наука меня никогда не интересовала. Мне кажется, что только теперь впервые я поняла значение и силу больших чисел. Сорок тысяч писем — такая цифра сама словно ведет к статистике.

Если бы заложить выдержки из писем в электронную машину, она дала бы совершенно точную информацию, например: в какие именно годы войны больше всего потеряно детей или сколько воспитанников детских домов получили высшее образование... Много сложнее разобраться в том, что за люди прислали письма, то есть ответить на толстовский вопрос: «Ну-ка, что ты за человек?.. И что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь».

Попробую, ограничиваясь пока своими скромными человеческими возможностями, понять, что за люди писали эти письма и каким нравственным принципам они верны.

Прежде всего это люди с сильно развитым чувством родства. Для матери естественно всю жизнь искать своего ребенка, всегда живого в ее памяти. Но чем питается такое чувство у детей, давно ставших взрослыми? Они ведь часто не помнят ни лица материнского, ни голоса, но это нисколько не охлаждает их желания обнять своих родных. Детская тоска по родной семье остается в душе человека навсегда.

«Были ведь у меня отец и мать! Должен же я их найти!» — подчас письма начинаются подобными восклицаниями.

«Кем бы ни оказался мой отец, даже пьяницей, все равно приму его, лишь бы не показал себя предателем в войне с Гитлером.

О. И. Афанасьева»

Я заметила: многие сыновья и дочери, еще не разыскав своих родителей, все же думают о том, что они за люди, что сделали в жизни.

О. А. Цемирова пишет: «Мне очень хотелось бы знать прошлое моих родных, кем они работали, были ли у меня дед и бабушка, участвовали ли они в революции? Вот иногда вечером размечтаюсь о родных, которых никогда не видела, и кажется мне, что они были всеми уважаемыми».

Раиса Яковлева спешит рассказать: «Теперь я знаю, кто моя мама, знаю, что она честно трудилась в годы войны, награждена медалью за оборону Ленинграда».

Встретившись со взрослым сыном, мать и родные присматриваются к его характеру, ищут в нем хорошее, им важно, что же думают о нем другие.

«Трудно было узнать моего Володю, ведь он богатырь, а не мальчик. Но самое главное, что он не свернул с правильного пути... Его очень уважают товарищи.

Мать Коновалова»

«Неизвестный Юрий оказался мой сын Юра Кузьмин, которого я потеряла в первый день войны около города Гродно, когда садилась в машину и началась бомбежка»,— пишет мать.

А тетя торопится добавить:

«Юра наш очень скромный. Пишу не потому, что он мне племянник, но так все сказали в общежитии.

К. С. Токарева»

Родные счастливы не только потому, что нашли своих близких, но и оттого, что те оказались достойными людьми.

То и дело упоминаются в письмах слова «мой долг», «считаю своим долгом».

«До сих пор мучаюсь, что еще не выполнила свой долг, не все сделала для того, чтобы найти младшую сестренку и братишку.

А. Т. Чурбанова»

Особенно обострено у бывших воспитанников детских домов чувство долга перед страной.

«На Красную площадь не носил меня на плечах отец, он погиб на фронте. Вырастила меня Родина, спасибо ей.

А. А. Симачев»

Родина взяла осиротевших детей на свои плечи и вырастила их, потому так искренне звучит: «Спасибо ей».

Часто из письма встает образ человека. Хотя говорит он не о себе и меньше всего озабочен тем, чтобы к себе привлечь внимание.

«То, о чем напишу, относится к моей жене Тане. Мы оба перешли на пятый курс. У нас есть дочка Галочка. Она в этом году идет в первый класс, для нас это большая радость. Мы считаем, что трудности уже позади, хотя, может быть, это и не так. У нас есть дочь, будут другие дети,— это то, ради чего стоит жить,

трудиться... Я видел, какое впечатление ваши передачи производят на мою жену Таню. Какие чувства может испытывать человек, знающий только то, что он дитя войны... 1944-й год. Ефросинья Емельяновна Рымкевич, живущая в Вильнюсе, недалеко от железной дороги, среди раскромсанных бомбами кусков земли, увидела клочок цветной ткани. Она потянула его и увидела маленькую детскую ручку. Сама мать четырех детей, она быстро раскопала землю и извлекла бездыханное тельце девочки. Сердце еще билось. Она бро-

силась к колонке с водой, обмыла девочку, завернула в свой теплый платок и отправилась домой. Когда девочка выздоровела и спросили, как ее звать, она на русском языке ответила: «Таня». Было ей с виду около трех лет. Таню вырастили бездетные супруги Штельман. Она закончила семь классов, потом поступила в Каунасское ремесленное училище. Потом вышла за-

муж, родилась у нее Галя. В 1962 году случилось несчастье, умер муж Тани. Трудно ей было оставаться с Галчонком на руках, помогли товарищи, направили учиться в Киев. И здесь, в Киеве, мы встретились. Сейчас мы счастливы, Таня и Галчонок любят меня, я их... Я хочу, чтобы дети не росли без родителей, как выросли мы. И все же мне легче, чем Тане, у меня есть мать, я горжусь своим отцом, он был офицером Советской Армии, погиб под Ленинградом... Я от всей души желаю, чтобы Таня узнала что-нибудь о своем прошлом.

Борис Мартыненко»

За строками письма виден молодой, но уже сложившийся человек, с глубоким отношением к жизни. Пишет он о своем счастье, но мыслится оно ему много шире, чем личное благополучие.

Четырнадцатилетняя школьница из села Карай-Дубино свои мысли выражает почти с детской наивностью, но и у нее есть тоже свое ясное понимание, что такое счастье.

Судя по ее письму, она включила радио посреди передачи.

«Здравствуйте, дорогая... Извините, не знаю вашего ни имени, ни отчества. Я решила с вами посоветоваться... Понимаете, мне хочется делать людям полезное, что-то доброе... Как мне хочется к чему-то стремиться, чего-то искать и, наконец, видеть улыбку и слезы радости на лице человека... Да разве все опишешь, что у тебя на душе... И вот я в этом году кончаю восемь классов. Думаю поступить в фармацевтическое училище, но совсем мне эта профессия не нра-

вится и никакая так не будет нравиться, как искать и находить. Но я совсем не знаю даже, как называется та профессия, как у вас возможно, есть такие институты где-то в Москве, Ленинграде... Я бы решилась на все, лишь бы получить такую профессию, как у вас... Я без раздумий даже окончила бы десять классов.

Лена Дергачева»

Бросается в глаза, что почти все рассказывают о своей беде без жалоб, без позы. Чувство достоинства помогает им быть сдержанными. Не сентиментальны они и в проявлениях своей доброты. Не встречаю в письмах слов «бедный», «несчастный», «бедняжка». Пишут по-другому: «Если мои сведения смогут помочь такому-то, буду рад». Вмешиваясь в поиск, люди скорей деловиты, чем жалостливы, и потому помощь их действенна. Их вмешательство часто бывает решающим. Их-то я и называю «наша взрослая Тимуровская команда».

Есть люди, в которых «тимуровское начало» особенно сильно. Иван Иванович Берзин искал родных. После того как был объявлен розыск, Мария Ивановна Берзина просила выслать адрес Ивана Ивановича Берзина. Я надеялась,— может быть, она окажется его сестрой. Нет, через некоторое время выяснилось, что родство не подтвердилось. Но Берзин, узнав, что Мария Ивановна ищет своего отца, решил помочь ей. Помочь женщине, ему чужой, которую он никогда не видел. Без всякой ее просьбы он запросил учреждение, где могли знать об отце Марии Берзиной. Ему прислали ответ, что ее отец умер, но что несколько лет назад

об отце Марии справлялся Владимир Берзин. Кто же он? Иван Иванович выяснил: Владимир — ее родной брат, и есть у нее еще брат Александр. По собственному почину Иван Берзин все распутал, уточнил, довел до конца и разыскал посторонней для него женщине двух ее родных братьев. И при этом он скромно сообщил:

«Итак, с помощью радио и при моем содействии Берзина Мария нашла своих братьев, а с Александром уже встретилась. А я... Как был один, так и остался».

Словно опасаясь обнажить свою боль, он поспешно добавляет:

«Я вам в упрек не ставлю, знаю, что данных для того, чтобы найти моих родных, очень мало...»

Многие из тех, кто мне пишет, наверно, были бы удивлены, если бы сказать им, что их письма, непосредственные, личные, по существу обращены ко всему миру. Они рады бы поделиться своими переживаниями после встречи с родными чуть ли не со всем светом.

«Мне хочется рассказать всему миру о том, что разыскали мою сестру.

Бэла Полищук»

«Всему свету сказать бы, что мы с мамой встретились.

Л. Топчая»

Не только радость, но подчас и тревогу свою и гнев они обращают ко всему миру.

Женщина рассказывает о себе, о своей материнской тоске по пропавшей дочери. И в конце страницы приписка:

«Собрали бы вы наши материнские печали и послали бы их Джонсону, пусть он вникнет, что такое война.

М. И. Корягина»

Наивные и в то же время гневные слова:

«...Не хочу, чтобы моя дочь или чьи-нибудь дочери повторили мой жизненный путь. Нет, нет!..

Т. Малова»

Так боязнь за свою дочь вырастает в тревогу за всех детей.

Простая женщина вдруг выступает в письме как трибун. В ее устах даже слова, не один раз уже сказанные, звучат неожиданно и по-своему:

«...Как хочется крикнуть на весь мир: зачем война? Сколько она горя приносит! Хочется сказать всем женщинам — берегите мир, и жизнь будет без горьких материнских слез.

А. И. Рыбина»

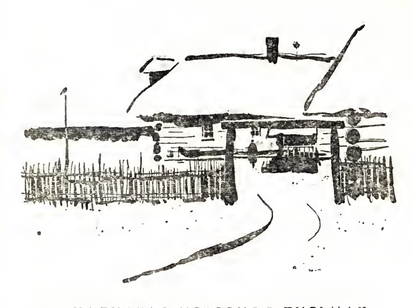
Мысль о защите Родины многие тоже выражают по-своему. Особенно дети.

Молодая учительница пишет, что ее ученик, декламируя на школьном утреннике стихотворение Маяковского «Кем быть?», прочел:

Я в военные пойду,
Пусть меня научат.

— Но у Маяковского не так сказано! — удивилась учительница.

— Знаю... Это я сам добавил, на случай, если война,— сказал мальчик.

ТРИНАДЦАТАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Из письма Заводчикова Николая Дмитриевича. Оренбург

«В начале войны я потерял родных, фамилию, национальность, место и год рождения. Все это произошло в Псковской области (может быть, и не точно). Как мне помнится, зимой у печки мы стояли по росту. Я — самый маленький — Коля, затем сестренка Нюра (я ее называл, кажется, Нюней) и брат постарше —

Саша. На кровати справа от нас лежала мать. Очень хотелось, чтобы мама возилась с нами, но сестра сказала, что ее тревожить нельзя, она болеет. Этого мне было не понять в мои три — три с половиной года. Я подбежал к кровати и потянул ее за рукав — вставай, мама! Но мать не шевелилась. Подбежали Нюра и Саша (имена, может, искажаю немного) и тоже не смогли разбудить: мама была мертвой. Саша побежал на завод за старшим братом Василием. Отца в эти дни не помню. Затем в доме толпились люди, и вскоре мать увезли хоронить. Я тоже просился с ними, но меня не взяли, было холодно.

Потом пришла война. Наш поселок бомбили. Отец и я спрятались в окопе, вырытом во дворе (отец, как мне помнится, был жестянщиком). После того как затихли взрывы бомб, мы выглянули из окопа (я попросил показать, как горит дом). Огонь бушевал там, где был наш дом, озаряя все вокруг. Где была сестренка и братья в это время — не помню. Затем я оказался в траншее, заполненной детьми. Отца со мной уже не было. Потом нас, детишек, эвакуировали на повозке. В память врезался один случай, когда над нами пролетал немецкий самолет. Детишки разбежались по полю, и только я с каким-то мальчонкой остался в повозке, уткнувшись в какие-то мешки.

Но самолет, к счастью, пролетел дальше. Там, впереди, был завод, на котором работал мой старший брат Василий. Помню — я сказал об этом мальчишке. В этот момент столбы огня взметнулись к небу там, где только что был виден завод.

Потом долго ехали по железной дороге, добрались до детского дома города Актюбинска. Здесь было хоро-

шо, но я постоянно ожидал, что меня возьмет отсюда мама. Откуда мне было знать, что если человек умирает, то он никогда больше не возвращается. Конечно, мать умерла, но, возможно, живы отец, сестра, братья. Возможно, откликнется няня, которая везла меня в далекий Актюбинск, и расскажет о моем прошлом. Возможно, кто-либо разыскивает меня...

Директор детского дома мне сообщила, что я прибыл по эвакуации из Савенцов в марте 1942 года. В конце 1942 года я был усыновлен очень хорошими людьми. У нас с ними очень и очень родственные взаимоотношения (они живут в Актюбинске). Я всегда им благодарен. Но мы, все вместе, хотим отыскать моих родных и узнать, как сложилась у них судьба. Сердце у меня никак не может успокоиться...»

Из второго письма Николая Дмитриевича Заводчикова. Оренбург

«...В ответ на вашу телеграмму сообщаю вам, что письмо от Иосифа Федоровича Белевцева получил. Мне кажется, что данные действительно сходятся. Иосиф Федорович пишет, что мой отец Петр Федорович Белевцев не вернулся с фронта, а мать умерла. Живы сейчас сестра и четыре брата (но я помню почему-то о двух или трех). Сестру звать Нюра, братьев — Саша, Вася (как я и называл их в детстве). Затем Володя и Федя. Все они, кроме Федора, уехали из этого Балаклейского района и живут где-то в Донбассе... Если все это так, а мне хочется верить, что они действительно мои род-

ные, то Иосиф Федорович Белевцев, откликнувшийся на передачу, мой родной дядя (брат отца). Правда, многого из того, что он написал в письме, я не помню, и это вполне понятно...

Как он пишет, на пункт отправки меня отвозил брат Василий. Если удастся найти его, это значительно ускорит подтверждение. Мне сейчас как-то трудно поверить, что через столько лет можно найти родных.

Савенцы, сахарный завод, имена братьев, сестры, смерть матери, пожар хутора — это то, что у меня в памяти осталось на всю жизнь, и это подтверждается... Как трудно ждать письма теперь... Пять дней до хутора и пять — назад...»

В скольких письмах читала я подобные слова! Такое нетерпение проявляют многие. Десятилетиями ждет человек свидания с родными, а несколько дней, оставшиеся до встречи, всегда кажутся ему вечностью. И Николаю Заводчикову ждать было невмоготу, но зато после томительных десяти дней он получил, почти одновременно, из разных мест письма от четырех братьев и сестры. В тот же день он послал мне телеграмму:

«Москва — Оренбург

Факты подтвердились выезжаю родным братьям Николай Заводчиков».

К вечеру пришла еще одна телеграмма:

«Харьковской — Вишневое

Заводчиков Николай наш брат встреча двадцать пятого февраля. Приезжайте Устимовку Вишневое Белевцевы».

Выехать срочно я не могла, но братья писали мне

так исправно, что нетрудно было представить себе последовательно всю историю семьи и атмосферу их встречи.

Из письма Василия Петровича Белевцева

«...Пишет вам Василий, который отдавал в детский дом Николая в 1942 году. Я был самым старшим, и Николая вел я семь километров пешком. И когда привел его в район, он кричал, не хотел уходить от меня. От моих брюк, за которые он вцепился, две девочки постарше оторвали его и унесли в дом... Многое он помнит, в три с половиной года, это сверхпамять человека, что ли? Позже искали его, но, кроме развалин, ничего от детдома не осталось, часть детей погибла, часть увезли в тыл, некоторых усыновили...

Через двадцать шесть лет под другой фамилией Николай вернулся к родным братьям и сестре. Мы всегда были жизнерадостны и здоровы, только сосало под ложечкой, где же Николай, жив или нет, что с ним...»

Из письма Александра Петровича Белевцева

«У нас большая радость. Нашелся наш родной брат Белевцев Николай Петрович.

24 февраля в шесть часов вечера собрались родные братья и сестра Николая. Сели за круглый стол по росту, как стояли возле печки в 1942 году 18 марта, в момент смерти родной матери... Также за столом сидели все родные и близкие. Более ста человек. Все они

приняли участие, можно сказать, в историческом событии, которое произошло в маленьком заснеженном хуторе...

Мы спросили Николая: «Что тебе не хватало, ведь у тебя есть хорошие отец и мать, хорошая жена, первое счастье в доме — это дети, у тебя высокое образование...» — «Да, — радостно улыбаясь, сказал Николай,— мне не хватало только вас, родные мои...»

В ту суровую войну нам пришлось перенести и принять на свои плечи и холод и голод. Несмотря на трудные годы и все те шероховатости, которые мы встречали на пути, все пять братьев и одна сестра с помощью Коммунистической партии и Советского государства получили образование, специальности и в настоящее время работаем:

Александр Петрович — механизатор,

Василий Петрович — педагог,

Владимир Петрович — техник-строитель,

Федор Петрович — животновод,

Нюра Петровна — торговый работник,

Николай — старший преподаватель Оренбургского сельхозинститута.

Из шести человек — четыре коммуниста».

Из письма Федора Петровича Белевцева

«...Двадцать шесть лет мы, четверо братьев и сестра, с разных концов нашей страны съезжались на Родину к празднику и вспоминали, что нет с нами пятого брата, Коли. Все мы родились и выросли здесь, в маленьком хуторе, где работали отец и мать в колхозе,

куда пришла война и хотела разрушить все живое, но любовь к Родине не выжжешь и огнем.

Когда Колю взяли из детдома Заводчиковы, они очень хорошо его воспитали и не заглушили в нем любовь к родным братьям и сестре... Братским советом мы решили, чтобы отец и мать Коли Заводчикова приняли нас в свою семью и стали нам всем отцом и матерью. Дали папе и маме телеграмму с таким содержанием: «Папа, мама, примите нас в свою семью. Саша, Вася, Володя, Федя, Нюра, Коля».

Они нам срузу ответили: «Радуемся вашей встрече, принимаем вас в нашу семью».

Получила я и письмо от приемных родителей Николая, в котором они сообщали, что у них появились сразу дочь, четыре сына, четыре невестки и пятнадцать внуков. С удовольствием я поздравила их по радио с таким мощным прибавлением семейства.

От сестры писем не было, и я грешным делом подумала, что она отнеслась к появлению брата не так горячо. Но я ошиблась. На майские праздники приехал из Оренбурга в Москву Николай с женой и маленьким Сашкой. И хотя всего два месяца прошло со дня встречи в Устимовке, Анна Петровна (Нюня), воспользовавшись днями отгула, тоже примчалась в Москву, чтобы еще раз повидаться с братом.

— Я и в космос готова лететь, чтобы с ним побыть,— шутила она, когда мы сидели в Москве все вместе за праздничным столом.

О чем бы ни заходил разговор, Анна Петровна неизменно возвращалась к рассказу о том, как съехались на родину все братья и она со своим мужем, которого

братья называют «наш один зять», как колхозники двух сел — Устимовки и Морозовки — приняли участие в их семейном торжестве.

Интересные подробности рассказал сам Николай:

— Еще из окна вагона я увидел Василия, он мне сразу показался таким знакомым и родным, что я моментально выскочил на платформу. Подбегаю к нему, а он на меня не смотрит. Я ему говорю: «Неужели не узнаешь?» А он отвечает: «Нет, вы ошиблись», — и отходит в сторону. Я увидел еще трех братьев, подхожу к ним — они тоже смотрят куда-то мимо меня. Это было просто ужасно! Я не выдержал и говорю упавшим голосом: «Неужели и вы меня не узнаете, братья?»

Тут все они бросились ко мне. Оказывается, братья заранее договорились — пусть я первый узнаю их. А Василий, который особенно волновался, потому и отошел от меня, что боялся разрыдаться...

Из дневника поисков.

«У нас огромная радость, а вы совершили еще одно чудо»,— пишет Л. Сергеенко.

И не она одна. Слово «чудо» то и дело мелькает в строчках.

И вот вчера я долго и обстоятельно объясняла по радио, что мы не волшебники, что никаких чудес мы не совершаем, что люди находятся по фактам, приметам и воспоминаниям детства и сцепление обстоятельств естественно приводит к успешному поиску.

А дома меня ждало письмо: человек, не знающий своей настоящей фамилии, нашел родного брата, потому что помнил, что в детстве укусил его в руку.

— Брат нашелся? Ну, это просто чудо! — неожиданно для себя воскликнула я.

Снова получила детские деньги. На этот раз уже не три, а целых пять рублей. Все-таки досадно, что ребята упрямо шлют деньги мне, а не московским детям. Не вдохновила я их пока на детское движение.

Моя дочь Татьяна в отпуске, и каждое утро я слышу, как она внушает своей трехлетней Наташе:

— Ты — Наталья Игоревна Борзенко. Поняла?

— Я — Наташа,— уверенно отвечает девочка.

— Нет, ты не только Наташа, ты Наталья Игоревна Борзенко. Запомни, повтори...

— Что ты взялась ее мучить? — спрашиваю я.

Ответ неожиданный:

— Из-за тебя. Боюсь, вдруг Наташа потеряется и не будет знать, как ее фамилия.

Мы обе понимающе смеемся,— какое счастье, что наши маленькие растут в мирные дни.

Честное слово, я теперь вполне подкована, чтобы вступить в теоретический спор с учеными-психологами. Английский писатель Комптон Маккензи в статье «Искусство памяти» пишет: «Многие психологи утверждают, что память всегда ненадежна, так как то, что мы, как нам кажется, помним о самих себе, нам рассказывали, и что часто те воспоминания, на которые мы ссылаемся, на самом деле чистое воображение».

Я уверена, если бы эти уважаемые психологи взялись заниматься поисками детей, они бы усомнились в придуманной ими теории. После трех с половиной лет розысков, в которых я все строю на воспоминаниях детства, могу утверждать: воспоминания ребенка вовсе не плод воображения, тем детям, что потерялись в дни войны и были подобраны совершенно чужими людьми, никто не мог ничего рассказать об их детстве. Их воспоминания подлинны и принадлежат только им.

Во многих случаях, когда человек не знает своего настоящего имени и фамилии, он хватается за подлинность воспоминаний, как утопающий за соломинку. И «соломинка» действительно спасает.

Михаил Кольцов больше тридцати лет назад сказал мне в Мадриде:

— Чтоб иметь представление о войне, недостаточно побывать на фронте.

— А где же еще? — спросила я.

— Вот завтра пойдем,— ответил Кольцов.

Наутро мы вошли в вестибюль большого здания. Но только в первую минуту там было пусто и тихо. Вдруг по широкой лестнице одна за другой побежали, словно посыпались, девушки в белых халатах и мужчины с носилками. Еще не успели спуститься последние, как первые уже вносили в вестибюль раненых. Их несли, несли, лежащих навзничь, с бескровными лицами,— прибыла новая партия.

— Вот она, война,— невольно прошептала я.

— В том-то и дело,— кивнул головой Кольцов.

Через четыре года, когда я входила в наши госпитали или встречала эшелоны раненых, я снова повторяла про себя: «Вот она, война».

А теперь мне кажется, что для более полного представления о войне я должна была еще и окунуться в поиски.

Пришло еще одно радостное письмо от Николая Заводчикова.

Впрочем, последние письма всегда бывают радостными, если поиск закончился успешно.

Между первым, печальным, письмом и последним, радостным, в сущности, и заключается весь путь розыска.

Для меня эти письма часто и впрямь бывают последними, потому что я далеко не всегда знаю, как

складывается потом жизнь тех, с кем меня свели поиски. С последними радостными письмами они уходят от меня. Они уходят, но они остаются в памяти...

А вслед за последним письмом вновь приходит чье-то первое, печальное, с которого начинается новый поиск.

Сегодня, седьмого апреля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я могу записать число 330.

За три с половиной года соединено 330 семейств, разлученных войной. Матери и дети, сестры и братья больше четверти века ждали минуты, когда они увидят друг друга. 330 таких встреч... Нет, встреч гораздо больше: ведь иногда находят сразу четверых братьев или двух сестер. Но если представить себе, сколько матерей еще не нашли своих детей, то трехзначное число 330 сразу становится маленьким.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Телеграмма:
«Бельцы — Москва

Прочла в журнале «Знамя» вашу повесть «Найти человека». Мать Королева ищет свою дочь Шуру с клеймом на руке у меня есть это клеймо на левой руке но первая цифра не совсем ясна остальные четыре сходятся. Имя мое Шура фамилии своей не знала очень прошу сообщите что делать сил нет ждать.

А. Смышникова»

Неужели Шура Королева все-таки нашлась? Первый поиск был неудачным, привел к ошибке, и казалось, надеяться не на что (смотрите страницу 110).

Я перечитала телеграмму. Надо сообщить матери, ведь четыре цифры сходятся. Но первая-то не ясна! Нет, наученная прошлой неудачей, я и Шуре не решалась дать адрес Анастасии Ивановны Королевой. Нужны были дополнительные доказательства, и я стала расспрашивать Шуру по телефону: что она помнит об Освенциме? Увы, она забыла все, никаких воспоминаний! А как они были бы важны теперь! Но она помнила себя только с той поры, как попала к своим приемным родителям, взявшим ее из детского дома в Бельцах. С трудом удалось уговорить Шуру подождать еще день-два. Я знала, что Анастасия Ивановна была в Освенциме с тремя дочерьми, одна из них там погибла, другую мать ищет все эти годы, а старшая, Люда, нашлась после войны. Ее-то я и вызвала на переговорную Витебска.

— Это наша, наша девочка! — закричала Люда в трубку, как только я стала говорить о первой, неясной цифре на руке. — Мама помнит, что когда Шурочке выжигали номер, то она вырывала ручку, и одна из цифр получилась неясно.

Тут мои сомнения почти отпали, и мы уговорились — Люда осторожно подготовит мать к встрече с новой Шурой. Вот как «осторожно» Люда это сделала: «Когда я прибежала с телеграфа и рассказала матери весь наш разговор, ей стало плохо, мы ей и капли валерьяновые, и воды, а она голосит, как по покойнику, дрожит вся».

Люда прислала мне фотографию: худые, угрюмые дети лет трех — пяти выходят из-за колючей проволоки в момент освобождения Освенцима. Они еще не понимают, что пришел конец их страданиям, смотрят недоверчиво, исподлобья. Впереди отмечена крестиком черноглазая, насупившаяся маленькая Шура. Как попал этот снимок к Анастасии Ивановне? Случилось так, что через несколько лет после войны мать увидела кинохронику «Освобождение Освенцима» и узнала на экране свою дочь.

Люда просила: «Фотографию верните, может быть, все-таки это не Шурочка наша и карточка нужна будет для дальнейших поисков».

Стало быть, у нее еще не было полной уверенности в том, что найдена настоящая Шура. Только личное свидание, живая встреча матери и дочери могла прояснить все до конца. Боюсь, что в последующие дни телефонные линии Москва — Бельцы — Витебск были перегружены. В течение одного вечера сестры несколько раз перезванивались, но они не столько говорили, сколько

плакали в телефон. Поэтому я тоже соединялась с каждой из них по два-три раза, чтобы они могли договориться хоть через меня, как через переводчика.

Удивительно, до чего у сестер похожи голоса, интонации. Хотя они друг друга не видели и Шура даже не знала, что у нее есть сестра, они совершенно одинаково восклицали: «Ой, не могу!», «Ой, не могу!»

И вот Анастасия Ивановна с Людмилой сели в поезд и поехали в Бельцы. Нетерпение их было так велико, что в Кишиневе они пересели в такси. А у меня уже возникла новая тревога: как обернется на этот раз сложная проблема усыновленных? Ведь Шура искренне привязана к своим приемным родителям: «Никогда я папе и маме не задавала вопросов, родная ли я им. Но когда я поступила на работу, моя мама мне рассказала обо всем и посоветовала искать родную мать... А теперь я не знала, как сообщить эту новость родителям... Папа стал очень плакать и мама тоже. Я их уговариваю, что между нами все останется по-прежнему».

Наконец настал день, когда все собрались вместе в Бельцах и наперебой рассказывали мне по телефону, что Шура — копия матери, что и без страшного клейма они тотчас узнали бы ее. А сама Шура, видимо, еще не совсем освоилась и говорила родной матери «вы»:

— Вы, мама, не плачьте...

Потом трубку взял приемный отец, Семен Ананьевич.

— У нас сегодня мировая встреча,— сказал он.— Мы с женой счастливы, что наша дочь нашла свою ро́дную мать. Мы очень любим Шуру и очень хвалим ее. Но нам всегда хотелось, чтобы ее мать узнала, что Шура жива.

Вот что сказала Люда:

— Обязательно нужно, чтобы сестра поехала на встречу бывших узников Освенцима. В прошлом году приезжала та Шура, у которой номер не сошелся, и бывшие узники так ей сочувствовали.

Все прояснилось, одно оставалось непонятным: каким образом девочка, отмеченная крестиком на фотографии, попала из Освенцима в Бельцы? Позднее выяснилось и это — из письма медицинской сестры Любови Алексеевны Хозяиной.

«Мы с мужем были участниками освобождения Освенцима,— написала она Шуре.— Вас взял один солдат. Такими глазами смотрели вы на нас и просили вас не оставлять, что никто не мог устоять против этого... Вы остались со мной в части... Окончилась война, и нашу часть направили в Молдавию, в Бельцы. Фамилию вашу никто не знал, и, когда мы вас устраивали в детский дом, вам дали фамилию Победа».

Так Шура узнала о себе и то, чего не сохранила ее детская память.

Не только этот поиск завершился по-иному, изменились и другие судьбы, потому-то книжка «Найти человека» и потребовала послесловия. Вернемся к «Сюжету для короткой новеллы» (смотрите страницу 261).

Немолодая женщина, шофер такси, работает в Аскания-Нова. Ей важно колесить по дорогам, по городу. Сюда съезжаются молодые экскурсанты со всей страны. Сюда приедет и ее дочь, потерянная в начале войны,— так думает мать. Часто она везет пассажира, внезапно останавливает машину, подбегает к девушке с пушистыми волосами и, помрачнев, возвращается обратно.

Теперь матери уже не нужно больше колесить по дорогам.

Нашлась ее дочь! Правда, не среди экскурсантов. Нашлась она благодаря тому, что в момент передачи у радиоприемника оказалась бывшая воспитанница детского дома Анна Егорова. Услышав, что мать ищет свою дочь по фамилии Кучерова, она тут же написала в «Маяк», что рассказ матери напомнил ей подружку по детдому с похожей фамилией — Кучеренко. Мы пошли по этому давнему, неясному следу, и в конце концов мать с помощью многих людей нашла дочь. А в придачу зятя и восьмимесячного внука.

Говорят, что беда не приходит одна. Но бывает, что и радость одна не приходит. Около четырех лет прошло с тех пор, как встретились сестры Алла Воробьева и Бэла Полищук (страница 32). Однажды сижу я, готовлюсь к сороковой радиопередаче,— вдруг звонок по телефону: незнакомая Нина Журавлева, волнуясь, просит:

— Мне срочно нужен адрес Аллы или Бэлы. Это мои двоюродные сестры.

— Почему вы так думаете? Вы не ошибаетесь?

— Нет, нет... Отлично знаю их историю. Как-то я рассказала ее одной женщине, которая живет в Воронеже, а она — своей дочке Тане. А Таня прочла ее в журнале «Знамя»... Это они, они... Понимаете, их мать жива! Она родная сестра моей мамы.

— Жива? — не поверила я своим ушам.

В тот же вечер Нина Журавлева пришла ко мне домой, и я узнала, что мать Аллы и Бэлы, Ирина Семеновна Мелащенко, в самом деле жива и живет в Донецке. Значит, не только сестры, искавшие друг друга по всей стране, жили почти что рядом — одна в Днепро-

петровске, другая в Днепродзержинске,— неожиданно выяснилось, что недалеко от них, в Донецке, все эти годы жила их мать! Но вот беда — Ирина Семеновна уже несколько месяцев лежит в Донецкой больнице. Как сообщить ей, что нашлись ее дочки, которых она разыскивает уже двадцать четыре года? Такая внезапная радость не окажется ли опасной для сердечной больной? Но не скрывать же от матери, что Алла и Бэла не погибли в фашистском лагере, а выросли на родине, живы, здоровы!

На другой день Нина вылетела на самолете в Днепродзержинск. Очутилась она в незнакомом городе в час ночи. Шофер такси ехал в парк и не захотел было везти ее, но, узнав, в чем дело, довез и даже отказался взять деньги. А рано утром Алла и Бэла вместе с Ниной уже мчались на машине в больницу, в Донецк.

— Нет, вы подумайте! Четырнадцать раз я была в Донецке! — всю дорогу ахала Бэла.

Врач разрешил дочерям свидание, осторожно подготовив больную. Не только няни, санитарки, но все больные, кто мог подняться с постели, толпились в коридоре. Несмотря на просьбу врача — не плакать, все-таки не обошлось без слез. Но это были слезы радости. И пошли воспоминания:

— Мама, помнишь, какую сказку ты нам рассказывала?

— Конечно, помню, Аллочка: «Ивасик Телесик». Я только ее и знала.

— А помнишь, у тебя халат был коричневый, с зелеными квадратиками?

— Бэла даже расцветку не забыла! — радовалась мать.

— А у меня поясок остался. Я его все берегла в детском доме... Одна девочка отняла его у меня, вплела в косу вместо ленты. Я стала отнимать, и мы здорово подрались! — рассказала Бэла.

Недавно мне прислали пленку: запись встречи в больнице. Особенно волнующими показались мне даже не рыдания дочерей, а тихие слова матери: «Не плачьте, дети, мы вместе, вместе...»

К общей радости, кардиограмма, снятая после встречи с дочками, оказалась лучше предыдущей. И вскоре настал день, когда врач разрешил больной подняться с постели.

— Пусть ваши дочери помогут вам встать,— сказал он.

И дочери, в буквальном смысле слова, поставили свою мать на ноги, помогли ей сделать первые шаги по палате. Чтобы не волновать ее, они ни о чем не расспрашивали. Но она сама рассказала. В фашистском лагере Сольдау она была вместе с маленькими дочерьми. Но у нее родился еще ребенок — мальчик, он умер. Пока она находилась с ним в больнице, девочек угнали дальше. Куда только мать не обращалась после победы, вернувшись на родину! Получила семьдесят ответов из разных городов, и все неутешительные. Да это и понятно! Как было найти Аллу и Бэлу, ведь они даже не знали своей фамилии...

И еще одна поправка к книге. Изменилось число найденных. Их — 420.

29 мая 1969 года

И ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ...

Не так-то просто, оказывается, поставить точку и в новом издании книжки «Найти человека». Сама жизнь не позволяет мне это сделать. И не потому, что радиопоиски продолжаются и несут с собой новые находки, а потому, что продолжают меняться судьбы людей, упомянутых в книге. На стр. 196, например, говорится о том, какая была бы радость, если б нашлись родные Нины Киселевой. А они нашлись, но уже после выхода первого издания книги, и тем самым запись на стр. 196 устарела. Теперь у Нины есть родная сестра, родной брат,— как же не сказать об этом? Своего брата Владимира она увидела впервые, но с детства помнила, что у мамы во время бомбежки родился мальчик и что назвали его Вовка. Это воспоминание и привело к встрече.

На странице 76 речь идет о том, как быстро встретились Галина и Октябрина Царьковы. Теперь выяснилось, что сестрам удивительно везет на быструю радость — нашлась их мать, Таисия Афанасьевна. Прочла она книжку «Найти человека» и тут же написала: «Все говорит за то, что Октябрина и Галина Царьковы это мои дочери, которых я столько лет разыскиваю». Сверила я это письмо с письмами сестер, все сходится, даже старый ленинградский адрес упоминается в трех письмах тот же самый. Вызвала я мать на переговорную Ленинграда, окончательно убедилась, что ошибки быть не может, и послала сестрам телеграммы, одной в Сухуми, другой в Ташкентскую область, поздравила с новой быстрой радостью.

Кто знает, может быть, по-иному завершатся и другие поиски, о которых сейчас рассказано как о неудавшихся? Кто знает?.. Уже и сегодня у меня собраны в большом конверте письма, где звучат почти как заклинание такие слова: «Не я ли та девочка? Пусть это буду я!», «Чувствую, чувствую, что речь идет о моем сыне...» Так пишут люди, которым кажется, что они в книжке узнали себя или своих близких. Хорошо, если сбудется хотя бы часть этих надежд! Но пока — данные сверяются. А письма идут, их больше восьмидесяти тысяч, письма все идут и могут принести вести, которые вновь изменят все увеличивающееся число семей, соединенных после долгой разлуки. Сегодня их — 520.

13 января 1970 г.

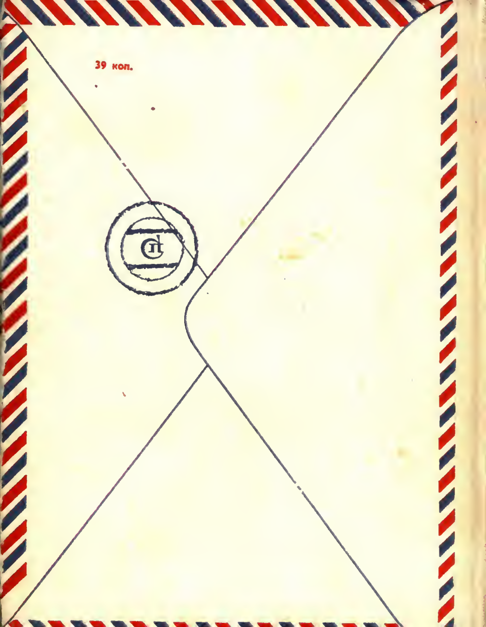
СОДЕРЖАНИЕ

Барто Агния Львовна

НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА

М., «Советский писатель», 1970, 304 стр. Плаи выпуска 1970 г. № 72. Редакторы М. В. Иваиова и Е. О. Пельсои. Худож. редактор Е. И. Балашева. Техн. редактор Р. Я. Соколова. Корректор Л. А. Матасова. Сдаио в иабор 28/I 1970 г. Подписано к печати 26/III 1970 г. А 01264. Бумага 70×108 1/32 № 1. Печ. л. 9,5 (13,3). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 200 000 экз. Заказ 48. Цена 39 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

39 коп.